
СИБИРСКИЙ ФИЛОСОФСКИЙ ЖУРНАЛ

2025. Том 23, № 4

СОДЕРЖАНИЕ

Аналитическая философия, эпистемология и философия науки

Прись И. Е. (Ин)детерминизм и контекстуальный реализм 5

Полемика

Ореховский П. А., Разумов В. И. Кризис сциентизма 20

Головкин Н. В. Знание, научное знание и объективность 37

Историческая память: прошлое в настоящем

Малахов Д. В. Антропологический поворот в феноменологии исторической памяти о Великой Отечественной войне 113

Научная жизнь, рецензии, переводы

Петров В. В., Лях Е. Е. Производство научного знания: исторический контекст и социальный фон 141

Информация для авторов 149

SIBERIAN JOURNAL OF PHILOSOPHY

2025. Volume 23, issue 4

Contents

Analytical Philosophy, Epistemology and Philosophy of Science

Pris I. E. (In)determinism and contextual realism 5

Polemics

Orekhovsky P. A., Razumov V. I. The crisis of scientism 20

Golovko N. V. Knowledge, scientific knowledge and objectivity 37

Historical memory: the past in the present

Malakhov D. V. An anthropological Turn in the Phenomenology of historical
Memory of the Great Patriotic War 113

Academic Life and Reviews

Petrov V. V., Lyakh E. E. Scientific Knowledge Production: Historical Context
and Social Background 141

Instructions for Contributors 149

Научная статья

УДК 111.1; 165.0

DOI 10.25205/2541-7517-2025-23-4-5-19

(Ин)детерминизм и контекстуальный реализм

Игорь Евгеньевич Прись

*Институт философии НАН Беларусь
Минск, Беларусь*

frigpr@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1721-6388>

Аннотация

Нерелятивистская классическая физика может быть рассмотрена с контекстуальной точки зрения. На первый взгляд, различие между классической, включая СТО, и квантовой физикой в том, что последняя индетерминистична, то есть в общем случае контекст квантового события не поддаётся контролю. Но в рамках нашего контекстуального реализма мы трактуем физические теории, в том числе и классические, как грамматики соответствующих научных практик – правила витгенштейновских языковых игр, то есть витгенштейновские правила (нормы) (в-правила). Всякая теория как в-правило – существенно вероятностная, поскольку в-правило имеет новые (непредопределённые) употребления. Поэтому классическая механика, подобно квантовой, должна иметь существенно вероятностную интерпретацию, а проблема измерения, то есть проблема провала между в-правилом и его применением, существует и в классической механике.

Ключевые слова

детерминизм, индетерминизм, классическая физика, квантовая физика, контекстуальный реализм

Для цитирования

Прись И. Е. (Ин)детерминизм и контекстуальный реализм // Сибирский философский журнал. 2025. Т. 23, № 4. С. 5–19. DOI 10.25205/2541-7517-2025-23-4-5-19

(In)determinism and contextual realism

Igor E. Pris

*Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus
Minsk, Belarus*

frigpr@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1721-6388>

© Прись И. Е., 2025

Abstract

Non-relativistic classical physics can be considered from a contextual perspective. At first glance, the difference between classical physics (including special relativity) and quantum physics lies in the fact that the latter is indeterministic – that is, in general, the context of a quantum event cannot be controlled. However, within the framework of our contextual realism, we interpret physical theories – including classical ones – as grammars of corresponding scientific practices: rules of Wittgensteinian language games, that is, Wittgensteinian rules/norms (W-rule). Any theory, as a W-rule, is essentially probabilistic, since a W-rule allows for new (non-predetermined) uses. Therefore, classical mechanics, like quantum mechanics, must be given an essentially probabilistic interpretation, and the problem of measurement – that is, the gap between the W-rule and its application – exists in classical mechanics as well.

Keywords

determinism, indeterminism, classical physics, quantum physics, contextual realism

For citation

Pris I. E. (In)determinism and contextual realism. *Siberian Journal of Philosophy*, 2025, vol. 23, no. 4, p. 5–19. (in Russian) DOI 10.25205/2541-7517-2025-23-4-5-19

1. СТО и квантовая механика

Два постулата специальной теории относительности (СТО) – отсутствие привилегированной системы отсчёта, то есть принцип относительности, утверждающий, что законы физики имеют одинаковую форму во всех инерциальных системах отсчета, и принцип постоянства скорости света – на первый взгляд противоречат друг другу: если всё, включая скорость, относительно, каким образом скорость света может быть абсолютной. Противоречие разрешается отказом от абсолютности (не)одновременности, что можно рассматривать как признание её зависимости от контекста (системы отсчёта. Система отсчёта превращается в контекст, если она остаётся на заднем плане, подразумевается). Если к тому же признать, что (не)одновременность реальная, а не условная, мы приходим контекстуальному реализму (КР) (а не релятивизму) в СТО¹. Именно правильное понимание контекстуальности позволяет избежать философского релятивизма и одновременно посмотреть на теорию относительности с подлинно реалистической точки зрения, не смешивающей реальность и теорию (смысл, концепты, нормы, правила).

Подобно двум постулатам СТО, кажущееся противоречие содержат в себе два информационных постулата Карла Ровелли, исходя из которых он реконструирует квантовую механику: «Постулат 1 (ограниченность информации). Существует максимальное количество релевантной информации, которую можно извлечь из системы. Постулат 2 (Неограниченная информация). Всегда есть возможность получить новую информацию о системе» (см.: [Rovelli, 1996])². Если полная информация конечна, то каким образом при каждом измерении возникает новая информация?! Противоречие разрешается благодаря квантовым свой-

¹ Отметим, что с точки зрения подхода в терминах четырехмерных инвариантов, понятие (не) одновременности не имеет смысла, так как одновременность не инвариантна (абсолютна). Но это законная точка зрения – ещё один контекст.

² Формулировка, предложенная К. Ровелли в 2019 г., следующая: «(i) Релевантная информация конечна для системы с компактным фазовым пространством, (ii) всегда может быть приобретена новая информация». См.: Rovelli C. Relational quantum mechanics. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Spring 2025 Edition). URL: <https://plato.stanford.edu/entries/qm-relational/> (дата обращения: 15.11.2025).

ствам системы, то есть трактовкой физических величин как некоммутативных операторов. В квантовой механике некоммутативность связана с контекстуальностью: в простейшем случае под контекстуальностью понимают зависимость результата измерения физических величин от порядка производимых измерений (более нюансированная позиция у Бора. Для него контекст – экспериментальные условия проведения эксперимента). При этом никакого онтологического смысла контекстуальности не приписывается³. Напротив, наш контекстуальный квантовый реализм (ККР) утверждает, что чувствительность к контексту не только эпистемическая, но и онтологическая. При этом контекстуализм не релятивизм, контекст не ограничение и не внешние условия по отношению к квантовому эксперименту или событию; он неотделим от них.

Наконец, упомянем ещё позицию лауреата Нобелевской премии по физике 2022 года Антона Цайлингера, который выводит квантовую механику из одного-единственного принципа информации (предполагается также сохранение информации). Принцип гласит, что минимальная квантовая система содержит 1 бит информации (см.: [Zeilinger, 1999]). Мы показали, что Цайлингер смешивает информацию (идеальное) и реальность, а его принцип – идеалистический. Мы предложили поставить философскую позицию Цайлингера с головы на ноги – переинтерпретировать принцип реалистически – как принцип контекстуальности (принцип КР/ККР) (см.: [Прись, 2021; Laurent, Pris, 2022]).

Эти примеры показывают, что с точки зрения КР, совмещающего в себе принципы реальности и контекстуальности (так, что принцип контекстуальности оказывается не независимым принципом, а просто указывает, как следует понимать подлинный реализм), СТО и квантовую механику можно трактовать с единой более общей – контекстуальной – точки зрения.

Наша точка зрения согласуется с позицией Николаса Гизина и Флавио Дель Санто. Они предлагают вывод СТО из принципа конечной плотности информации (вместо принципа постоянства скорости света) и принципа относительности. Из первого принципа следует, что скорость передачи информации не может быть бесконечной. Тогда из принципа относительности следует, что предельная скорость передачи информации одна и та же во всех инерциальных системах отсчёта. Поскольку из принципа конечной плотности информации также следует индетерминизм, СТО оказывается совместимой с индетерминизмом, если рассматривать саму (ин)детерминацию как относительную (см.: [Del Santo, Gisin, 2021]). В то же время мы утверждаем, что, подобно Цайлингеру, Гизин и Дель Санто смешивают информацию и реальность. Принцип конечной плотности информации следует заменить принципом контекстуальности.

Нерелятивистская классическая физика тоже может быть рассмотрена с контекстуальной точки зрения. На первый взгляд, различие между классической, включая СТО, и квантовой физикой в том, что последняя индетерминистична, то есть в общем случае контекст квантового события не поддаётся контролю. Но в рамках нашего ККР мы трактуем физические теории, в том числе и классические, как грамматики соответствующих научных практик – правила витгенштейн-

³ Некоторые авторы всё же считают, что для Бора онтология зависит от контекста и, в частности, существует не только квантовая, но и классическая онтология.

новских языковых игр, то есть витгенштейновские правила (нормы) (в-правила) (см.: [Прись, 2020a; 2020b; 2023]). Всякая теория как в-правило – существенно вероятностная, поскольку в-правило имеет новые (непредопределённые) употребления. Поэтому классическая механика, подобно квантовой, должна иметь существенно вероятностную интерпретацию, а проблема измерения, то есть проблема провала между в-правилом и его применением, существует и в классической механике. Это согласуется с выводами, сделанными в ряде других работ (см.: [Del Santo, Gisin, 2019; 2023; 2025; Gisin, 2020; Ronde, 2023]). В частности, согласно Гизину и Дель Санто, проблема измерения присутствует во всех индетерминистских теориях (см.: [Del Santo, Gisin, 2019]). Кристиан Де Ронде пишет о «(квантовой) проблеме измерения в классической механике» (см.: [Ronde, 2023]). В недавней статье Дель Санто и Гизин доказывают, что «классическая физика может быть рассмотрена как подлинно индетерминистская теория», и что в их альтернативной версии классической физики существует проблема измерения – «Каким образом одно значение физической переменной актуализируется из набора её возможных значений?» (см.: [Del Santo, Gisin, 2025]).

2. КР вместо математического и физического платонизма

2.1. Классическая механика с индетерминистской точки зрения

В классической статистической физике или теории динамических систем, где точные предсказания практически невозможны, детерминизм имеет место лишь в теории. Естественно, следовательно, взглянуть на классическую физику с индетерминистской точки зрения. Если всё же настаивать на принципиальном детерминизме, то дело выглядит так, как если бы существовало некоторое скрытое знание, к которому у нас нет доступа, может быть даже в принципе.

В этой связи нам симпатична позиция Гизина и Дель Санто (некоторые статьи подписаны только Гизиным, тогда как другие в соавторстве с Дель Санто), которая, однако, выражается на языке интуиционистской математики, тогда как мы трактуем её с точки зрения нашего КР (см.: [Del Santo, Gisin, 2019; 2023; Gisin, 2020]). Гизин пишет: «Ограничивают ли научные теории человеческие знания? Другими словами, существуют ли навсегда скрытые по своей сущности физические величины? Мы даём отрицательный ответ и иллюстрируем нашу точку зрения на примере хаотических классических динамических систем. Мы подчеркиваем параллели с квантовой теорией и приходим к выводу, что обычные действительные числа де-факто являются скрытыми переменными классической физики. Следовательно, действительные числа не должны рассматриваться как “физически реальные”, а классическая механика, как и квантовая физика, является индетерминистской» (см.: [Gisin, 2020]). Параллель здесь проводится между детерминистской трактовкой классической механики и интерпретацией квантовой механики Дэвида Боба, вводящей скрытые параметры. При этом утверждается, что экспериментальным образом невозможно отличить индетерминистскую интерпретацию квантовой и классической механик от их детерминистской (платонистской, со скрытыми параметрами) интерпретации. Мы удерживаем в подходе Гизина (и Дель Санто) критику платонизма и детерминизма,

в то же время отказываясь от интуиционистской логики, отвергающей закон исключённого третьего и принцип бивалентности, и принимая витгенштейновскую философию математики и КР. (См. также критику платонизма в физике, предложенную Ли Смолиным [Smolin, 2013]).

Прежде всего отметим, что сказать, что, быть может, в принципе мы не всё можем познать – не то же самое, что сказать, что существует некое скрытое знание, которое нам в принципе недоступно или пока недоступно. Знание относится к категории идеального. Оно не содержится в реальности как таковой, а вырабатывается в ней при помощи соответствующих средств познания, которые сами вырабатываются в реальности. В этом смысле оно не может быть скрытым или даже предопределённым. Это значит, что правильная критика «скрытого знания» не должна ограничиваться критикой недоступного (бесконечного) знания, а должна затрагивать любое предопределённое знание. Можно сказать, что некоторая часть реальности содержит в себе некоторое знание только тогда, когда это знание в ней уже выработано (когда говорят, что некоторая физическая система содержит в себе некоторое знание или некоторое количество информации, имеют в виду техническое, а не эпистемическое, понятие знания/информации). Философский детерминизм, как, впрочем, и индетерминизм относительно реальности как таковой, а также приписывание реальности как таковой каких-либо законов, не зависящих в некотором абсолютном смысле от возможностей человеческого познания, строго говоря, идеалистическая позиция (хотя она кажется реалистической, поскольку приписывает реальности некоторые объективные свойства и, в частности, утверждает объективность законов природы, их независимость от субъекта, сознания, концептов, теорий и т. д.). Наш КР утверждает, что первичным является концепт реальности, а детерминизм, индетерминизм и законы природы – вторичные понятия. В рамках той или иной научной формы жизни (практики) может иметь смысл говорить о детерминизме или индетерминизме или о тех или иных законах природы. Но бессмысленно говорить, что реальность как таковая является детерминистской или индетерминистской или подчиняется тем или иным законам.

Принципиальный детерминизм классической механики – следствие философского представления о том, что классические физические величины имеют предопределённые значения. Сомнительность этого представления становится особенно очевидной, когда предполагается, что значения физических величин выражаются действительными числами, имеющими предопределённые десятичные знаки, быть может, сколь угодно удалённые от запятой, и играющими роль в наблюдаемых эффектах. С одной стороны, это предположение платонистской математики, которое вместе с Гизиним мы отвергаем, но не с интуиционистской, а с витгенштейновской точки зрения. Согласно последней, даже бесконечная последовательность натуральных чисел не предопределена в том смысле, что нельзя сказать, что все члены этой последовательности располагаются на некотором платоновом небе вечных и неизменных идей/форм, имеющих особый онтологический статус. По всей видимости, о предопределённом существовании нельзя говорить даже относительно достаточно большой конечной последовательности натуральных чисел. С другой стороны, это смешение математики, играющей по отношению

к физике роль идеального правила, и физики (реального): рассматривать платонистские действительные числа как «реальные», «физические», в смысле отождествления со значениями реальных физических величин, означает смешивать категории идеального и реального, «модель» и моделируемую реальность. На самом деле таким смешением является трактовка любых чисел как физических, включая интуиционистские числа, что, на наш взгляд, не замечает Гизин, хотя он и предупреждает об опасности принятия моделей за реальность.

Как известно, в случае классического (детерминированного) динамического хаоса сколь угодно малые изменения в начальных условиях динамической системы, выражаемых действительными числами, имеющими сколь угодно большое (бесконечное) число знаков после запятой, которые мы не можем знать, могут привести к практически непредсказуемым большим последствиям⁴. Нам представляется контринтуитивным предположить, что индетерминизм здесь лишь кажущийся. Можно предположить, что, подобно тому как в случае квантовых измерений результат измерения (квантовое событие, его конкретный контекст) в принципе не известен и даже не предопределён, начальные условия хаотического события (его контекст) в принципе не предсказуемы и даже не предопределены, а не просто неизвестны. Вообще предопределённость – детерминизм или предопределённый индетерминизм, который есть разновидность детерминизма – предполагает осмысленность природы в себе, наличие у неё концептуального измерения, что нами отвергается. Тем не менее, в рамках стандартного подхода в физике предполагается, что эволюция динамической системы детерминирована (предопределена).

Согласно Гизину, детерминистская трактовка классических динамических систем – ретроспективная реконструкция на языке платонистской математики (см.: [Gisin, 2020]). Вместо того чтобы признать принципиальный индетерминизм, постулируется непознаваемость начальных условий. На самом деле, как утверждает Гизин, хаотическая система лучше всего описывается на языке динамических чисел интуиционистской математики, то есть чисел как временных процессов. Платонистские действительные числа, в которых все (бесконечное число) десятичные знаки (пред)определены, содержат в себе бесконечное количество информации. Поэтому всё выглядит так, как если бы начальное состояние конечной физической системы, выражаемое действительными числами, содержало в себе бесконечную информацию. Но конечные физические системы, занимающие ограниченный объём пространства, не могут содержать в себе бесконечную информацию. К тому же, как уже было сказано, всё выглядит так, как если бы существовали начальные условия, к которым у нас в принципе нет доступа.

Несмотря на конструктивную критику детерминизма классической физики и платонизма, Гизин, как уже было сказано, продолжает смешивать категории идеального (информация и числа идеальны) и реального (физическая система).

⁴ Начальное состояние системы – точка в фазовом пространстве – полностью определяет его эволюцию – траекторию системы в фазовом пространстве. Практически, однако, эту траекторию предсказать невозможно, так как главные десятичные знаки в действительных числах, представляющих координаты и импульс системы, зависят от удалённых десятичных знаков в действительных числах, представляющих начальные координаты и импульс системы. Эти последние можно назвать «скрытыми».

С точки зрения нашего КР реальность как таковая вообще не содержит в себе информацию (знание). Информация вторична. В то же время даже из конечного объёма пространства в разных контекстах можно извлечь сколько угодно информации (см., например, второй информационный постулат реляционной квантовой механики Ровелли). Числа, применяемые в физике, сами по себе не являются ни физическими, ни нефизическими. Они идеальны. В принципе любые числа, даже числа нестандартного анализа, могут быть использованы для представления реальности. Всё зависит от существования эффективной (реальной) языковой игры (нормативной практики), в которой эти числа употребляются.

Следствием неопределённости в начальных условиях динамической физической системы является не(пред)определённость будущего, ограниченность знания о нём. В то же время знание параметров физической системы или фундаментальных констант не может быть принципиально ограниченным. С нашей антиплатонистской точки зрения скорость света, постоянная Планка, гравитационная постоянная и другие фундаментальные константы не предопределены, не существуют в платоновском мире. Их значения устанавливаются на практике развития и применения физических теорий. Ненаучно не только предположить, что мы не можем знать физические параметры или фундаментальные константы в принципе, но также что мы не можем их знать точно. Точность не абсолютна, а контекстуальна. Проблема недостижимости платоновского идеала – псевдопроблема. Идеал как корректное применение нормы реализуется в контексте.

С точки зрения нашего КР, безотносительно к той или иной форме жизни, её грамматике вообще нет смысла говорить о чём-то предопределённом. В частности, нет смысла говорить об определённых физических системах или о том, что они содержат какую-то информацию. Информация системе приписывается. Теоретически начальные условия динамической системы могут быть выражены с любой требуемой (в контексте) степенью точности. В этом и только этом смысле они могут «содержать» сколь угодно большое количество информации⁵. Мы понимаем индетерминизм не как предопределённый индетерминизм, то есть свойство природы (реальности), изначально присущий ей закон, а как зависимость от контекста, которая по определению не контролируема.

Как было сказано выше, законы природы, как детерминистские, так и индетерминистские, вторичны, предполагают форму жизни. Детерминистская ретроспективная реконструкция поведения динамической системы не есть фальсификация того, что действительно произошло; она возможна, но в общем случае только *ex post*. КР утверждает, что классическая динамическая эволюция реконструируется корректно, но она не предопределена. То есть контекстуальный детерминизм *ex post* не означает предопределённости, совместим с индетерминизмом *ex ante*, причём не только эпистемическим, но и онтологическим. Нет смысла говорить о предопределённых начальных условиях хаотической динамической системы и, соответственно, детерминированной эволюции. Они контекстуальны.

⁵ Как отмечает Лусьен Харди, с точки зрения онтической интерпретации квантовой механики даже конечномерная система, например кьюбит, может иметь бесконечное число онтических состояний. Поэтому такие системы должны содержать бесконечное количество информации (см.: [Hardy, 2004]).

В то же время ретроспективно фиксируется контекст (который мог бы быть другим), в котором начальные условия и эволюция детерминированы.

2.2. Принцип конечной плотности информации

Гизин и Дель Санто принимают точку зрения Рольфа Ландауэра, что информация не эпистемическое и тем более не абстрактное понятие. Информация физична, приобретает смысл только тогда, когда воплощается в различных состояниях физической системы, а законы природы представляют собой алгоритмы для обработки информации. Ландауэр пишет: «Информация – это не развоплощенная (disembodied) абстрактная сущность, она всегда связана с физическим представлением» [Landauer, 1996, p. 188]. «Законы физики по сути являются алгоритмами вычислений. Эти алгоритмы значимы только в той степени, в какой они выполнимы в нашем реальном физическом мире. Наши обычные законы физики зависят от математической системы действительных чисел. С этим связано предположение, что для любого требования к точности существует ряд вычислительных шагов, которые, если их выполнить, удовлетворят этому требованию точности. Но реальный мир вряд ли предоставит нам неограниченную память или неограниченное количество лент машины Тьюринга. Поэтому континуальная математика не выполнима, а физические законы, которые ссылаются на неё, не могут быть действительно удовлетворительными» [Ibid., p. 192].

С Ландауэром можно согласиться лишь частично. Согласно нашему КР, информация относится к категории идеального, а не реального. В этом смысле она не физична и не представляет собой какую-либо другую субстанцию. В отличие от Ландауэра и его последователей (Гизина и Дель Санто), мы утверждаем, что информация по определению эпистемична и имеет ментальное и семантическое измерения. Информация – знание. С другой стороны, подлинная информация, подобно подлинному смыслу, должна иметь реальные (в физике – физические) условия своего существования. В противном случае она будет псевдоинформацией. Другими словами, информация – в этом можно согласиться с Ландауэром – не является абстрактной сущностью, оторванной от физического мира. В этом (слабом) смысле она физична. Утверждать, что информация физична в буквальном смысле – смешивать идеальную информацию с реальными условиями её существования, то есть редуцировать эпистемическое понятие информации, имеющее ментальное и семантическое измерения, к техническому понятию информации. Что касается законов природы, то их понимание Ландауэром можно сблизить с нашим пониманием законов природы как в-правил, которые вырабатываются в реальности, в рамках формы жизни, на практике. В этом смысле законы природы вторичны, не предопределены.

Гизин и Дель Санто также заимствуют у Ландауэра критическое отношение к применению действительных чисел в физике. Но всё, опять же, зависит от предполагаемой философской позиции, а не просто от математики. Действительно, требование неограниченной (абсолютной) точности (например, требование принять во внимание все или достаточно большое количество десятичных знаков после запятой) является нереалистическим. В то же время в принципе невыпол-

нимое требование достижения абсолютного платонистского идеала не следует смешивать с требованием удовлетворения контекстуальной нормы (в-правилу), которое в контексте может быть удовлетворено точным образом.

На наш взгляд, проблема в том, что, подобно Цайлингеру, в своих рассуждениях Гизин и Дель Санто исходят из некоторого идеалистического информационного принципа, предполагающего смешение или даже отождествление реальности и информации. Согласно Гизину и Дель Санто, информация не может иметь бесконечную плотность. С одной стороны, этот принцип конечности плотности информации кажется самоочевидным, а с другой – достаточно расплывчат, может быть по-разному интерпретирован. Когда Гизин и Дель Санто говорят, что типичное действительное число содержит в себе бесконечную информацию, поскольку имеет бесконечное число знаков после запятой, они занимают позицию математического платонизма. Нельзя сказать, что этот платонизм они отвергают. Они просто утверждают, что интуиционистская математика тоже или даже лучше применима в физике, чем платонистская математика. Например, они говорят, что действительные числа не могут быть физическими, если признать, что информация не может иметь бесконечную плотность. Некоторые физические параметры, например, массы и заряды, задаются вычислимыми действительными числами, определяемыми при помощи алгоритмов и, следовательно, содержащими в себе конечную информацию. Но начальные условия или, например, центр масс не представляются вычислимыми числами. Именно для представления начальных условий или центра масс вместо типичных действительных чисел, содержащих в себе бесконечную информацию, Гизин предлагает применить динамические «конечно-информационные» числа (*finite information numbers*), которые он вводит в рамках интуиционистской математики и которые он считает физическими.

Нам представляется очевидным, что математический платонизм применительно к физике совпадает с метафизическим реализмом. Поэтому критика первого – это также и критика второго. При этом метафизический реализм как существование внешней реальности предопределённых объектов необязательно предполагает, что эти объекты содержат в себе бесконечную информацию, например, в виде значений физических величин, выраженных действительными числами с любым числом знаков после запятой. Предположение о наличии во внешнем мире конечной информации – тоже версия платонизма. Отвергнуть следует именно метафизический платонизм, в том числе и математический. Тогда и действительные числа окажутся применимыми в физике (именно применимыми, а не уже содержащимися в физических системах).

Подобно тому как мы предложили заменить принцип информации Цайлингера принципом контекстуальности, мы считаем, что такой замены требует и информационный принцип Гизина и Дель Санто. С точки зрения нашего КР индетерминизм, или не(пред)определённость, лучше всего понять как контекстуальность, а не как метафизический индетерминизм, приписывающий реальности свойство быть индетерминистской. Можно также сказать, что формулировка принципа информации расплывчата и правильно должна пониматься как формулировка принципа не(пред)определённости, индетерминизма, или контекстуальности.

(Гизин и Дель Санто выводят индетерминизм из информационного принципа.) Другими словами, суть не в информационной критике детерминизма и физического платонизма, а в отказе от математического платонизма, физического платонизма – метафизического реализма «внешнего мира» объектов – и эпистемического реализма модерна, не делающего различия между реальным и истинным, или познанным, редуцирующим реальность к объективности.

2.3. Неопределённость будущего и прошлого

Как уже было сказано, для Гизина и Дель Санто действительные числа в классической физике играют роль скрытых параметров в бомовской интерпретации квантовой механики. Эти скрытые параметры предопределяют будущее. Но детерминизм – иллюзия, артефакт использования действительных чисел, которые на самом деле не являются реальными. Гизин пишет: «Действительные числа в действительности не являются действительными» [Gisin, 2021a; 2021b; Del Santo, Gisin 2025] ⁶. Предлагается заменить действительные числа в физике «случайными» интуиционистскими числами, основанными на естественных случайных битах ⁷. Эмпирические предложения для Гизина и Дель Санто могут иметь три истинностных значения: «истинно», «ложно», «неопределённо» (например, относительно будущего или прошлого). Прошлое, так же, как и будущее, индетерминистично, открыто как в эпистемическом, так и в онтологическом смысле.

На первый взгляд, наш КР утверждает то же самое: эпистемический и онтологический индетерминизм. Но сходство лишь кажущееся. Для нас индетерминизм (контекстуальность, не(пред)определённость) – чувствительность к контексту. Он не выводится из принципа информации, а, как уже было сказано, есть правильное понимание этого принципа. Как следствие, мы отвергаем не только детерминизм *tout court*, но и вероятностный детерминизм, то есть существование предопределённой вероятности. Вместе с детерминизмом мы отвергаем метафизический реализм, который есть платонизм наоборот, то есть физический платонизм. Наш индетерминизм дефляционный. Индетерминизм Гизина и Дель Санто-са метафизический.

Как уже было сказано, подобно Цайлингеру, Гизин и Дель Санто смешивают реальное и информацию (идеальное), то есть имплицитно принимают эпистемический реализм модерна ⁸. Для них отсутствие информации о некотором будущем равносильно отсутствию этого будущего, а исчезновение информации о некотором прошлом равносильно исчезновению этого прошлого. То есть исчезает не только информация, знание, и не только (определённая) онтология,

⁶ См. также: Gisin N. Elegance, Facts and Scientific Truths (2 Oct 2024). *arXiv*. URL: <https://arxiv.org/abs/2410.01279> (дата обращения: 15.11.2025).

⁷ Гизин говорит, что нельзя принимать модель за реальность. Но на деле у него это относится только к платонистской модели действительных чисел. Интуиционистские числа он принимает за реальность. А реальность у него отождествляется с информацией – конечной информацией, которую содержат в себе интуиционистские числа.

⁸ В согласии с нашей позицией Уаймен Квок пишет, что Дель Санто и Гизин допускают «смешение самой физической величины и её числового представления». См.: Kwok W. Should Classical Physics Be Interpreted Indeterministically? (25 Apr 2020). *arXiv*. URL: <https://arxiv.org/abs/2005.07079> (дата обращения: 15.11.2025).

но исчезает и сама реальность: «Мы имеем в виду не просто эпистемологическое утверждение, а именно утверждение, что исчезает лишь *наше знание* о прошлом. Исчезает, скорее, сама *доступная информация*, которая была закодирована в некоторых степенях свободы Вселенной, и потому она полностью прекращает своё существование» (см.: [Del Santo, Gisin, 2023]). Принятие принципа конечной плотности информации, согласно Гизину и Дель Санто, означает возможность влиять на прошлое⁹. Это антиреализм. Для нашего КР онтология вторична по отношению к реальности как таковой. Поэтому исчезновение информации (знания) и, соответственно, (определённой) онтологии не означает исчезновения реальности.

Антиреализм – следствие эпистемического реализма, отождествляющего реальность со знанием о ней. Идеалистический принцип информации как раз и выражает это отождествление информации и реальности, математического и реального. В частности, отвергнуть действительные числа потому, что они не являются «физически реальными», предполагает, что числа могут быть физически реальными. На самом деле никакие числа не являются физически реальными. Вместо употребления действительных чисел, которые якобы создают иллюзию предопределённости будущего, Гизин и Дель Санто предлагают употребить случайные динамические числа (как процессы)¹⁰. Вместо детерминистской метафизики, таким образом, принимается вероятностная метафизика, или метафизика детерминистской вероятности.

Гизин и Дель Санто хотят быть реалистами. Но тот факт, что с их точки зрения антиреализм Майкла Даммита, скорее, представляет собой индетерминизм, лишь подтверждает наш вывод, что их позиция не реалистическая. Критикуя детерминизм, они пишут: «Иногда реализм определяют как гипотезу о том, что каждая физическая величина всегда имеет значение. Но тогда либо эта величина недоступна, следовательно, нефизична, либо эта величина может быть выявлена соответствующими измерениями (с любой степенью точности, по крайней мере, в принципе). Следовательно, эти измерения имеют предопределённые результаты, и реализм есть не что иное, как просто причудливое слово для детерминизма» (цит. по: [Del Santo, Gisin, 2023]). Фактически это формулировка метафизического реализма, то есть физического платонизма. Метафизический реализм/платонизм – детерминизм в широком смысле (как мы уже отмечали, предопределённой может быть, например, вероятность. Тогда это вероятностный детерминизм. С точки зрения КР ничто не предопределено).

Тем не менее, авторы полагают, что их позиция позволяет совместить реализм и индетерминизм. Они ещё говорят об «индетерминистском реализме», что, на первый взгляд, напоминает наш КР, совмещающий индетерминизм (контекстуальность, не(пред)определённость, свободу выбора) и реализм.

⁹ Что касается будущего, то с течением времени, которое для них креативно и объективно, представляет собой чисто естественный процесс, неопределённость превращается в некоторую определённую.

¹⁰ В соответствии с принципом конечности плотности информации предлагается модель индетерминистской классической (нерелятивистской) физики. Это достигается путем замены обычных действительных чисел как значений, принимаемых физическими величинами, «конечными информационными величинами». Такие числа – процессы, которые становятся все более и более детерминированными с течением времени.

На самом деле их индетерминистский реализм – гибридная позиция, разновидность метафизического реализма. Для них индетерминизм, а не реальность, первичное понятие. Индетерминизм выражается случайными (интуиционистскими) числами. Это просто ограничение на полностью детерминистский метафизический реализм. Для Гизина и Дель Санто индетерминизм означает, что в природе существуют акты чистого созидания, в которых постоянно производится новая информация, которая моделируется, выражается независимыми случайными числами (битами). Гизин пишет: «Природа способна постоянно производить новую информацию, которая здесь моделируется подлинными случайными числами. В самом деле, сам смысл индетерминизма в том, что природа способна к подлинным небольшим актам чистого созидания» [Gisin, 2021b, p. 13364]. Это Гизин и Дель Санто называют «объективным индетерминизмом». С точки зрения КР бессмысленно сказать, что природа создаёт информацию.

Доктрина метафизического реализма предполагается так называемым «принципом бесконечной точности»: «Принцип бесконечной точности: 1. (Онтологический) – существует действительное (actual) значение каждой физической величины с бесконечным количеством определенных цифр (digits) (в любой произвольной системе счисления). 2. (Эпистемологический) – несмотря на то, что может быть невозможно узнать все цифры физической величины (путем измерений), возможно узнать сколь угодно большое количество её цифр (digits)» (см.: [Del Santo, Gisin, 2019]). Это метафизическое предположение, что физические величины предопределены и выражаются действительными числами, имеющими бесконечное число предопределённых знаков. Другими словами, принцип приписывает физическое значение математическим действительным числам (или, что то же самое, математическое значение физическим величинам). Согласно Гизину и Дель Санто, именно отказ от этого принципа позволяет трактовать классическую механику как индетерминистскую (в формулировке Гизина и Дель Санто имеется, очевидно, тесная связь между принципом бесконечной точности и принципом бесконечной плотности информации).

При этом, как отмечают Гизин и Дель Санто, любая индетерминистская интерпретация физики сталкивается с проблемой, связанной с объяснением того, как неопределённые значения становятся определёнными. В квантовой механике это «проблема квантового измерения» (см.: [Del Santo, Gisin, 2019]). Гизин и Дель Санто, как уже было сказано, вводят гипотезу креативных природных актов. Понимание индетерминизма в рамках КР как контекстуальности (чувствительности к контексту) избавляет от указанной проблемы. КР не гибридная концепция, не метафизическая комбинация индетерминизма и реализма.

Список литературы

- Прись И. Е. Контекстуальность онтологии и современная физика. СПб.: Алетейя, 2020a.
- Прись И. Е. Гуманитарные науки и квантовая механика // Философия науки. 2020b. № 2 (85). С. 113–130.

- Прись И. Е.** О фундаментальном концептуальном принципе квантовой механики // *Философия науки*. 2021. № 4 (91). С. 82–92.
- Прись И. Е.** Контекстуальный квантовый реализм и другие интерпретации квантовой механики. М.: Ленанд, 2023.
- Del Santo F., Gisin N.** Physics Without Determinism: Alternative Interpretations of Classical Physics // *Phys. Rev. A*. 2019. Vol. 100. No. 6. 062107. DOI: 10.1103/PhysRevA.100.062107
- Del Santo F., Gisin N.** The Relativity of Indeterminacy // *Entropy*. 2021. Vol. 23(10). 1326. DOI: 10.3390/e23101326
- Del Santo F., Gisin N.** The Open Past In An Indeterministic Physics // *Found. Phys.* 2023. Vol. 53. 4. DOI: 10.1007/s10701-022-00645-y
- Del Santo F., Gisin N.** Which Features of Quantum Physics Are Not Fundamentally Quantum But Are Due to Indeterminism? // *Quantum*. 2025. Vol. 9. 1686. DOI: 10.22331/q-2025-04-03-1686
- Gisin N.** Real Numbers are the Hidden Variables of Classical Mechanics // *Quantum Stud.: Math. Found.* 2020. Vol. 7. P. 197–201.
- Gisin N.** Indeterminism in Physics, Classical Chaos and Bohmian Mechanics. Are Real Numbers Really Real? // *Erkenntnis*. 2021a. Vol. 86. P. 1469–1481.
- Gisin N.** Indeterminism in Physics and Intuitionistic Mathematics // *Synthese*. 2021b. Vol. 199. No. 5–6. P. 13345–13371.
- Hardy L.** Quantum Ontological Excess Baggage // *Stud. Hist. Phil. Mod. Phys.* 2004. Vol. 35. No. 2. P. 267–276.
- Landauer R.** The Physical Nature of Information // *Phys. Lett. A*. 1996. Vol. 217. No. 4–5. P. 188–193.
- Laurent F., Pris I.** Sur le principe fondamental conceptuel de la mécanique quantique // *Mukhabat*. 2022. No. 42. P. 201–207 (in French)
- Ronde C.** The (Quantum) Measurement Problem in Classical Mechanics // *Probing the Meaning of Quantum Mechanics: Probability, Metaphysics, Explanation and Measurement* / Ed. D. Aerts, J. Arenhart, C. de Ronde, G. Sergioli. World Scientific, 2023. P. 278–324
- Rovelli C.** Relational Quantum Mechanics // *Int. J. Theor. Phys.* 1996. Vol. 35. No. 8. P. 1637–1678.
- Smolin L.** Time reborn. From the Crisis in Physics to the Future of the Universe. Houghton Mifflin Harcourt, 2013.
- Zeilinger A.** A Foundational Principle for Quantum Mechanics // *Found. Phys.* 1999. Vol. 29. No. 4. P. 631–643.

References

- Del Santo F., Gisin N.** Physics Without Determinism: Alternative Interpretations of Classical Physics // *Phys. Rev. A*. 2019. Vol. 100. No. 6. 062107. DOI: 10.1103/PhysRevA.100.062107
- Del Santo F., Gisin N.** The Relativity of Indeterminacy // *Entropy*. 2021. Vol. 23(10). 1326. DOI: 10.3390/e23101326

- Del Santo F., Gisin N.** The Open Past In An Indeterministic Physics // *Found. Phys.* 2023. Vol. 53. 4. DOI: 10.1007/s10701-022-00645-y
- Del Santo F., Gisin N.** Which Features of Quantum Physics Are Not Fundamentally Quantum But Are Due to Indeterminism? // *Quantum.* 2025. Vol. 9. 1686. DOI: 10.22331/q-2025-04-03-1686
- Gisin N.** Real Numbers are the Hidden Variables of Classical Mechanics // *Quantum Stud.: Math. Found.* 2020. Vol. 7. P. 197–201.
- Gisin N.** Indeterminism in Physics, Classical Chaos and Bohmian Mechanics. Are Real Numbers Really Real? // *Erkenntnis.* 2021a. Vol. 86. P. 1469–1481.
- Gisin N.** Indeterminism in Physics and Intuitionistic Mathematics // *Synthese.* 2021b. Vol. 199. No. 5-6. P. 13345–13371.
- Hardy L.** Quantum Ontological Excess Baggage // *Stud. Hist. Phil. Mod. Phys.* 2004. Vol. 35. No. 2. P. 267–276.
- Landauer R.** The Physical Nature of Information // *Phys. Lett. A.* 1996. Vol. 217. No. 4-5. P. 188–193.
- Laurent F., Pris I.** Sur le principe fondamental conceptuel de la mécanique quantique // *Mukhabat.* 2022. No. 42. P. 201–207 (in French)
- Pris I. E.** Contextuality of Ontology and Contemporary Physics. Saint Petersburg: Aletheia, 2020a. (in Russian)
- Pris I. E.** Humanities and Quantum Mechanics // *Filosofiya Nauki.* 2020b. No. 2 (85). P. 113–130. (in Russian)
- Pris I. E.** On the Foundational Conceptual Principle of Quantum Mechanics // *Filosofiya Nauki.* 2021. No. 4 (91). P. 82–92. (in Russian)
- Pris I. E.** Contextual Quantum Realism and Other Interpretations of Quantum Mechanics. Moscow: Lenand, 2023. (in Russian)
- Ronde C.** The (Quantum) Measurement Problem in Classical Mechanics // *Probing the Meaning of Quantum Mechanics: Probability, Metaphysics, Explanation and Measurement* / Ed. D. Aerts, J. Arenhart, C. de Ronde, G. Sergioli. World Scientific, 2023. P. 278–324
- Rovelli C.** Relational Quantum Mechanics // *Int. J. Theor. Phys.* 1996. Vol. 35. No. 8. P. 1637–1678.
- Smolin L.** Time reborn. From the Crisis in Physics to the Future of the Universe. Houghton Mifflin Harcourt, 2013.
- Zeilinger A.** A Foundational Principle for Quantum Mechanics // *Found. Phys.* 1999. Vol. 29. No. 4. P. 631–643.

Информация об авторе

Игорь Евгеньевич Прись, доктор философии (PhD), канд. физ.-мат. наук
ведущий научный сотрудник, Институт философии НАН Беларуси

Information about the Author

Igor E. Pris, Philosophy Doctor (PhD in Philosophy), Candidate of Sciences (Theoretical Physics)

Leading Researcher, Institute of Philosophy of NAS of Belarus

*Статья поступила в редколлегию 17.11.2025;
одобрена после рецензирования 27.11.2025; принята к публикации 22.12.2025.*

*The article was submitted 17.11.2025;
approved after reviewing 27.11.2025; accepted for publication 22.12.2025*

Научная статья

УДК 001.3, 172.3, 330.34

DOI 10.25205/2541-7517-2025-23-4-20-36

Кризис сциентизма

Петр Александрович Ореховский

*Институт экономики РАН
Москва, Россия*

orekhovskypa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2816-1298>

Владимир Ильич Разумов

*Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
Омск, Россия*

razumovvi@omsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6904-9764>

Аннотация

В работе рассматривается «перепроизводство учёных» и связанный с этим кризис института науки. Поскольку сциентизм выступал в роли основной гражданской религии, дающей легитимность современным богатым государствам, вместе с утратой доверия общества к учёным возникает и кризис легитимности современных политических режимов. Утрата прежнего этоса научного сообщества не позволяет решить эту проблему простым увеличением финансирования. В отсутствие понимания закономерностей эволюции научного знания наукометрия способствует упадку науки. Институты религии не раз переживали упадок и последующее возрождение, для сциентизма такая ситуация складывается впервые. Последствия невозможно прогнозировать: учитывая уровень распространения высшего образования в богатых обществах, возможно как полное растворение науки в частном и государственном секторах, так и появление нового научного этоса среди сравнительно небольшой социальной группы «новых» учёных с перспективой последующего ренессанса сциентизма.

Ключевые слова

сциентизм, этос учёных, религия, политическая теология, традиционные ценности, наукометрия, эпистемологические противоречия

Для цитирования

Ореховский П. А., Разумов В. И. Кризис сциентизма // Сибирский философский журнал. 2025. Т. 23, № 4. С. 20–36. DOI 10.25205/2541-7517-2025-23-4-20-36

© Ореховский П. А., Разумов В. И., 2025

The crisis of scientism

Petr A. Orekhovsky

*Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation*

orekhovskypa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2816-1298>

Vladimir I. Razumov

*Omsk State University
Omsk, Russian Federation*

razumovvi@omsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6904-9764>

Abstract

The paper examines the «overproduction of scientists» and the related crisis of the Institute of science. Since scientism acted as the main civic religion that gives legitimacy to modern rich states, along with the loss of public confidence in scientists, a crisis of legitimacy of modern political regimes arises. The loss of the former ethos of the scientific community does not allow solving this problem by simply increasing funding. In the absence of understanding the patterns of the evolution of scientific knowledge, scientometrics contributes to the decline of science. Religious institutions have experienced decline and subsequent revival more than once, and this is the first time this situation has developed for Scientism. The consequences cannot be predicted. Given the level of higher education in rich societies, it is possible that science will completely dissolve into the private and public sectors, as well as the emergence of a new scientific ethos among a relatively small social group of «new» scientists with the prospect of a subsequent renaissance of scientism.

Keywords

scientism, the ethos of scientists, religion, political theology, traditional values, scientometry, epistemological contradictions

For citation

Orekhovsky P.A., Razumov V.I. The Crisis of Scientism. *Siberian Journal of Philosophy*, 2025, vol. 23, no. 4, p. 20–36. (in Russian) DOI 10.25205/2541-7517-2025-23-4-20-36

Введение

Правительство в очередной раз пообещало увеличить расходы на науку и довести их к 2030 г. до 2 % от ВВП¹. Молодёжь зазывают в аспирантуру и на работу в отечественные НИИ, где количество «остепенённых» учёных сократилось за 10 лет на 20 %². В масс-медиа говорят о необходимости новых научно-технологических прорывов, транслируют торжественные процедуры вручения различных государственных научных премий и всячески подчёркивают респектабельность положения учёных. Тем временем на различных ток-шоу федерального уровня выступает примерно один и тот же пул экспертов, который состоит из депутатов, публичных персон и примерно десятка обладателей учёных степеней (по

¹ Дмитрий Чернышенко: Бюджет на науку будет приоритизирован под задачи, поставленные Президентом. Правительство России (28.07.2025). *Официальный сайт Правительства Российской Федерации*. URL: <http://government.ru/news/55775/> (дата обращения 12.01.2026).

² Майер А. С 2015 года число исследователей с ученой степенью сократилось на 20 % (08.09.2025). *Ведомости*. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2025/09/08/1137417-chislo-issledovatelei-s-uchenoj-stepenyu-sokratilos> (дата обращения 12.01.2026).

большей части преподавателей столичных вузов). Эти «аналитические» передачи, по большей части не имеющие ничего общего с научной дискуссией, по-видимому, оказывают на российское общественное мнение гораздо большее влияние, нежели публикации маститых учёных в сфере социальных и гуманитарных наук.

Опыт западных коллег также оставляет противоречивое впечатление. С одной стороны, финансирование НИР в западных странах превышает российское в разы. Несмотря на резкий рост стоимости образования количество желающих получить диплом и степень PhD по-прежнему велико. Однако слышны и другие голоса. В 1999 г. Дж. Кац, профессор физики из Университета Вашингтон, опубликовал пост с названием «Не становитесь учёными!», указав на избыток образованного населения, желающего заняться наукой. Спустя 25 лет международной группой учёных были опубликованы результаты социологического исследования карьерного пути 45 тыс. так называемых «постдоков»³. Ситуация ухудшилась. «В среднем на одну открытую позицию в академической среде на рассмотрение поступают от десяти до пятидесяти резюме молодых ученых, полностью соответствующих критериям отбора и обладающих необходимой квалификацией. И это несмотря на то что работа постдокторантов характеризуется терминами “разочарование”, “постоянный стресс”, “несчастный” и “эксплуатируемый”»⁴.

Проблема усугубляется тем, что, несмотря на общепризнанное лидерство Запада в науке и технологиях, часть стран, которые было принято называть «развивающимися», продолжают быстро богатеть. Уровень развития инженерной и социальной инфраструктуры КНР, ОАЭ, Сингапура, Малайзии уже опережает западный. «Парадокс Кардуэлла», в котором утверждается, что опережение той или иной страны в науке и технологиях может продолжаться только в сравнительно коротком историческом периоде, после чего инновационная активность угасает, и лидеры сменяются, не попадает на телеэкраны и в ленты новостей, но активно обсуждается среди научного сообщества (см.: [Taylor, 2016]). Раздражение и недоумение у социологов и политологов вызывает и то, что во многих странах догоняющего развития стали всё больше говорить о «традиционных ценностях», в то время как на протяжении всего XX в. сам термин «традиционное общество» являлся синонимом архаики и социально-экономического застоя. И, напротив, модернизация представлялась как развитие секуляризма и торжество индивидуализма. Среди прочего, проект Р. Инглхарта был направлен как раз на количественное измерение процесса перехода от традиции и коллективизму к «новым ценностям Модерна» (см.: [Инглхарт, 2018; 2022]).

По нашему мнению, все эти противоречия связаны с неожиданным в XXI в. концом сциентизма – разрушением бессознательной веры современных людей в то, что с помощью науки можно решить все проблемы общества и природы. Такая убежденность критиковалась многими и уже давно (достаточно напомнить ироничную фразу И. Ильфа «В фантастических романах главное это было радио.

³ См.: Duan Yu., Memon Sh.A., AlShebli B. et al. Where Postdoctoral Journeys Lead (6 Nov 2024). *arXiv*. URL: <https://arxiv.org/abs/2411.03938> (дата обращения 12.01.2026).

⁴ «Не становитесь учеными!» – Что с перепроизводством научных кадров спустя четверть века после публикации манифеста? (22.12.2025). *Хабр. Habr Blockchain Publishing LTD*. URL: <https://habr.com/ru/articles/875730/> (дата обращения 12.01.2026).

При нём ожидалось счастье человечества. Вот радио есть, а счастья нет»). Сциентизм был важнейшей частью гражданской религии богатых западных государств, основой легитимации либерально-демократического политического режима. Естественно, что в качестве такового вера в науку и образование не исчезает, но лишь слабеет, теряя позиции одна за другой.

Наша гипотеза заключается в том, что потеря учёными своего привилегированного статуса связана как с внешними причинами, основной из которых является переход к массовому высшему образованию и распространению гаджетов, дружелюбный интерфейс которых обеспечивает доступ к библиотекам и справочникам, обесценивая широкую эрудицию; и с внутренними проблемами научного сообщества, среди которых важнейшими являются изменение этоса учёных и их «эпистемологическое фиаско», выражающееся, в частности, в непонимании того, что простым увеличением финансирования невозможно добиться возвращения к прежним привилегиям. Потеря прежнего благородного имиджа ученых и преподавателей в современных богатых обществах происходит на фоне окончательного разрушения мифологии сциентизма. Подавляющее число представителей научно-образовательных сообществ не соответствуют своему мифологическому образу «самых умных». Новой сциентистской легенды нет, и даже не сформирован социальный заказ на её создание.

Прежний сциентизм представлялся идеологической установкой на признание науки ведущим фактором развития общества. В своих индивидуальных основаниях сциентизм основан на том, что всякий свободный человек, решивший вопрос удовлетворения своих базовых потребностей, обладает любопытством, удовлетворение которого действует на его развитие через положительную обратную связь. На социальном уровне сциентизм фундируется идеей о том, что наука очень важна для общества, поскольку она: а) источник новизны; б) инструмент для повышения качества жизни; в) способ понимания и выстраивания отношений с трансцендентным как тем, что находится за пределами известного. Эти позиции пока ещё удерживают официальный статус науки в мировоззрении человека и идеологии общества, но все быстрее идут процессы переосмысления отношений подсистемы науки, образования с другими подсистемами современного государства. Отталкиваясь от этого, далее рассмотрим причины краха сциентизма в XXI в.

Наука и образование: работа или счастливое проведение высших форм досуга

Для того чтобы разобраться в истоках сциентистской мифологии, обратимся к истории. Зададимся вопросом: чем была и как представлялась научная деятельность в античности. Всех интеллектуалов этого периода разделим на *любомудров*, поставивших перед собой целью наслаждаться интеллектуальной деятельностью, начиная с Пифагора, и *предпринимателей*, которые уже во времена софистов занялись монетизацией мудрости. Оба названные течения сохранились по настоящее время, как и явная и скрытая борьба между ними. Какова мотивация представителей обоих направлений? С предпринимателями различных типов, как их

описывает В. Зомбарт, вопрос понятен: через инновации они пытались добиться увеличения собственного дохода (см.: [Зомбарт, 1994]). С Любомудрами сложнее. Интеллектуальная деятельность воспринималась ими высшей формой проведения досуга, что отчетливо осознавали Сократ и Платон, Аристотель и Эпикур. Чтобы организационно поддержать интеллектуально-духовные практики, Платон обустривает расположенную близко от Афин рощу, посвященную культурному герою Академу, где он разворачивает Академию как форму коллективной интеллектуальной практики, функционально сопоставимую с научно-учебным центром. По окончании обучения в Академии Платона Аристотель разворачивает деятельность в гимнасии Аполлона Ликейского, где им создается научно-учебный центр – Ликей (см.: [Коллинз, 2002]).

Для интеллектуалов античности процесс напряжения ума, само- и взаимной критики, ощущения коллективного, интересубъектного мышления был ценен сам по себе. Мудрецы античности, их ученики и почитатели занимались интеллектуальными упражнениями как эвдемоническими практиками (др.-греч. εὐδαιμονία – «процветание, блаженство, счастье»), нацеленными на саморазвитие. Это позволяло посредством психофизических и когнитивных усилий достигать высших психофизических состояний, а это и ценилось мудрецами и их окружением. Отсутствие ссылок на уже полученные результаты между разными диалогами Платона обусловлено тем, что диалог для Сократа и Платона был не целью, а формой живой философской практики саморазвития. Каждый диалог – самостоятельное упражнение в поиске добра и истины, не требующее само по себе включения в линейную систему знаний. Разнообразие тематик отражает многообразие путей, которыми душа может упражняться в добродетели, но конечная цель при этом – единая эвдемония, основанная на знании и правильном устроении души. Мудрецы стремились не столько к новым оригинальным знаниям, сколько к удовольствиям, позитивным переживаниям, достигаемым при получении нового знания. Зафиксированные результаты бесед античных философов уместно определять побочным продуктом их мыследеятельности, образующихся в практиках эвдемонии.

Традицией отношения к интеллектуально-духовным практикам как к удовольствию объясняет то, что побуждало тратить значительные силы и время на выбор, формулировку, решение познавательных задач многих состоятельных, имеющих высокий социальный статус людей. Особенно справедливо это в отношении XVII в., когда основания науки формируются такими материально и социально состоятельными любителями, как Ф. Бэкон, Р. Декарт, Б. Паскаль, Б. Спиноза, Г.В. Лейбниц и др.⁵ Колоссальные результаты были достигнуты без внешних инвестиций. В своё время Афины – центр греческой цивилизации – содержали только одного мудреца, Сократа, которого казнили. Этого было достаточно. В суде над ним и приговоре присутствовал мотив – он не оправдал доверия.

Аркадий и Борис Стругацкие описали в романе «Понедельник начинается в субботу» большинство сотрудников НИИЧАВО именно как людей, экзистен-

⁵ Отдельным вопросом является то, что являлось первопричиной быстрого подъёма Модерна – развитие науки и распространение знаний или повышение уровня дохода на Западе вследствие Великих географических открытий и последующих колониальных захватов.

циально заинтересованных заниматься своими профессиональными задачами как любимым времяпровождением [Стругацкий, Стругацкий, 2019]. Античная практика любомудрствования как высшей формы досуга присутствует в XX в. основном в научно-фантастических произведениях. Проведем мысленный эксперимент. Поместим ученых из произведений Д. Гранина, И. Ефремова, братьев Стругацких в современный вуз или НИИ. Не почувствуют ли они себя в чужеродной среде!?

Сциентистская мифология с конца XX в. начинает быстро и радикально меняться. Общество воспринимает ученых и преподавателей уже без романтического флера. А внутренний этос научно-преподавательских сообществ становится все менее привлекательным для их участников. На вопрос образованной публики к учёным «чем вы тут занимаетесь?» распространенным ответом будет, особенно со стороны представителей социальных дисциплин: «да так, хреню всякой» (см.: [Донских, Разумов, 2022]). Очевидно, есть причины предположить, что основными могильщиками сциентизма становятся сами ученые, разрушая в глазах общества мифы о науке и о себе.

Политическая теология:

место сциентизма в гражданской религии индустриальных обществ

Государство представляет собой политическую форму состояния народа – того, что после перехода к режиму частной собственности Гегель называет «гражданским обществом». Государство предполагает наличие определенных убеждений большинства – для общества такое мировоззрение представляет форму «гражданской религии». Наука как социальный институт и сциентизм как идеология с XVII в. начинают активно поддерживать и гражданское общество, и гражданскую религию, особенно в их борьбе за эмансипацию от церкви. В ходе нескольких веков такой борьбы в своих основаниях наука и религия все больше сближаются. Они имеют общий объект – трансцендентное, но принципиально разное его понимание. Для церкви трансцендентное – абсолютно и неизменно. Для науки трансцендентное – относительно и изменчиво. При этом церковь допускает изменчивость и различия в понимании трансцендентного, и каждая религиозная организация утверждает свое понимание как истину. Наука как гражданский институт претендует на монополию в производстве и толковании знаний. Она стремится сакрализировать себя в роли единственного проводника в область неизвестного, превращаемого ею в познанное. В идеале гражданская религия становится основой для этоса интеллектуалов, консенсусом для интеллектуальной культуры.

В сциентистском мировоззрении наука – инструмент сакрализации властью областей своих интересов, поскольку ее представители «применяют научный подход». Фраза «это научно обоснованно» приобрела статус обещания надежности для рассматриваемого объекта, а им может быть все что угодно.

Политическая теология – направление, которое появляется на стыке философии и политологии во второй половине прошлого века. Проблему, которая находится в центре исследований учёных, работающих в этой области, можно

определить как легитимность действующего политического режима. Как показывают Э. Фегелин и Дж. Агамбен, такой проблемы не существовало во времена монархий, где короли получали власть «от Бога» и пользовались естественным покровительством церкви (см.: [Фегелин, 2021; Агамбен, 2021]). Уровень сакральности власти в этом случае был таков, что долгое время народ верил в исцеление больных, если их коснётся («наложит руки») и пожелает здоровья король.

Напротив, проблема легитимности возникает в условиях демократических режимов: если властью владеет сам народ, то вряд ли можно считать его избранников, меняющихся каждые четыре – пять лет, сакральными фигурами. Такая проблема, как показывает М. Финли, существовала уже в античности. Особый интерес Финли вызывает то, что у древних греков конфликты вокруг легитимности власти периодически приводили к «стасису» (*stasis*) – гражданским войнам, в то время как у римлян в период Республики такие ситуации в общем не возникали; резкое ожесточение одной части народа против другой произошло во время перехода к солдатским легионам (см.: [Финли, 2025]). Собственно, уже в античности Платон предлагал поставить во главе своего идеального государства философов, но не нашёл понимания у современников.

Ситуация постепенно меняется в эпоху Просвещения. Церковь теряет свои позиции, отступая перед наукой. Особый накал страстей, конечно же, возникает во время Великой французской революции, где Робеспьер наивно и грубо учреждает культ Верховного существа, предлагая народу новую, гражданскую религию. С этим культом, как и с самим Робеспьером, французы покончили довольно быстро, однако полной реставрации католической церкви так и не произошло. На протяжении всего периода XIX–XXI вв. количество верующих сокращалось: закрывались монастыри, церкви превращались в музеи.

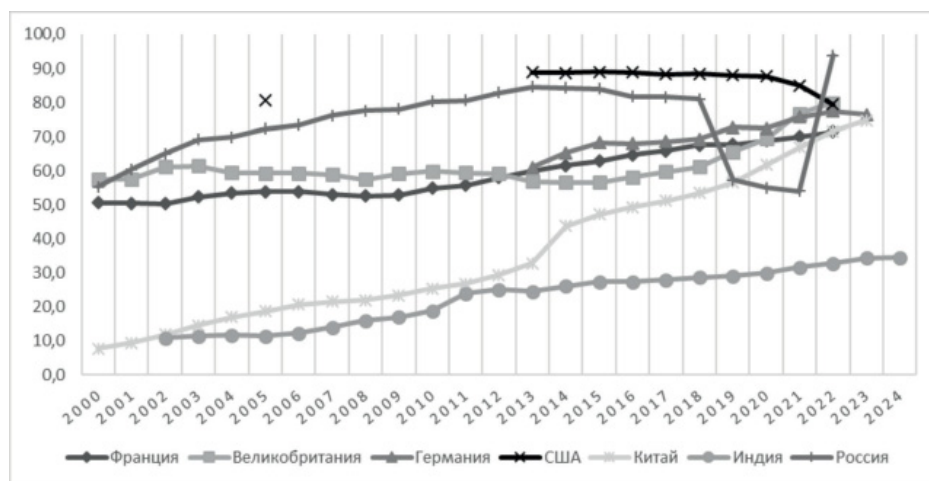
Стоит также отметить, что во время Просвещения эпоха религиозных конфликтов, которая имела место ещё в XVII в., во времена Английской революции, уходит в прошлое. Новые войны между демократическими государствами так или иначе ведутся вокруг «национальных интересов», осознать которые политикам помогают учёные. Оптимистическая вера в науку, которая постепенно легитимируется и становится сердцевинной новой гражданской религии, складывается во второй половине XIX в. Вместе с второй волной позитивизма появляется и вера в «факт»: то обстоятельство, что этимология этого слова (от лат. *factum* – сделанный, свершившийся) постепенно теряется, и «факты» становятся синонимом «объективности»: того, что не зависит ни от индивидуального, ни от общественного сознания. В этом отношении будет не очень большой натяжкой сказать, что факты предоставляются сциентистскому сознанию Богом, занимая его место. В философии и методологии науки «факт» определяется обобщением данных опыта, полученных в ходе доказательства/ опровержения определенной гипотезы. Освобождаясь от такого представления, вне своего контекста факты теряют смысл.

Сциентизм ярко проявляется во время Великой Октябрьской социалистической революции, деятели которой искренне верили в то, что они действуют «на научной основе». Далее «на научной основе» строился социализм в СССР, и также «на научной основе» он критиковался западными экономистами, социологами и советологами. Реформы Рузвельта, «Великое общество» Л. Джонсона, неолибе-

рализм М. Тэтчер и Р. Рейгана – всё это тоже во многом было результатом работы исследователей, работавших в социальных дисциплинах. В свою очередь, крах СССР рассматривался не как крушение сциентизма, но победа *мировой, западной* науки, достижения которой предстояло нам освоить, чтобы, наконец, войти в общество «цивилизованных стран». С. Фурман в 1990-е гг. показал сходство коммунизма и устройства КПСС с религией и церковной организацией – и это уже никем не оспаривалось (см.: [Фурман, 2011]).

Нельзя сказать, что в постсоветской России научное сообщество не осознавало потребности в новой гражданской религии: призывы к разработке общей, объединяющей народ идеологии достаточно часто (из 1990-х остался синкретический анекдот: «Идёт Будда на Голгофу, тащит крест и кричит: “Аллах акбар”!»). Провал этих попыток, в конце концов, стал основной причиной не только возрождения, но и резкого усиления клерикализма и возврата к традиционным ценностям. Механизм кризиса сциентизма в России и на Западе имеет различные исторические траектории, что обостряет современный геополитический конфликт.

Общим, однако, является переход к массовому высшему образованию и потеря университетами своей роли социального фильтра для будущей элиты.

Валовой коэффициент охвата населения высшим образованием, %
Gross enrollment ratio in higher education, %
(Цит. по: [Ореховский, Кислицына, 2025])⁶

⁶ Для определения значения валового коэффициента охвата высшим образованием общее число учащихся в высших учебных заведениях, независимо от возраста, выражается в процентах от общей численности населения пятилетней возрастной группы после окончания школы. Самый высокий валовой коэффициент охвата высшим образованием в России (93,7 %). Затем следуют США (79,4 %), Великобритания (79,7 %), Германия (76,3 %), Франция (71,4 %). Значительных успехов добился Китай, увеличив валовой коэффициент охвата высшим образованием с 7,6 % в 2000 г. до 74,6 % в 2023 г. Индия значительно отстает от лидеров. Парадоксально, что в Индии растет доля выпускников с высшим образованием, но при этом страна еще борется со значительным уровнем неграмотности. Пренебрежение Индией обязательным начальным образованием оставило большую часть ее населения в ловушке низкопроизводительного сельского хозяйства [Ореховский, Кислицына, 2025, с. 21].

Что ещё отличает «учёного» от «специалиста» кроме того, что у него есть документы, подтверждающее полученное образование и степень? Раньше учёный обладал значительно более широкой эрудицией. Окончание вуза не означало окончание периода ученичества, а последний включал не только работу под руководством профессора, но и освоение достаточно большого объёма «библиотечного фонда», перевод зарубежных работ по изучаемой теме. Время, которое мог выделить на чтение новинок специалист, было существенно меньше. Но в современных условиях, когда гаджеты обеспечивают доступ к необходимой новой информации в любой момент, личная эрудиция сильно обесценилась. Таким образом, это различие исчезло. Что осталось? Поскольку раньше учёных было мало, их жалование, установленное государством, по большей части было выше, чем у специалистов в частном секторе. Но теперь наоборот – специалисты в частном секторе имеют более высокие доходы, чем учёные в государственных НИИ и университетах. В соответствии с экономическим подходом последнее означает, что труд специалистов общество оценивает более высоко, чем труд учёных. Более того, специалисты в любой момент могут сказать, что они «кормят» учёных, так как финансирование НИИ осуществляется за счёт бюджета, в который специалисты платят налоги.

Ничто так не подрывает респектабельность социального статуса какой-либо группы, как низкая оплата труда, высокий средний возраст участников и возможность замены части членов этой группы искусственным интеллектом (гаджетами). В результате позиция учёных как «обладателей истины» и главных авторитетов новой гражданской религии утрачивается полностью. Если ранее политики постоянно вступали в диалог с учёными, которые не «обслуживали власть», а *сами были властью*, то в XXI в. возникают характерные нарративы о «социальном заказе» на подготовку специалистов, НИР и НИОКР, а также жалобы учёных на то, что бизнес и власть их не слышат. Но *так и должно быть* – уже в 2000-е годы в России многие губернаторы и депутаты стали обладателями учёных степеней, а министры федерального и региональных правительств – деканами и почётными профессорами университетов. И на Западе, и в России наука стала «сервисным сектором». Но если принять эту логику, то авторитет учёных ничем не отличается от авторитета заслуженных артистов или выдающихся спортсменов, не говоря уже о действующих политиках, что и подтверждается сегодняшними ток-шоу.

Утрата власти и статуса учёными во всех странах – и особенно в России – постоянно сопровождается ритуальными заклинаниями о важности науки и образования. Начальство и обычные граждане продолжают ждать от учёных различных, иногда опасных, чудес. В XXI в. какое-то время в качестве таковых выступали нанотехнологии, клонирование и геновая инженерия, теперь у всех на языке искусственный интеллект (ИИ). Формально ничего не поменялось – продолжает свою деятельность и Российская академия наук, и Министерство образования и науки, и Всероссийская аттестационная комиссия, наряду с университетами проверяющая и утверждающая результаты диссертационных работ. Но если учёные обладали властью, а теперь она ими утрачена, то почему учёные её отдали?

Этос учёных: от «носителей истины» к «производителям публикаций» и «трансляторам учебников»

Как указывают Н. Флигстин и Д. Макадам, «мы стремились показать, что рассматриваем случившийся примерно 45–50 тысяч лет назад культурный “взрыв” как момент появления по-настоящему современных людей, которые, казалось бы, внезапно обрели способность и *потребность* в осмыслении происходящего, обобщенно называемую нами “экзистенциальной функцией социального”. С тех пор физическое выживание, или материальная функция социального, перестало быть единственным делом людей. Отныне на них будут одновременно влиять экзистенциальное и материальное» [Флигстин, Макадам, 2022, с. 408]. Долгое время осмысление экзистенциального происходило в религиозной форме – и на протяжении истории человечества можно было наблюдать как подъём, так и упадок различных религий. Последнее сопровождалось как отступлением от главных принципов (табу и заповедей), так и превращением ритуалов, которые раньше позволяли различать «своих» и «чужих», в пустую форму. Достаточно было произнести определённые звуки, сделать определённые жесты, как человек в период такого упадка автоматически становился адептом избранного им культа.

Во времена доминирования религий занятия наукой периодически становились *опасными*. Эмансипация науки означает освобождение от контроля религии, однако долгое время все дисциплины так или иначе развивались вместе с философией. В свою очередь, относительно недавняя эмансипация большинства научных направлений от философии приводит к фрагментации исследований, так что встаёт вопрос о том, где проходит грань между наукой и остальными сферами социальной деятельности людей. Ответы на этот вопрос постоянно оспариваются, поэтому социальная эволюция, требовавшая сравнительно чёткого позиционирования групп в структуре общества, пошла по другому пути. Так, понятно, что в эпоху индустриального общества любая деятельность большого масштаба требует норм и стандартов. Это относится, естественно, не только к промышленности и аграрному производству, но и к здравоохранению, науке и образованию. В первой половине XX в. в большинстве университетов ещё сохранялись «авторские курсы», и студенты–философы, учившиеся у Б. Рассела и А. Уайтхеда, волею судеб попавшие в аудиторию к М. Хайдеггеру, вряд ли бы удивились разнице в подаче материала (более того, часто за этим и ездили). Во второй половине XX в. стандартизация курсов приводит к формированию Болонской системы: ориентация на количество стандартных академических единиц (кредитов) делает курсы в разных университетах взаимозаменяемыми. По мнению руководства, это способствует мобильности студентов и преподавателей в процессах межвузовской коммуникации и академических обменов.

В СССР стандартизация и чтение курсов по одинаковым «базовым» учебникам в условиях «культурной революции» сначала была необходимостью в силу острейшего дефицита кадров, а впоследствии стала правилом, позволявшим, с одной стороны, экономить интеллектуальные усилия, с другой – облегчать административный централизованный контроль за «качеством образования». В постсоветской России после краха коммунистической идеологии последо-

вала ликвидация программ марксистских политэкономии и философии, научного коммунизма и истории КПСС. Поэтому сначала возникла академическая «вольница», которая достаточно быстро сменилась привычной стандартизацией под руководством профильных УМО. В связи с этим, по-видимому, Министерство науки и образования РФ не видит особой проблемы в сокращении численности преподавателей ряда точных и социальных дисциплин: предполагается, что, наряду с наличием базовых учебников, изучаемых студентами самостоятельно, дефицит профессоров можно сравнительно безболезненно ликвидировать с помощью записей видеолекций наиболее известных преподавателей и учёных. Сложнее с инженерами и естествоиспытателями – лабораторные работы требуют отчасти «ремесленного» искусства. Но именно эти направления, как следует из заявлений политического руководства страны, начальство и собирается в основном поддерживать.

Почему учёные согласились с тем, что их труд является рутинной, стандартизированной деятельностью? Этот вопрос провоцирует, естественно, негативный ответ: преподавание и педагогика считаются творческими занятиями, а профессора – часть креативного класса, если верить Р. Флориде (см.: [Флорида, 2011]). Однако если убрать пафос, то борьба за право написать и издать базовый учебник – часть габитуса многих учёных. И это связано не только и не столько с корыстными мотивами, но, что гораздо важнее, с борьбой за право на авторитетный дискурс. В этом отношении российский опыт подтверждает правоту П. Бурдьё: поле российской науки и образования всё время стремится к иерархии (см.: [Бурдьё, 2018]). Наличие иерархии федеральных, исследовательских, опорных и прочих университетов даёт такому стремлению внешнюю, официальную легитимность. Да и для чего нужны УМО? В первую очередь именно затем, чтобы на коллегиальной основе закрепить образовательные стандарты.

Внедрение рутинизированных практик в образование – достаточно прозрачный и очевидный процесс. Переход от семестров к модулям, расписание, обратная связь «преподаватель глазами студента» и многое другое позволяет превратить университет в чётко и жёстко функционирующую индустриальную организацию, целью которой является производство людей с дипломами, причём как на заводе – чем больше, тем лучше. Однако наука, казалось бы, является деятельностью, не подчиняющейся стандартным процедурам. Кто-то делает открытия спустя всего лишь год–два после начала трудов над своей проблемой, кому-то для этого требуется двадцать лет. До определённой степени можно было стандартизировать только процесс подготовки и защиты диссертаций, после которой большая часть обладателей степеней опять-таки направлялась на работу в вузы.

Казалось бы, результаты деятельности учёных даже в одной и той же научной дисциплине нельзя сравнивать – они качественно несопоставимы. Описание количественного эксперимента нельзя сравнивать с построением теоретической, вербальной или математической модели, а последнее радикально отличается от ретроспективного анализа результатов исследований. И тем не менее в XXI веке у начальства появляется инструмент такого сравнения – наукометрия. Раньше отсутствие электронных копий текстов и, соответственно, систем управления базами данных делало вычисление количества ссылок и построение индекса Хирша

крайне трудоёмким занятием. Наукометрия охватывала сравнительно небольшой круг работ и имён учёных и действительно выполняла роль вспомогательного, справочного инструмента в оценке результатов НИР. Но по мере информатизации она стала охватывать весь спектр результатов гражданской науки, тем самым формируя иерархию учёных и их работ через соответствующие рейтинги. Часть научного сообщества какое-то время вяло протестовала, но большинство достаточно быстро включилось в игру «отращивания Хирша» и производства всё новых и новых публикаций (см.: [Рубинштейн, 2016]). Руководство некоторых университетов, равно как и академических институтов, сделало показатель количества публикаций частью эффективного контракта, при этом, естественно, статьи нужно было отдавать не абы куда, а в престижные журналы с высоким импакт-фактором. В результате во всех научных дисциплинах появились свои «передовики производства», а журналы стали неявно рекомендовать авторам нормы по количеству цитат и источников.

Таким образом, этос профессоров и учёных в XXI в. сильно изменился. Если раньше эта социальная группа во многом примыкала по своему режиму и стилю работы к лицам свободных профессий, то теперь это обычные наёмные работники. Отличия от специалистов, трудящихся в банках, заводских лабораториях или занятых организациями логистики или производством рекламы, практически исчезли, если не считать сравнительно низкой, но стабильной бюджетной зарплаты.

Однако не это ли происходило в своё время и с институтом религии? Упадок сопровождался ростом численности священников, которые произносили проповеди, в которые уже сами не верили, а заодно увеличением производства текстов, которые можно было бы разделить на «мейнстрим» и «ересь». Шла острая борьба за популярность, чтобы получить лучшую кафедру или богатый приход. Тем не менее, религии переживали не только упадок, но и новое рождение. С некоторой долей оптимизма можно предположить, что это – всего лишь первый серьёзный кризис сциентизма и института науки, после которого спустя какое-то время наступит некий ренессанс.

«Аннушка уже пролила масло»

Конец сциентизма стал очевиден вместе с подъёмом «постправды» – как показывает С. Фуллер, этим термином маститые учёные, которым казалось, что они установили свою монополию на истину и, соответственно, на авторитетный дискурс, клеймят своих оппонентов, предлагающих альтернативные варианты интерпретации фактов и событий (см.: [Фуллер, 2021]). Социальные дисциплины, включая историю и философию, всегда были таким «полем боя», но во время пандемии COVID-19 выяснилось, что и прежняя иерархия авторитетов в медицине тоже вызывает большие сомнения у образованной публики. Причём в данном случае побочные последствия прививок периодически начинают оформляться в юридические иски.

Дальше – больше. Пресловутое посещение гражданами США Луны в 1969 г. в ходе миссии «Аполлона-11» давно уже стало притчей во языцех. Является ли президент самой богатой и могущественной страны в своём уме или находится

в состоянии деменции? А если на выборах за него голосовали покойники ⁷, то насколько легитимна такая демократия? Образованные граждане задают всё больше вопросов. Прежние конвенциональные истины стремительно разрушаются.

Но проблема даже не в этом. В одной из старых статей экономист М. Фридман утверждал, что реалистичность посылок модели не так уж важна, главное, чтобы она предоставляла хорошие прогностические результаты (см.: [Фридман, 2012]). Учёные видят то, что они теряют власть и авторитет, что доходы их отрасли сокращаются. Логично предположить, что они должны были бы обсуждать причины этого явления, определить сценарии дальнейшего хода событий и предложить план совместных действий по сохранению своего влияния и привилегированного социального статуса. Однако всё, на что способна коллективная научная мысль, – это выдвижение требований «наверх» об увеличении финансирования. К сожалению, такими мерами невозможно вернуть сциентизм к жизни.

Если предположить, что учёные теперь ничем особо не отличаются от специалистов (экспертов), то механизм лоббирования их интересов тоже не может сильно отличаться от уже известного и описанного образа действия других социальных групп. Для учёного сословия в целом требуется повышение боевитости их профсоюза, но в остальном исследователи и профессора, принадлежащие различным дисциплинам, будут действовать (и уже действуют) в составе соответствующих отраслевых групп. Так, интересы медиков и аграрников непосредственно замыкаются на профильные министерства и крупный бизнес. Но то же самое распространяется и на другие дисциплины. Сложнее всего, по-видимому, будет представителям социальных наук – если их требования к начальству будут подкрепляться угрозой сокращения соответствующего количества публикаций, это вызовет сильное удивление всех участников процесса.

Если обратиться к эпистемологии, то учёные представляют собой группу, которая может предсказать судьбу кого и чего угодно, но только не самих себя. Наряду с изменением этоса, которое уже привело к внутреннему расколу поля науки, это приводит к неутешительным выводам: прощание со сциентизмом неизбежно. Учёные могут добиться относительного повышения своих доходов, но утрата ими статуса носителей истины, честности и благородства – это надолго, если не навсегда.

История с наукометрией очень показательна – законы развития науки человечеству неизвестны, и что тогда демонстрирует попытка измерения научных результатов? В своё время математики фактически отказались создать строгое обоснование своей дисциплины, особенно после того как полученные К. Геделем теоремы поставили под сомнение попытку организовать математическое знание как одну аксиоматико-дедуктивную мегатеорию (см.: [Манин, 1979, с. 64–70]). Прогнозирование научного движения даже в отдельных, казалось бы, наиболее разработанных дисциплинах, остаётся областью высоких рисков. Поэтому и мы воздержимся от попыток разработки рекомендаций, хотя философия, конечно, позволяет выстроить традиционный ряд тезис – антитезис – синтез с по-

⁷ СМИ: в Нью-Йорке выявили случаи голосования «мертвых душ» на выборах (04.11.2020). Информационное телеграфное агентство России (ИТАР-ТАСС). URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/9909463> (дата обращения 12.01.2026).

следующим появлением «новых учёных», располагающих неординарными психофизическими возможностями, о которых мечтали в античности.

Вместо заключения

Конец сциентизма напрямую связан кризисом теории модернизации, о котором мы уже писали (см.: [Ореховский, Разумов, 2025]). С позиций политической философии это означает кризис легитимности для всех государств, где сциентизм играет роль гражданской религии и которые пытаются решить свои острые демографические проблемы с помощью привлечения мигрантов и, видимо, в ближайшем будущем – получения детей «из пробирки». Обращение к традиционным ценностям в таком случае выглядит естественным выходом. Однако здесь возникают новые проблемы – во всех мировых религиях есть свои ревизионисты, где условные «правые» требуют радикализации, возврата к жёстким ритуалам и исключения «чужих», а условные «левые», выступающие за обновление «на научной основе», в пределе готовы растворить свою религию в экуменизме и «общечеловеческих ценностях». И эти вызовы, по-видимому, будут со временем только обостряться.

Что же до широкого научного сообщества, то, несмотря на то что процесс разложения уже замечен, но до настоящего кризиса ещё очень далеко. История «зелёной энергетики» ещё далеко не закончена, да и в России недавно опять заговорили о повороте рек⁸. Экология – один из общественных «нервов», и провалы в этой сфере существенно увеличивают счёт общества, предъявляемый к учёным. С большой вероятностью такая же ситуация скоро возникнет вокруг пузыря искусственного интеллекта – пока большие лингвистические модели выдают свои рекомендации на основе наиболее часто встречающихся нарративов, тиражируя посредственность. Воспроизводство научных кадров на основе прямого плагиата в своё время в России было, конечно, приостановлено «Диссернетом», однако куда большую роль в снижении количества защит сыграла потеря престижности учёных званий.

Если проводить аналогии, с членами РАН и сообществом ректоров под руководством Минобрнауки должно произойти, с поправкой на время и масштаб, нечто подобное тому, что в 1980-е гг. имело место в отношении ЦК КПСС – утрата доверия со стороны общества к результатам научно-образовательной деятельности. При этом, учитывая текущие пиар-акции и обещанное увеличение финансирования со стороны исполнительной власти, процесс этот будет нелинейным и относительно медленным. Одновременно с этим, как это можно заметить уже сейчас, в рамках сообщества формируются свои кружки и закрытые «клубы», где размер Хирша и публикационная активность не будут иметь какого-либо значения для получения авторитета. Это – тоже медленный процесс, в ходе которого должен возникнуть этос новых учёных. По-видимому, это коснётся прежде всего сферы фундаментальных дисциплин. «Прикладников» ждёт успешная карьера в бизнесе – и если не озаботиться созданием условий для них, то этот бизнес ста-

⁸ Отбор воды из северных рек на юг России будет полезен, считает ученый (24.11.2025). *РИА Новости*. URL: <https://ria.ru/20251124/reki-2057028707.html> (дата обращения 12.01.2026).

нет, конечно же, зарубежным. Но что касается представителей точных, а заодно и примыкающих к ним учёных из «противоестественных» наук (по крылатому выражению Л. Ландау), то – и это особенно неприятно – Запад нам не поможет. Придётся как-то думать самим.

Список литературы

- Агамбен Дж.** Stasis. Гражданская война как политическая парадигма. СПб.: Владимир Даль, 2021.
- Бурдые П.** Homo academicus. М.: Изд-во Ин. Гайдара, 2018.
- Донских О. А., Разумов В. И.** РПД-логия и совершенствование образования в XXI в. // Профессиональное образование в современном мире. 2022. Т. 12. № 1. С. 168–174.
- Зомбарт В.** Буржуа: Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. М.: Наука, 1994.
- Инглхарт Р.** Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М.: Мысль, 2018.
- Инглхарт Р.** Неожиданный упадок религиозности в развитых странах. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2022.
- Коллинз Р.** Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сиб. хронограф, 2002.
- Манин Ю. И.** Доказуемое и недоказуемое. М.: Сов. радио, 1979.
- Ореховский П. А., Кислицына О. А.** Неравенство, элиты и контрэлиты (проверка некоторых положений структурно-динамической теории) // Федерализм. 2025. Т. 30. № 2 (118). С. 5–34.
- Ореховский П. А., Разумов В. И.** Экономическая теория «классной доски»: между реальностью и симулякром // AlterEconomics. 2025. № 1. С. 40–53.
- Рубинштейн А. Я.** Ранжирование российских экономических журналов: научный метод или «игра в цыфирь»? // Журнал Новой Экономической Ассоциации. 2016. № 2 (30). С. 162–175.
- Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н.** Понедельник начинается в субботу: повесть-сказка. М.: АСТ, 2019.
- Фегелин Э.** Новая наука политики. Введение. СПб.: Владимир Даль, 2021.
- Финли М.** Политика в античном мире. СПб.: Владимир Даль, 2025.
- Флигстин Н., Макадам Д.** Теория полей. М.: Высш. шк. экономики, 2022.
- Флорида Р.** Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Классика XXI, 2011.
- Фридман М.** Методология позитивной экономической науки // Философия экономики / Под ред. Д. Хаусмана. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2012. С. 177–216.
- Фуллер С.** Постправда: Знание как борьба за власть. М.: Высш. шк. экономики, 2021.
- Фурман Д. Е.** Сталин и мы с религиозедческой точки зрения // Фурман Д.Е. Избранное. М.: Территория будущего, 2011. С. 262–298.
- Taylor M.** The Politics of Innovation: Why Some Countries Are Better Than Others at Science and Technology. Oxford University Press, 2016.

References

- Agamben J.** Stasis. The Civil War as a political paradigm. Saint Petersburg: Vladimir Dahl, 2021. (in Russian)
- Bourdieu P.** Homo academicus. Moscow: Gaidar Institute Publishing, 2018. (in Russian)
- Collins R.** Sociology of philosophies: A global theory of intellectual change Novosibirsk: Siberian Chronograph, 2002. (in Russian.)
- Donskikh O. A., Razumov V. I.** Philosophy and improvement of education in the 21st century // Professional education in the modern world. 2022. Vol. 12. No. 1. P. 168–174. (in Russian)
- Fegelin E.** The New Science of Politics. Introduction. Saint Petersburg: Vladimir Dahl, 2021. (in Russian)
- Finley M.** Politics in the Ancient World. Saint Petersburg: Vladimir Dahl, 2025. (in Russian)
- Fligstin N., McAdam D.** Theory of fields. Moscow: Higher School of Economics, 2022. (in Russian)
- Florida R.** Creative class: people who change the future. Moscow: Classics XXI, 2011. (in Russian)
- Friedman M.** Methodology of positive economics // Philosophy of Economics / Ed. by D. Housman. Moscow: Gaidar Institute Publishing, 2012. P. 177–216. (in Russian)
- Fuller S.** Post-Truth: Knowledge as a struggle for power. Moscow: Higher School of Economics, 2021. (in Russian)
- Furman D. E.** Stalin and us from a religious point of view // Furman D.E. Selected Works. Moscow: Territoriya Budushchego, 2011. P. 262–298. (in Russian)
- Inglehart R.** Cultural evolution: how human motivations change and how it changes the world. Moscow: Mysl, 2018. (in Russian)
- Inglehart R.** The unexpected decline of religiosity in developed countries. Saint Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg, 2022. (in Russian.)
- Manin Yu. I.** Provable and unprovable. Moscow: Soviet Radio, 1979. (in Russian)
- Orekhovsky P. A., Kislitsyna O. A.** Inequality, elites and counter-elites (verification of some provisions of the structural-dynamic theory) // Federalism. 2025. Vol. 30. № 2 (118). P. 5–34. (in Russian)
- Orekhovsky P. A., Razumov V. I.** The economic theory of the «blackboard»: between reality and simulacrum // AlterEconomics. 2025. No. 1. P. 40–53. (in Russian)
- Rubinstein A. Ya.** Ranking of Russian economic journals: A scientific method or a «game of chicken»? // NEA Journal. 2016. No. 2 (30). P. 162–175. (in Russian)
- Sombart V.** Bourgeois: Studies on the history of the spiritual development of a modern economic person. Moscow: Nauka, 1994. (in Russian)
- Strugatsky A. N., Strugatsky B. N.** Monday begins on Saturday: A telltale. Moscow: AST, 2019. (in Russian)
- Taylor M.** The Politics of Innovation: Why Some Countries Are Better Than Others at Science and Technology. Oxford University Press, 2016.

Информация об авторах

Петр Александрович Ореховский, доктор экономических наук, профессор, заведующий, сектор философии и методологии экономической науки, Институт экономики РАН

Владимир Ильич Разумов, доктор философских наук, профессор профессор, кафедра теологии, философии и культурологии, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

Information about the Authors

Petr A. Orekhovsky, Doctor of Sciences (Economics), Professor
Head, Sector of Philosophy and Methodology of Economic Science, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

Vladimir I. Razumov, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor
Professor, Department of Theology, Philosophy, and Cultural Studies, Omsk State University

*Статья поступила в редколлегию 15.01.2026;
одобрена после рецензирования 22.01.2026; принята к публикации 22.01.2026.*

*The article was submitted 15.01.2026;
approved after reviewing 22.01.2026; accepted for publication 22.01.2026*

Материалы для лекции

УДК 165.0:82

DOI 10.25205/2541-7517-2025-23-4-37-112

Знание, научное знание и объективность *

Никита Владимирович Головки

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

*Институт философии и права Сибирского отделения РАН
Новосибирск, Россия*

golovko@philosophy.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4707-1231>

Аннотация

Цель работы – раскрыть теоретические основания, которые позволяют конструктивно анализировать самые разные представления о знании. Ключевое понятие – нормативность по Х. Гинсборг, укорененная в распознавании того, как следует действовать дальше (how we ought to go on), понимаемая в терминах распознавания использований выражений как соответствующих их использованию (нами или членами данного сообщества) в прошлом. Предполагается, что в настоящее время мы переживаем очередной эволюционный этап естественного исторического процесса развития представлений о знании, связанный с критикой абсолютизации дедуктивной логики как единственно допустимого вывода, что обуславливает необходимость сделать акцент на многообразии существующих практик представления и обоснования знания. Дополнительно к анализу так понимаемой нормативности рассматривается представление о «релевантности данных» как требование заблаговременно (beforehand) ограничить исследование, которое, если мы говорим о знании, отвечает проблеме пропозиционального и докастического обоснования, если мы говорим о научном знании, – представлению об объективирующем характере исследования, понимаемом в эпистемических терминах как следование тезису «обоснованное убеждение является по крайней мере указующим на истину». В качестве эвристики рассматриваются несколько примеров философских построений второй половины XX века, в которых закрепляется идея того, что «логический тип рациональности» ограничен, – Э. Гетье, Л. Лаудан, Г. Саймон, а также натурализованная феминистская философия науки Л. Нельсон и один из моментов дискуссии о научном характере геологии в 1960-х – Р. Беммелен, Р. Уотсон с целью показать то, что именно современная

* Статья представляет собой расширенную версию доклада, прочитанного 15 февраля 2026 года на февральской сессии научно-популярных лекций *Æ.con* проекта «*Æsthesis*. Объясняем философию на пальцах» (www.youtube.com/@aistezis), организаторы: Валентин Дугушкин, Василий Кочергин, Михаил Сафронов, Магдалина Семенова и Алла Васильченко. Поднимаемая тема настолько широка и обширна, что как бы мы ни старались, нам не удалось ограничить объем доклада какими-то более разумными рамками (даже простое упоминание сопутствующих вопросов и проблем, не говоря уже о примерах и их обсуждении, занимает много места), – в любом случае, мы приглашаем к дискуссии и надеемся, что читатель оценит приведенную постановку.

практика анализа сопутствующих вопросов представления знания способна добавить к так понимаемым представлениям о нормативности и релевантности данных.

Ключевые слова

знание, научное знание, коммуникативная импликатура, нормативность, эпистемическое укоренение, эмпиризм, Х. Гинсборг, Б. Фраассен, Дж. Лоу

Для цитирования

Головко Н. В. Знание, научное знание и объективность // Сибирский философский журнал. 2025. Т. 23, № 4. С. 37–112. DOI 10.25205/2541-7517-2025-23-4-37-112

Knowledge, scientific knowledge and objectivity

Nikita V. Golovko

Novosibirsk State University

Novosibirsk, Russian Federation

Institute of Philosophy and Law, SB RAS

Novosibirsk, Russian Federation

golovko@philosophy.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4707-1231>

Abstract

The paper aims to uncover theoretical foundations that enable a constructive analysis of a wide range of concepts of knowledge. The key concept is normativity, as defined by H. Ginsborg, grounded in the recognition of how we ought to go on, understood in terms of recognizing the uses of expressions as conforming with its past use (by us or by members of a given community). It is suggested that we are currently experiencing another evolutionary stage in the natural historical process of knowledge understanding, associated with a critique of the absolutization of deductive logic as the only permissible inference, which necessitates an emphasis on the diversity of existing practices of knowledge presentation and justification. In addition to the analysis of normativity understood in this way, the idea of «relevance of evidence» is considered as a requirement of beforehand constraining of inquiry in advance, which, if we are talking about knowledge, corresponds to the problem of propositional and doxastic justification, if we are talking about scientific knowledge, – to the idea of objectifying nature of inquiry, understood in epistemic terms as following the thesis «a justified belief is, at least, truth-conducive». As a heuristics, several examples of philosophical constructs from the second half of the 20th century are considered, first group consolidates the idea that «logical type of rationality» is limited – E. Gettier, L. Laudan, G. Simon, and as well we consider the naturalized feminist philosophy of science by L. Nelson and one of the moments of the discussion about the scientific nature of geology in the 1960s – R. van Bemmelen, R. Watson, with the aim of showing that it is precisely the modern practice of analyzing the accompanying issues of knowledge representation that is capable of prolific adding to the thus understood ideas of normativity and relevance of evidence.

Keywords

knowledge, scientific knowledge, communicative implicature, normativity, epistemic grounding, empiricism, H. Ginsborg, B. van Fraassen, J. Lowe

For citation

Golovko N.V. Knowledge, scientific knowledge and objectivity. *Siberian Journal of Philosophy*, 2025, vol. 23, no. 4, p. 37–112. (in Russian) DOI 10.25205/2541-7517-2025-23-4-37-112

All men by nature desire to know. An indication of this is the delight we take in our senses; for even apart from their usefulness they are loved for themselves; and above all others the sense of sight. The reason is that this, most of all the senses, makes us know and brings to light many differences between things. [Met., 980a]

Все люди от природы стремятся к знанию. Доказательство тому – влечение к чувственным восприятиям: ведь независимо от того, есть от них польза или нет, их ценят ради них самих, и больше всех зрительные восприятия. И причина этого в том, что зрение больше всех других чувств содействует нашему познанию и обнаруживает много различий <в вещах>. [Met., 980a]

Первая строчка «Метафизики», очевидно, обладает необходимой глубиной и собственной неповторимой магией, которая буквально заставляет внимательно и с уважением отнестись к Аристотелю¹. Но что если та интерпретация написанного, которая по каким-то причинам кажется нам наиболее подходящей, простой и понятной, на самом деле попросту мешает понять то, что именно хотел сказать автор?² «Desire» – это не всегда «стремиться», ведь это не «eager»,

¹ В эпиграфе приведены выдержки из отрывка 980a в переводе У. Росса [Smith, Ross, 1908, p. 1] и в переводе В.Ф. Асмуса [Аристотель, 1976, с. 65]. Также можно отметить, что в комментариях к тексту Аристотеля У. Росс дает следующий перевод строчки 21: «All men by nature desire to know, as is indicated by the love we have for our senses, even apart from their practical uses, and especially for that of sight because it tells us much about the differences between things» [Ross, 1924, p. 114].

² Нет необходимости лишний раз вспоминать о том, насколько плох может быть перевод, – эта проблема незримо присутствует в любом философском дискурсе и является общим местом, – это часть контекста (см.: [Головкин, 2023a]). Тем не менее, приведем тот же отрывок еще из двух переводов. «Все люди от природы стремятся к знанию. Свидетельством тому – <наша> привязанность к чувственным восприятиям: помимо их пользы, восприятия эти ценятся ради них самих, и больше всех то из них, которое происходит с помощью глаз. Объясняется это тем, что чувство зрения в наибольшей мере содействует нашему познанию и обнаруживает много различий <в вещах>» (перевод А.В. Кубицкого. – Н. Г.) [Аристотель, 1934, с. 19]. «Все люди от природы охотники до знания. Примета этого – чувственное восхищение: без всякой пользы люди любят чувствовать ради чувства, особенно смотреть. Среди всех чувств лучше всего зрение помогает познанию, показывая нам все возможные различия вещей» (перевод А.В. Маркова. – Н. Г.) [Аристотель, 2018, с. 17]. Здесь можно вспомнить известную шутку про физиков и математиков, когда математик удивляется «книгу писал физик, чего с него взять!». (Реальный пример, услышанный автором на втором курсе мехмата НГУ на семинаре кафедры гидродинамики, где разбиралась книга Д. Хаара «Основы гамильтоновой механики»). Точно также второй перевод – это перевод филолога, он мало чего понимает в философии, да и не должен. И тут, конечно, может возникнуть и другой вопрос, а почему мы сравниваем переводы на русский язык и на английский язык, а не обращаемся непосредственно к греческому тексту? И как ни печально, но для большинства тех, кто готов профессионально заниматься анализом философских проблем (речь не об историках философии), владение греческим языком в достаточной степени само по себе – непозволительная роскошь. Тем более что проблема, на наш взгляд, состоит в том, что очень часто мы готовы использовать позицию того или иного философа для своих целей, сознательно вырывая ее из контекста, – стремясь выделить то, что «нужно нам», а не то, что «есть на самом деле». И это «на самом деле» по определению будет зависеть от нашей интенции и от культурно-исторического контекста, в котором мы живем. В этом смысле тотальное недоверие ко всему и всем – это просто здоровое отношение к тексту.

На помощь, как всегда, приходит Р. Коллинз. Позиция, согласно которой «Платона и Аристотеля надо читать на языке оригинала – на английском» (В.Н. Карпович) означает, что мы готовы установить некоторые «общие основания аргументации» между различными трактовками и переводами.

не «crave», не «want to», не «look for», «indication» – точно не «доказательство», «makes us know» – точно не «содействует нашему познанию». Почему «в вещах» стоит в скобках так, как будто это не важно? Ведь очевидно, что речь идет о том, что зрение не просто «обнаруживает *много* различий», а именно дает возможность «вынести на свет (обнаружить) *различия* между вещами», в чем, в частности, и состоит претензия на *знание*, которое раскрывает обращение к зрению ³.

И это, в свою очередь, означает что мы рассматриваем англоговорящую традицию как более устойчивую в академическом смысле – с точки зрения адекватной атмосферы (количество участников, уровень владения материалом, открытость, благожелательность, правила ведения дискуссии и т.д.) и потенциальной возможности выработки в их критическом дискурсе более качественных и устойчивых интерпретаций. (И мы не хотим сказать, что в тех же переводах «Метафизики» У. Росса, Ч. Рива и Х. Лоусона-Танкрида нет отличий, не позволяющих критически отнестись к каждому из них, несмотря на то что все они, как мы бы сказали, являются академическими и вышли в самых уважаемых издательствах.) Философия не является наукой в собственном смысле слова, но никто не говорит, что здесь, как в самостоятельной области знания, невозможны прогресс понимания и продвижение условного «переднего края», пусть даже они будут касаться исключительно развития только отдельных традиций («последовательностей», в терминологии Р. Коллинза) и достаточно масштабных проектов. И, конечно, оборотная сторона всего этого – это понимание того, что, хотим мы этого или нет, но наше профессиональное сообщество находится на «интеллектуальной периферии» (оно просто не может тягаться с условным «интеллектуальным центром» в цитируемости, а значит в возможности для той или иной точки зрения быть выбранной в качестве основания для будущей успешной интерпретации). Что, конечно, не является однозначным мерилот отсталости, нахождение на периферии – это не приговор, но все это заставляет лишний раз проверить себя.

Уже после написания основного текста статьи появилась информация, что К. Нолан при подготовке сценария «Одиссеи» специально выбрал для адаптации перевод Э. Уилсон (Wilson E. The Odyssey. W. W. Norton & Company, 2017) который, кроме прочего, отличает «доступность текста по сравнению с другими переводами, коррекция анахронизмов и эвфемизмов, к которым прибегали другие переводчики» (см.: Odyssey (Emily Wilson translation) (rev: 11 марта 2026) Wikipedia. The Free Encyclopedia. URL: [https://en.wikipedia.org/wiki/Odyssey_\(Emily_Wilson_translation\)](https://en.wikipedia.org/wiki/Odyssey_(Emily_Wilson_translation))), дата обращения: 30.03.2026). Мы не хотим сказать, что перевод не может быть средством выражения политической позиции автора перевода или быть какой угодно интерпретацией исходного текста. Но если речь идет об академическом переводе, именно о том, что позволяет другим исследователям реконструировать оригинальную, насколько это возможно, позицию автора и использовать ее как часть аргументации именно в академическом дискурсе, то критика перевода и его анализ на предмет возможности быть использованным в академическом дискурсе являются обычным делом, кто бы и как бы его ни подавал.

³ Этот акцент на значимости чувственного восприятия может быть примечателен по крайней мере по двум причинам. Во-первых, это можно считать хорошим напоминанием о том, что философия природы Аристотеля в значительной степени имеет «эмпирический характер». С этой точки зрения на фоне традиционного деления «Античность» – «Новое время» – «Современность» мы даже можем сказать, что все, что касается условной «методологической» части работы с эмпирическими данными, в плане самого общего понимания условного «эмпирического метода» уже было доступно Аристотелю и дошло до нашего времени, практически не изменившись. Разница между эпохами (и соответствующими трактовками) только в мировоззренческом наполнении, которое заставляет нас по-разному интерпретировать одно и то же, от чего может возникнуть ощущение исторического развития в представлении об эмпирическом методе. Аристотель работал в рамках парменидовской парадигмы с разделением миров на «чувственный» и «рациональный», все «Новое время» – это комментарии к дуализму Р. Декарта (а скорее к трендам, заданным Росцелином и Фомой Аквинским), а «Современность» – это период, когда определяющими для описания получения знания стали понятия «консенсус» и «передний край». Это не очевидно, в том числе потому, что под «эмпирическим методом» в настоящее время может пониматься все что угодно. Например, еще не так давно, особенно у нас в стране, деление эмпиризм/рационализм играло важную роль в понимании периодизации исторического развития философии с точки зрения установления условного канонического для данного этапа парадигмального способа постановки философских вопросов и построения философской теории (см., например, [Горан, 2007]). В этом смысле «эмпиризм» (и соответствующее понимание эмпирического метода и воз-

И проблема, конечно, не в том, что мы имеем дело с нерадивыми переводчиками

возможностей условного «эмпирического познания») может пониматься как общая установка, которая противопоставляется «рационализму», который, в свою очередь, является исходным пунктом всей философской традиции, начиная с «мысль и мыслимое – одно и то же» Парменида и особой роли души в метафизике Платона. Мы привыкли говорить о том, что Аристотель и, например, Ф. Бэкон – это представители разных парадигм. «Органон» Аристотеля посвящен основному инструменту рационального рассуждения, а именно – логике и силлогистике, а «Новый Органон» Ф. Бэкона отражает один из ключевых этапов исторического развития представления о научном методе. В действительности, конечно, ситуация гораздо интереснее. И конечно, мы можем сказать, что нововременное отрицание условной средневековой интерпретации аристотелизма стало возможным только после того, как в европейской культуре окончательно закрепились номинализм и представление о двух истинах, что, в частности, и позволило Ф. Бэкону безбоязненно дописать вторую часть названия: «Истинные направления (*indicia vera*), касающиеся интерпретации природы» (см., например, [Fowler, 1878]). Но всегда остается шанс, что рассуждения Ф. Бэкона были продиктованы не только и не столько духом времени, а просто внимательным прочтением корпуса трудов, который традиционно обозначают как философия биологии Аристотеля. Как отмечает А. Готтхелф: «Аристотель не был отстраненным (*armchair*) философом, порождающим теории “из головы”, он был блестящим (*brilliant*) и внимательным наблюдателем, некоторые из открытий которого были вновь обнаружены лишь в девятнадцатом веке. Его величие как ученого заключается в *системном и нацеленном на объяснение* характере его работ, в той *методологии*, которую он практиковал. И которая, в частности, включала: большой *объем* (*range*) и *тщательный отбор* (*care*) собираемых данных; системный способ *организации* этих данных; способ, которым он объяснял и систематизировал данные; а также способ, которым он *включал* полученные им объяснения в сложную (*comprehensive*) систему научного знания, которая не только основана на эмпирических данных, но и будет подвержена пересмотру, как только будут открыты новые данные» [Gotthelf, 2012, p. 371]. В этом смысле даже сложно сказать, кто же был большим эмпириком – Ф. Бэкон или Аристотель. И все это еще больше осложняется тем, что мы можем рассуждать об «эмпирическом характере» представлений Аристотеля на фоне представления о «научном эмпиризме» – как основания именно современного научного мировоззрения, который, очевидно, вообще можно рассматривать как независимую сущность.

Ни Г. Галилей, ни Ф. Бэкон, ни И. Ньютон не были участниками, не были погружены в современный контекст научного исследования. В этом смысле те элементы их концепций, которые мы традиционно подчеркиваем как часть некоторого модельного представлением об «эмпиризме», – это нужным образом подобранные искусственные черты, роль которых исключительно состоит в том, чтобы придать эмпиризму необходимый историко-культурный интеллектуальный вес. Никто из последних понятий не имел о массовом характере производства научного знания – научных журналах, государственных академиях наук, корпоративной науке, научной этике, установках мега-сайенс и огромных научных коллективах, которые делают реальностью двухстраничные статьи, у которых по триста авторов, или пользование стандартизированными базами данных, в которых само понятие «авторство исходных данных» давно потеряло свой обыденный смысл. Никто из условных отцов-основателей не находился в ситуации, в которой сейчас находится любой нормальный (от «нормальная наука» Т. Куна) ученый, багаж знаний которого опирается на материал, который уже был кем-то и когда-то (возможно не один раз) переработан, – он не соотносится с изучаемым явлением так, как это было на заре возникновения науки как формы знания, противопоставляемому религиозной догме, – хороший ученый обязан продвигать передний край современных исследований, и это не значит ни «Она движется!», ни «Гипотез не измышляю». В этом смысле говорить о том, что «научный эмпиризм» опирается на представление о повторяемых и воспроизводимых экспериментах, которые проводятся в искусственно созданных, контролируемых условиях, – это лишь часть правды и, возможно, о ужас, не самая существенная. Акцент на наблюдении и систематическом характере исследования и объяснения природы с опорой на них (что уже было у Аристотеля) – это лишь вершина айсберга. Как напишет Р. Вулхаус: «Систематическое использование терминов “эмпиризм” и “рационализм” является исключительно продуктом истории философии XIX века, которая рассматривала философию XVII (и XVIII) веков в идеализированных терминах как конфликт между двумя противоборствующими школами, которые достигли некоего разрешения в философии Канта. Помимо того, что эмпиризм является теорией об источнике и происхождении знания, он также является методологией. Кто-то может следовать или даже явно отдавать предпочтение наблюдению и экспериментальным процедурам в поиске знания, но при этом не иметь теории о том, как именно знание и идеи, в терминах которых мы выражаем это

ми, которые переводят «foundationalism» как «фундаментализм», «demonstration» как «доказательство», «evidence» как «свидетельства», а «belief» – носитель эпистемического статуса – как «вера». Речь, по-видимому, идет о том, что мы и автор находимся в по-разному нагруженных коммуникативных ситуациях, содержание

знание, связаны с нашим чувственным восприятием. Бэкон является почти исключительно методологом. Он с энтузиазмом отстаивает и описывает определенные эмпирические процедуры, с помощью которых следует искать знание; но он не размышляет о взаимосвязи между знанием и идеями с одной стороны и опытом с другой, так, как это делают Гоббс, Гассенди или Локк» [Woolhouse, 1988, p. 2–3]. В этом смысле Аристотель, вполне возможно, приверженец «методологического эмпиризма». «Нельзя иметь о чем-нибудь знание посредством доказательства, если не знают первых непосредственных начал. Если же мы приобретаем эти способности, не имея их раньше, то как мы можем познавать и научиться <чему-нибудь>, не имея предшествующего познания?.. Поэтому необходимо обладать некоторой возможностью <познания>, однако не такой, которая превосходила бы эти <способности познания через средство доказательства> в отношении точности. Но такая возможность, очевидно, присуща всем живым существам. В самом деле, они обладают прирожденной способностью разбираться, которая называется чувственным восприятием. Таким образом, ясно, что первичное нам необходимо познавать посредством индукции, ибо таким <именно> образом восприятие порождает общее» [Аристотель, 1952, с. 286–287]. Вот другой вариант: «Scientific knowledge through demonstration is impossible unless a man knows the primary immediate premisses. If we acquire them and do not previously possess them, how could we apprehend and learn without a basis of pre-existent knowledge?.. Therefore we must possess a capacity of some sort, but not such as to rank higher in accuracy than these developed states. And this at least is an obvious characteristic of all animals, for they possess a congenital discriminative capacity which is called sense-perception. Thus it is clear that we must get to know the primary premisses by induction; for the method by which even sense-perception implants the universal is inductive» [Aristotle, 1928, p. 324–325]. И еще один: «It is impossible to acquire scientific knowledge by means of demonstration without first explaining the primary and ultimate principles. If we acquire these principles without having had them before, how can we learn and understand anything when no previous knowledge existed?.. We must therefore possess some such undeveloped faculty, but not of such a nature as to be superior to the principles themselves in point of accuracy. This faculty indeed is clearly possessed by all animals, for all have an innate critical faculty which is called sense-perception. It is clear that the most primary knowledge is attained by means of induction, for it is through induction that sense-perception produces the universal in the mind» [Bouchier, 1901, p. 127–128]. Требование демонстрируемости знания, фаундализм, индукция – все это признаки «здоровой» интерпретации эмпиризма, это акцент на том, что систематическое объяснение природы должно опираться на какие-то исходные представления, которые мы для себя раскрываем посредством наблюдения.

Второй момент, который хотелось бы здесь отметить, связан с вопросом о том, почему диалог Платона «Тэтет» начинается и больше чем наполовину посвящен обсуждению (заведомо провального с точки зрения онтологии Платона!) тезиса о том, что «ощущение есть знание»? Не является ли подобный ход рассуждений интеллектуальным ответом тому, что «в сознании нет ничего, что до этого не было бы в опыте»? И хотя, возможно, сам Аристотель так не говорил, – фраза известна как одна из «перипатетических аксиом» Фомы Аквинского, отрицающего врожденные идеи и возводящего свое учение к перипатетической традиции Аристотеля, – он точно говорил о том, что активный разум обладает способностью абстрагировать универсальные значения вещей из единичного чувственного опыта. По Аристотелю, «активный разум» является частью вечной души, «которая делает вещи мыслимыми (thinkable) посредством превращения их в актуальное, – то, что мыслится (thought-about) (обращение вещей в предметно-мыслимое посредством формирования убеждений, которые отвечают этим вещам и замещают их в сознании человека. – Н. Г.), превращая потенциальное знание в актуальное» (см.: Shields C. The Active Mind of *De Anima* III 5. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Winter 2020 Edition), URL: <https://plato.stanford.edu/entries/aristotle-psychology/active-mind.html>, дата обращения: 25.02.2026). Что если приведенные соображения о «методологическом эмпиризме» Аристотелем, возможно, могли заставить Платона (работавшего в той же парменидовской парадигме) резко высказаться против такой «проэмпиристской» позиции? Ниже, говоря о «Современности», мы еще раз вернемся к тезису «ощущение есть знание». Возможно, это один из ключевых моментов, позволивших Р. Чизолму сформулировать основания современной эпистемологии как самостоятельной области исследований. Возможно, он не случайно отметит и тезис «ощущение есть знание», и тезис «превращение актуального знания в потенциальное».

которых буквально *заставляет* нас принять ту или иную интерпретацию, передаваемую соответствующим термином⁴. Как следствие, закрепляется представле-

⁴ Тезис о том, что *интерпретация зависит от того, в какой системе вы находитесь*, – это буквально один из самых известных мемов философии второй половины XX века. Понять, в чем суть проблемы, а также вспомнить целую кучу сопутствующих примеров, можно буквально на пальцах. Очевидный пример – П. Грайс и его прочтение «коммуникативной имплицатуры», ее производных и сопутствующих правил надлежащего коммуникативного общения. «У обочины стоит машина, очевидно требующая ремонта, и водитель спрашивает у прохожего: “Есть ли тут неподалеку СТО?”. Коммуникативно релевантным содержанием вопроса в этой ситуации, – утверждает П. Грайс, – является не то, есть или нет СТО неподалеку, а открыта ли она сейчас, сможет ли СТО принять автомобиль? И если ответ будет: “да, она за углом”, т. е. если прохожий буквально (literally) подтвердит наличие СТО, то *прагматическое заключение* (convey), которое сделает водитель, скорее всего, будет таким, что СТО открыта. В том случае, если *пешеход знает, что СТО закрыта*, если он не думает, что возможно, что СТО открыта, то его ответ интуитивно будет считаться неправильным (incorrect), поскольку нарушает максимум “Будь Релевантным”. Допуская, что пешеход знает, что рядом нет другого открытого гаража, на его месте правильно было бы ответить: “нет, рядом СТО нет”. Этот ответ буквально ложный, но влечет истинное прагматическое заключение, что рядом нет открытой СТО» (курсив наш. – Н. Г.) [Grice, 1975, p. 51–52]. В данном случае контекст, в котором вы находитесь, буквально заставляет вас по-разному смотреть на ситуацию.

Еще более очевидный пример – это «технические ограничения на то, что теория вообще может представить в своих рамках» – или «идеология» по У. Куайну, как ответ на вопрос «какие идеи выразимы» (expressible) в языке теории. Фундаментальное различие (между онтологией и идеологией. – Н. Г.) связано с различием между теорией указания, которая рассматривает вопросы именования, денотации, расширения, коэкстенсивности, значения переменных, истинности и теорией значения, которая рассматривает вопросы синонимии, аналитичности, синтетичности, импликации, интенциональности [Quine, 1951, p. 15]. (Наша интерпретация дана в работе [Головкин, 2008а]. Можно найти и более показательную цитату, например, из «О том, что есть» (1948): «Теория допускает (commit) те и только те сущности (entities), на которые способны ссылаться ее связанные (bound) переменные так, чтобы подтверждения (affirmations) внутри нее были истинными»). Тут так же можно вспомнить предмет «первого условия» (belief condition) трехчастного определения знания. Пятница и Робинзон стоят на берегу, мимо проплывает атомный ледокол «Арктика», что видит Пятница? В популярной культуре тут можно вспомнить, например, фильм «Прибытие» (2016), в котором похожим образом звучит аллюзия на тезис Сепира – Уорфа (концепция в лингвистике и антропологии, утверждающая, что структура языка, на котором говорит человек, влияет на его мышление, восприятие мира и когнитивные процессы).

Третий пример – культурно-исторический контекст. Мы все живем в определенный исторический период и сам этот факт радикально ограничивает наше мировосприятие (своя теоретическая нагруженность, свой стиль и т.д.). Наука предоставила все основания считать, что ньютоновское трехмерное пустое пространство – это весьма ограниченный конструкт. И в этом смысле все попытки И. Канта построить соответствующую онтологию и по-своему проинтерпретировать ответы на вопросы «Как возможна чистая математика?» или «Как возможно чистое естествознание?», – все это мы сейчас, в лучшем случае (следуя терминологии, предложенной Дж. Лэдименом), можем оценить разве что как «неосхоластика», не имеющая никаких перспектив выступать хорошей философской теорией. То же самое с отечественной традицией и постоянными попытками перевести «knowledge» как «познание», а «evidence» как «доказательства». Появление эпистемологии как самостоятельной области философских исследований (мы полагаем, что за точку отправления можно взять «Восприятие: Философское исследование» Р. Чизолма, вышедшую в 1957 году), отдельной дисциплины, в которой «знание» – это эпистемический статус убеждения (что полностью соответствует логике лингвистического поворота, закрепившей представление о том, что любое понятие (concept) – это характеристика сущности, с которой мы соотносим надлежащее использование понятия), заставляет понять, что «makes us know» – это буквально «делает нас обладающим знанием», делает нас «обладающим убеждением соответствующего эпистемического класса», либо «заставляет нас принять то, что рассматриваемое убеждение обладает выделенной эпистемической характеристикой “быть (относиться к классу) знанием”». И все это, конечно, ни в коем случае не говорит плохо о наших предшественниках. Просто со временем всегда наступает момент отказаться от «старых» представлений. И в этом же самом смысле

ние о «нормативности» – то есть содержательное понимание *необходимости*, принятое в данной понятийной системе, которое *заставляет* нас видеть мир именно таким и никаким другим ⁵.

Ниже мы кратко остановимся на представлении о нормативности, которое появляется в парадигме лингвистического поворота вместе с работами С. Крипке, а также на трансформации этого представления в свете характерного для философии второй половины XX века отрицания абсолютизации дедуктивной логики как единственно допустимого вывода, особенно когда речь идет о знании. Луч-

мы будем говорить, что основанием нормативности, которой от нас требует заданная интерпретация, является вполне конкретное (и также отвечающее этой интерпретации) представление о необходимости. Просто потому, что мы живем в период после того, как вышли известные работы С. Крипке и Д. Льюиса.

⁵ Кому-то может показаться, что говорить здесь о «необходимости» слишком смело. Однако модальность (те самые понятия «актуальное», «возможное», «необходимое» и их производные) является необходимой частью обыденного языка и понятийного мышления. В этом смысле даже можно сказать, что ни одно достаточно полное философское рассуждение (и тут можно даже не вспоминать про этику, которая фактически вся есть «упражнение в нормативности») не обойдется без модальных утверждений. Естественно, в современной литературе можно найти много рассуждений о модальности, много представлений о типах возможности и необходимости и т.д. Естественно, лучший способ разобраться в теме – начать рассуждать о том, в каком смысле данное утверждение может быть истинным или ложным, о том, в каком смысле что-то существует или не существует. Лоис Лэйн думает, что Кларк Кент слабее Супермена, права ли она? Естественно, речь может идти не только об утверждениях или сущностях, но и, например, о событиях (как насчет выиграть Нобелевскую премию по физике?), – именно потому, что мы говорим об утверждениях, которые задают события, и мы можем оценить их на возможные истинность или ложность. И естественно, просто потому что мы говорим тут о науке, философии и научном знании, мы обязательно будем говорить о трех исключительных видах нормативности – логической, физической и метафизической. Приведем следующее рассуждение буквально на пальцах. Нам может казаться, что никто не может допрыгнуть до Луны. Но допрыгнуть до Луны логически возможно, – соответствующее утверждение не является противоречием, представление о котором закрепляется законами логики(!). Логически возможно, что драконы существуют. Однако утверждение «кот Шредингера одновременно и жив, и мертв» – это логическое противоречие, а значит событие, которое оно описывает, невозможно. В том же самом смысле нечто возможно физически, если это позволяют законы физики. Ехать на машине в два раза быстрее, чем позволяет знак ограничения максимальной скорости на данном участке дороги, – вполне возможно, но физически невозможно двигаться в два раза быстрее скорости света (даже в том случае, если вы считаете «скорость света» скоростью в ее обыденном понимании). Физически необходимо, что предмет, который ни на что не опирается, упадет (как ножницы со стола), но соответствующее утверждение не является необходимым с точки зрения логической модальности, – нет никакого логического противоречия в том, чтобы говорить о летающих слонах. Переходя к метафизической модальности, ситуация осложняется еще больше. Это модальность, в которой возможность и необходимость не должны определяться ни законами логики, ни законами физического мира, а должны задаваться в каком-то смысле реальностью как таковой. Метафизическая модальность определяется тем, каковы рассматриваемые явления на самом деле, их природой, их сущностью. Ниже мы кратко остановимся на одном из вариантов представления метафизической модальности, который предлагает Дж. Лоу. И в любом случае мы будем говорить о том, что данный тип модальности (эпистемической, моральной, этической, юридической, психологической, технологической и др.) будет полностью определяться законами, определяющими «все что есть» в той области, которую мы рассматриваем. См.: Kment B. Varieties of Modality. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Spring 2021 Edition). URL: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2021/entries/modality-varieties/>, дата обращения: 25.02.2026. В этом смысле когда мы говорим о том, что «коммуникативная ситуация заставляет нас принять ту или иную интерпретацию, передаваемую соответствующим термином», мы обязаны предположить, что у этого «заставляет», так или иначе, будут какие-то (и, возможно, даже «законоподобные») устойчивые основания, которые и будут нам давать возможность оценить правильность или неправильность по крайней мере употребления соответствующего выражения.

шим, но не единственным(!) примером этого «отрицания» является известный результат Э. Гетье. Далее мы рассмотрим то, какие требования может накладывать на нормативность представление о том, что метафизическая необходимость в общем случае не равна логической. Хороший философ должен строить онтологии и работать с ними, – и это означает, что нормативность должна быть каким-то образом ограничена самим предметом того, что он делает. Наша задача заключается в том, чтобы выделить по крайней мере еще один признак, который дополнит представление о нормативности вывода, когда мы говорим о знании. Таким признаком будет представление о релевантности данных в том виде, как на него указывает пример «Цыганский адвокат» К. Лере. Наконец, в качестве эвристики успешности предлагаемого основания анализа понятийных систем, связанных со знанием, – пары «нормативность» плюс «релевантность данных», – мы покажем то, как эта пара помогает оформить адекватное представление о научном знании. Наш тезис заключается в том, что традиционное представление о «релевантности данных» является ничем иным, кроме как *таким образом реализуемым* требованием объективности (понимаемой в классическом смысле как «независимость от сознания») научного знания. Опираясь на то, как Б. Фраассен интерпретирует эмпиризм как установку (stance), достаточно легко соотнести «эмпиризм» и соответствующий тип «научной» рациональности или нормативности. И в этом же самом смысле мы будем понимать «релевантность данных» как требование «заблаговременно (beforehand) ограничить исследование», которое в нашем случае мы свяжем с представлением об объективирующем – нацеленном на объективность характере научного знания. В заключении статьи мы приведем несколько примеров, которые в определенном смысле снова должны вернуть нас к фундаментальному результату Э. Гетье. Более того, мы подчеркнем историчность принятых представления о «нормативности» и контекстную зависимость представления о «релевантности данных», рассмотрев несколько примеров, которые могут показаться достаточно радикальными. Критика Л. Лауданом консеквентализма (представления о том, что всю логику эвиденциального подкрепления научной теории можно свести к проверке ее следствий) или появление поведенческой экономики (одними из основных элементов которой являются представления о когнитивных искажениях и ограниченной рациональности) действительно могут выглядеть как попытки сломать старые представления о нормативности. Но, с другой стороны, акцент К. Клиленд на том, что исторические естественные науки в целом понимают идею эвиденциального подкрепления по-другому, нежели науки, в которых возможна «дедуктивная систематизация данных» (представление о возможности апеллировать к законам и гипотетико-дедуктивной схеме У. Уэвелла), указание Р. Дэвида на то, что структурно однозначная теория вообще не будет подчиняться гипотетико-дедуктивной схеме У. Уэвелла, идея С. Вольфрама о вычислимости в логике фракталов и конечных автоматов, которых по начальной задумке достаточно для того, чтобы построить симуляцию чего угодно, в том числе фундаментальной физической реальности (утверждение, которое если не отрицает привычную логику эвиденциального подкрепления теории, то уж точно переворачивает ее с ног на голову), – все это скорее говорит о том, что, возможно, мы переживаем очередной эволюционный этап естественного исторического

процесса развития представления о выводе – по мере того как наука раскрывает новые аспекты реальности, находясь, как мировоззренческий проект, в рамках своих собственных ограничений. И в этот момент даже такие скандальные с точки зрения традиционного представления вещи, как отрицание универсального познающего субъекта и ослабление представления об обязательности контролируемого воспроизводимого эксперимента, – это уже не просто то, что должно закрепить отказ от абсолютизации исключительно логической интерпретации гипотетико-дедуктивной модели обоснования научного знания, а самостоятельные значимые элементы более продуктивного будущего представления. Предмет этой лекции – теоретические основания, которые позволяют конструктивно анализировать самые разные представления о знании, но не стоит забывать о том, что сам изучаемый ландшафт – представления о выводе, знании, нормативности и объективности – находится в исторической динамике.

Главный философ XX века

Вопрос о том, кто является главным философом XX века, конечно же, не имеет смысла, – в том числе потому, что ответить на него можно будет только через несколько поколений (см.: [Коллинз, 2002]). Однако, подчиняясь логике рассуждений, которую раскрывает Р. Коллинз, если концепция имеет вид «исследовательской программы по И. Лакатосу», то к данному шахматному ходу должны прилагаться эвристики, раскрывающие значимость полученного результата, – если результат претендует на то, чтобы быть достаточно общим, – в том числе помогающие прояснить какие-то вопросы в смежных областях. И в этом смысле то, что сделал с философией Сол Крипке в плане развития идеи нормативности, сложно переоценить⁶. Естественно, представление о том, что значение нормативно является предметом дискуссии. В том числе потому, что сам тезис (как и подобает утверждению соответствующего уровня общности) со временем получил множество разных интерпретаций⁷. С. Крипке пишет: «Предположим, под знаком “+” мы подразумеваем обычную школьную интерпретацию сложение. Какова связь этого предположения с вопросом о том, сколько будет $65 + 57$? *Дискриптивная* трактовка отношения (заданного значения “+” и выражения “ $65 + 57$ ”. – Н. Г.) будет следующей: если “+” означает сложение, то ответ – 125. Но эта трактовка не является собственно (*proper*) той, которая подразумевается, поскольку мы на-

⁶ Почти наверняка кто-то скажет, что идея нормативности в условной философии языка – это, конечно, хорошо, но вот идея модальности – исследование необходимости, возможности и контингентности в условной метафизике – вот это настоящий прорыв. И тут, конечно, будет больше виноват Дэвид Льюис.

⁷ В частности, по тексту С. Крипке очевидно, что в первую очередь мы говорим о лингвистическом значении, но почему бы не представить, что мы говорим о ментальном содержании выражений? Более того, мы можем говорить о том, что *говорящий* подразумевает, когда использует языковое выражение, а можем говорить о том, что слова значат в языке. И если мы говорим об использовании языковых выражений и их значений, то должны ли мы, например, рассматривать «темпоральный аспект» – возможную смену значения выражения со временем? И это лишь вершина айсберга. Обоснование того, что та или иная постановка тезиса С. Крипке на самом деле является намеренной оригинальной интерпретацией идеи нормативности значения – это сам по себе хороший вопрос (см., например, [Whiting, 2013; Ginsborg, 2022] и др.).

меренно трактуем это отношение как *нормативное*. Суть не в том, что если “+” означает сложение, то ответ *будет* 125. Суть в том, что я намерен интерпретировать это отношение в соответствии с моим прошлым опытом использования “+”, и тогда нам *следует* (should) ответить 125» (курсив автора. – Н. Г.) [Kripke, 1982, p. 37]. Тем самым, как считается, С. Крипке закрепил одну из важных идей Л. Витгенштейна о том, как связаны значение выражения и его использование. Как отмечает Х. Гинсбург: «Большинство участников дискуссии полагают, что нормативный тезис Крипке, в том виде, как он сам его понимал, – это тезис о том, что *выражение, которому мы приписываем значение, допускает корректное или некорректное использование, где корректность использования определяется тем, является ли выражение истинным или гарантированно утверждаемым*. И в основном обсуждается то, есть ли что-то собственно (genuine) нормативное в самом факте того, что выражение, которому мы приписываем значение, допускает корректное или некорректное использование с точки зрения его истинности, а также выводится ли нормативность именно из значения как такового или из других соображений, таких как моральные или другие предписывающие (prudential) соображения, которые фиксируют истинность или ложность вещей» (курсив наш. – Н. Г.) [Ginsborg, 2022, p. 877]. И на первый взгляд ничего необычного тут нет. Мы работаем в семантической парадигме, которая буквально начинается, как учит М. Даммит, с тезиса о том, что «только посредством изучения (learning) того, как выражение используется – лингвистической практики утверждения (assertion) – мы приходим к схватыванию (grasp) его значения. При этом фундаментальным аспектом этой практики является то, что утверждение (assertion) может быть оценено (judged) как корректное или некорректное» [Dummett, 1991, p. 165]⁸. Нормативность языкового выражения следует из возможности его кор-

⁸ Существует определенная трудность в том, как обозначить ту парадигму представления философских проблем и в целом философствования, которая является следствием «лингвистического поворота» или «неофрегеанского проекта», одним из основных тезисов которого был тезис о «лингвистическом приоритете»: «лингвистические категории предшествуют онтологическим. Вещь (item) принадлежит категории объектов только в том случае, если возможно, что на нее указывает сингулярный термин» [MacBride, 2003, p. 108]. Довольно часто это (и следующие за ним, и сопутствующие этому представления) подменяется мистическим термином «аналитическая философия», которая якобы должна «посредством логического анализа ключевых понятий и правил рассуждения раскрыть содержание дискурса и тем самым избавить философию от псевдопроблем». Не вдаваясь в детали, примем в качестве исходной точку зрения М. Даммита, изложенную в его «Логических основаниях метафизики» (1991). (Есть определенная логика в том, чтобы смотреть на традицию только после прошедшего определенного количества времени. Взгляд М. Даммита, скорее всего, даст нам более адекватное представление о том, что на самом деле делали Б. Рассел и У. Куайн, поскольку именно так (и не иначе!) – через встраивание их работ и позиций в более общий философский контекст – и становится понятна, осознается значимость работ философа. Точно так же «Материалистическая диалектика» в пяти томах под общей редакцией В.Ф. Константинова и В.Г. Марахова расскажет вам о диалектическом материализме В.И. Ленина больше, чем можно почерпнуть из самих работ В.И. Ленина (что, конечно, не исключает необходимости чтения первоисточников). Никто не читает переписку Н. Бора и А. Эйнштейна, – все читают «Фейнмановские лекции»). В этом смысле для того, чтобы указывать на «лингвистический поворот», его производные и сопутствующие проекты, мы будем использовать термин М. Даммита «семантическая парадигма». Что касается оценки общей оценки этой «парадигмы», то тут мы полностью согласны с М. Девиттом и Дж. Лоу. Первый в «Реализм и истина» (1984) отмечает, что это способ «поставить телегу семантики впереди лошади реализма», а второй в «Возможности метафизики» (1998) напишет, что этот проект «не слишком отличается от неокантианства,

ректного или некорректного использования в зависимости от того, является оно истинным или нет. В данном случае, очевидно, что *основанием нормативности является истинность выражения*. Однако это еще не все. К. Глюер и А. Уикфорс подчеркивают необходимость разделения «порождающей» (engendered) и «закрепляющей» (determining) интерпретаций нормативности⁹. Есть разница в том, чтобы рассматривать нормативность как (а) фундаментальное понятие, в соответствии с которым из факта, что выражение имеет такое-то значение, будет *непосредственно* следовать какое-то (обусловленное данным видом нормативности) следствие, и (б) как представление о том, что значение как таковое *определяется/закрепляется* какой-то нормой. В приведенной цитате С. Крипке мы видим обе трактовки. Корректное использование выражения совпадает с его «истинным использованием» (выражение истинно, синтаксически правильно сконструировано и прагматически правильно применяется). Что означает, что существует норма, управляющая правильным утверждением (assertion), а именно норма его истинности. И конечно, как только мы понимаем, что ни одно выражение не находится в «языковом вакууме», – не существует само по себе, что оно является частью структурированного множества других выражений, которые в том числе помогают установить, было ли применение выражения корректным или нет, – то у нас сразу возникнет представление о том, с точки зрения чего должна быть установлена *нормативность аргументации* на подобном множестве выражений. Очевидно, в данном случае нормативность аргументации, т.е. передачи смыслов между выражениями, точно также должна контролироваться истинностью выражений и сохранением истинности при передаче смысла между ними. Тем самым мы заново изобрели логику именно как дедуктивный вывод, который из истинных посылок дает возможность всегда получать истинное заключение. «Порождающий» смысл нормативности в том виде, как она обсуждается в семантической парадигме, приводит нас к идее *исключительности* (ничего другого нет) логики как вывода, отвечающего за корректную связь между корректно употребляемыми выражениями. И все было бы хорошо, если бы не один момент. Во второй половине XX века как в среде профессиональных философов, так и во многих смежных областях были потрачены значительные усилия для того, чтобы показать, что логика не является адекватным выводом, когда речь заходит о передаче смысла через аргумент. Главный удар по семантической парадигме нанес Эдмунд Гетье.

Сложно переоценить значение работы Э. Гетье «Является ли обоснованное истинное убеждение знанием» для развития современной эпистемологии (см.: [Gettier, 1963]). Наша собственная интерпретация того, почему был получен отрицательный результат, возвращает нас к проблеме употребления выражений естественного языка, содержащих связки «и», «или», «если, то» (см.: [Головко, 2023a])¹⁰.

предлагая лингвистические одежды для направления метафизики, которое мы уже отклонили». Наша интерпретация такой оценки приводится в статье [Головко, 2007a].

⁹ .См.: Gluer K, Wikforss A. The Normativity of Meaning and Content. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Summer 2009 Edition). URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2009/entries/meaning-normativity/> (дата обращения: 25.02.2026).

¹⁰ Сразу оговоримся. Точка зрения, приведенная в [Головко, 2023a], является следствием нашего желания представить написанное Э. Гетье именно как скептический аргумент против знания. Что по определению предполагает четкое понимание «общих оснований аргументации», объединя-

Нам кажется, что мы можем воспользоваться правилами логики для того, чтобы оценить правильность высказывания. Мы любим логику за то, что она дает ощущение того, что реляционный факт, что из этих посылок следует (или не следу-

ющих скептика и не скептика, – прописанную «идеальную ситуацию», в которой знание достигается, относительно которой скептик и строит свое рассуждение, показывая то, что именно в этой ситуации знание не достигается. Однако ничто не запрещает рассмотреть, например, и «прямое прочтение» статьи Э. Геттэ. Везде по тексту Смит принимает соответствующие убеждения на основании данных (evidence). Например: «Smith has correctly inferred (g), (h), and (i) from a proposition for which he has strong evidence. Smith is therefore completely justified in believing each of these three propositions» [Gettier, 1963, p. 123]. Обратите внимание: «strong evidence», «completely justified». Мы имеем полное право сказать, что Э. Геттэ принимает эвиденциализм – представление о том, что обоснование определяется только имеющимися у субъекта данными. И сразу понятно, что не так. Говоря о знании, Э. Геттэ подчеркивает его истинность: чтобы знать, должно быть выполнено «условие истинности» (truth condition). Однако примеры, которые приводит Э. Геттэ, направлены исключительно против «условия обоснования» (justification condition). Что неудивительно, поскольку это 1960-е, и вы не можете говорить о метафизической истинности, тем более когда пишете в журнал «Анализ». Проблема в том, что условие истинности и условие обоснования независимы. Это буквально разные условия, иначе бы определение не называлось «трехчастным». Из того, что выполнено одно из них (условие обоснования), не должно следовать ничего относительно другого, которое не выполнено (условие истинности). Такая ситуация просто говорит о том, что Смит не знает. Для того чтобы знать, должны быть выполнены все три независимые друг от друга условия. Э. Геттэ специально конструирует примеры так, чтобы Смит не знал ни в одном из них. И после такого удивительно слышать пафос, что «Геттэ открыл нам глаза». Те, кто называет примеры Э. Геттэ «парадоксальными», просто не понимают, как работает определение знания. Из того, что у вас выполнено одно условие и не выполнено другое, равным счетом ничего не следует. Говорить о том, что ситуации, описанные Э. Геттэ, «указывают на парадокс» – это допускать логическую ошибку, когда в посылах нет того, что есть в заключении. Естественно, то же самое можно сказать о тех, кто подменяет условие обоснования придыханиями о рациональности. Уже после написания основного текста статьи нам попался пример: «Let p = “the thieves have a painting by Brueghel” (in situation when local police replaced the painting with an identical-looking replica before robbery). According to knowledge requirement, the thieves shouldn't believe that p, because it's false. But it would be irrational for them not to believe it. So, according to rationality requirement, they should believe that p. Hence, if knowledge and rationality are both genuine epistemic norms, the thieves face an epistemic dilemma: they both ought to believe that p, and at the same time ought not to believe that p» [Hughes, 2022, p. 254]. Понимает ли автор то, что он тут написал? В чем именно состоит дилемма? В том, что по определению условие обоснования и условие истинности – это разные условия?

Конечно, у «прямого прочтения» всегда есть одна проблема. Это проблема недосказанностей, преодолеть которые, очевидно, должен и сам автор, и тот, кто отгалкивается от рассуждений автора, приводит цитату. Вполне возможно, что Н. Хьюс в последнем примере как-то по-особенному понимает суть «genuine epistemic norms», почему нет. Нормы – это про нормативность, а не про содержание практики. Но как быть с основанием аргументации, с осмысленным говорением о знании и обосновании. Для того чтобы зафиксировать «if knowledge and rationality are both genuine epistemic norms» сначала нужно привести общие основания, на которых мы можем их сравнивать. Почему, на каких основаниях это можно делать вопреки определению знания? Что значит это «if»? Мы свяжем с понятием «знание» и с понятием «обоснование» свои не зависящие друг от друга типы нормативности и будем их сталкивать? А почему они должны быть равнозначны настолько, чтобы их противопоставление приводило к дилеммам? Прежде чем допускать подобного рода расширение дискурса, автор (и те, кто хочет использовать этот пример в своих целях) должен был обосновать саму возможность так сделать, а не отмахнуться в стиле «нас не интересует предмет трехчастного определения знания, а только конечная связка знания и рациональности, и больше ничего», тем более что речь идет об «эпистемических нормах». Э. Геттэ не мог четко сказать, что он эвиденциалист, и рассуждать соответствующим образом, поскольку концепция как таковая окончательно оформилась только через двадцать (!) лет (см.: [Conee, Feldman, 1985]). Статья писалась в тот период, когда терминология, не говоря уже об интерпретациях тех или иных концепций, еще не устоялась. Хотя, конечно, кто-то может вспомнить о том, что Р. Чизолм в «Восприятии», написанной за шесть лет до выхода статьи Э. Геттэ, уже говорит о необходимости понимать условие истинности и условие обоснования как независимых

ет) данное заключение, в каком-то смысле существует независимо от содержания и посылок и заключения. Однако в общем случае это не так. Проблема заключается в том, мы должны дополнительно убедиться в том, что выражения естественного языка являются «теми же самыми», что и выражения формального языка ¹¹. На наш взгляд, скептический аргумент, который Э. Гетье приводит в своей статье, не является достаточно строгим для однозначного понимания «и», «или», «логическое следование», «дедукция», «необходимые и достаточные условия» как формальных отношений, отвечающих задаче определения знания в том виде как ее ставит сам Э. Гетье (как проблему необходимых и достаточных условий истинности соответствующего предложения). И это происходит именно потому, что Э. Гетье *некритически* принимает парадигму лингвистического поворота и не задумывается о содержательности третьего условия. (Просто потому, что основанием нормативности в этой парадигме является «истинность выражения, которая и гарантирует возможность его корректного использования»). Здесь у нас ситуация, в которой «плохой аргумент» (скептический аргумент, посылка которого может быть предметом «аргумента Мура») соседствует с «плохой парадигмой» (парадигма лингвистического поворота задает достаточно строгие «условия индивидуации», которые, однако, не могут полностью обосновать «убедительность» –

¹¹ Обычно тут говорят о формализации естественного языка в языке пропозициональной логики. Необходимым условием такой формализации является то, что связки («и», «или», «если, то» и т.д.) являются истинностно-функциональными (truth functional) логическими константами. В формальном языке у нас есть связки « $\vee$ », « $\wedge$ », « $\rightarrow$ », которые задаются хорошо знакомыми таблицами истинности и которые должны полностью (в плане передачи соответствующих истинностных значений) соответствовать связкам «и», «или», «если, то». По определению: «связка является истинностно-функциональной, если и только если истинность или ложность предложения, которое она помогает составить, полностью определяется только истинностью или ложностью его составных частей» [Sainsbury, 2001, p. 60]. Однако в общем случае связки естественного языка не являются истинностно-функциональными, т.е. есть они не эквивалентны соответствующим «математическим операциям»: «Джейн Остин умерла в 1817 году и была похоронена в Винчестере... истинность или ложность предложения должна зависеть только от истинности или ложности составляющих его частей. Но это не так: истинность этого предложения требует того, чтобы событие, о котором сообщается во второй части, произошло бы после описанного в первой части» [Ibid., p. 78]. «Либо супердержавы откажутся от гонки вооружения, либо будет третья мировая война... Если в результате замены первого дизъюнкта (который мы договоримся считать ложным) произвольным ложным утверждением получится предложение с тем же истинностным значением, то мы отчасти выполним проверку подстановкой. Однако продолжить подстановочный тест в данном случае будет сложно, поэтому есть более общий аргумент в пользу или против того, пройдет ли это предложение этот тест. Мы можем предположить, что это предложение эквивалентно следующему: Если супердержавы не откажутся от гонки вооружения, то будет третья мировая война... вопрос об истинностной-функциональности «или» сводится к вопросу об истинностной-функциональности «если»... Общим местом является то, что условные предложения «если, то» нельзя адекватно формализовать с помощью « $\rightarrow$ » Предложение «если А, то В» требует для своей истинности наличия взаимосвязи между тем, что делает истинным А, и тем, что делает истинным В, например их причинной связи. Истинность « $p \rightarrow q$ » такой взаимосвязи не требует. Рассмотрим объем воды, который не будет нагрет до 90° в следующем году, тогда предложение «этот объем воды нагрет до 90° в такой-то момент времени следующего года» – ложно. Обозначим его p . Пусть q отвечает предложению «этот объем воды превратится в лед». Тогда $p \rightarrow q$ истинно, а утверждение: Если этот объем воды нагрет до 90° в такой-то момент времени следующего года, этот объем воды превратится в лед, – ложно, «если» не соответствует « $\rightarrow$ » [Ibid., p. 82–84]. Между тем, на что указывает М. Сэйнсбери, и тем, что хочет сказать Э. Гетье, находится пропасть, которую Э. Гетье предпочитает не замечать. И в первую очередь потому, что в парадигме, в которой он работает, все это можно не учитывать, это контекст «вынесенный за скобки».

в аристотелевском смысле – рассуждений Э. Геттэ)¹². Это претензия здесь скорее к парадигме, нежели к самому Э. Геттэ.

Тем не менее, скорее всего, самого Э. Геттэ все эти соображения могли не волновать. Как хорошо подготовленный профессиональный философ, работающий в «семантической парадигме», он работает в логике «логической рациональности», и ему этого достаточно. Но вернемся к С. Крипке, «порождающему» и «закрепляющему» смыслам нормативности. Как отмечает Х. Гинсбург: «Нормативность, о которой говорит Крипке, не является нормативностью, ассоциируемой с корректностью утверждений (assertions) в смысле их истинности или предписанности (warrant). Нормативность значения заключается в укоренении (grounding) нашего распознавания того, как нам следует действовать дальше (how we ought to go on)» [Ginsborg, 2022, p. 877]. И в этом смысле фундаментальность результата Э. Геттэ заключается в том, что он показывает принципиальную ограниченность «логической рациональности», в то время как более общее понимание нормативности рациональной аргументации может быть связано с представлением «действовать как должно» (going on as one ought). «Ошибочно думать, что дебаты о нормативности значения касаются идеи, что осмысленные выражения (meaningful expressions) обладают условиями истинного или предписанного использования. Скорее осмысленное использование языка требует распознавания того, что действуем как должно, что означает распознавание тех или иных использований выражения как соответствующих (conforming) нашему собственному, а также теми или иными членами нашего сообщества, использованию их в прошлом. Нормативность значения здесь понимается как “содержательное ограничение” (substantive constraint), отвечающее тому, о чем говорит Витгенштейн. Нормативность встроена в идею соответствия предыдущего использования вы-

¹² Отметим, что в традиционной логике Аристотеля таблица истинности, задающая значения логических операций, не нужна. Аргумент должен быть «убедительным» (persuasive). Убедительность аргумента в том виде, как ее понимает Э. Геттэ, должна следовать из необходимости логических отношений между пропозициями, – здесь правильность (validity) и убедительность, по сути, это одно и то же. Именно потому, что так говорит «семантическая парадигма». И это сильно отличается от классического представления о том, что убедительность, кроме правильности как минимум также должна включать «достоверность» (soundness), т. е. посылки должны быть истинными, «релевантность» (посылки и заключение должны быть связаны, т. е. должна быть возможность их как-то содержательно соотнести друг с другом), «практичность» и «полезность» (в смысле расширять имеющееся знание). Проблема в том, что современная логика создавалась людьми, которые отрицали метафизику, и поэтому ничего кроме требования правильности не осталось. Теперь «релевантность» – это «математическое понятие», а никак не следствие соотношения природы вещей. Слово «истинность» употребляется, но понимается совершенно в другом смысле. Возможно, именно поэтому те же отцы-основатели (которые, несомненно, были ближе классическому проекту, – они его критически переосмысливали) периодически подчеркивали, что «знание» не является точным (precise) понятием». Б. Рассел пишет: «мы должны признать выводным знанием все, что является результатом интуитивного знания, при условии наличия правильной логической связи, которую субъект способен рефлексивно обнаружить. Существует множество способов, кроме логического вывода, которыми мы переходим от одного убеждения к другому, их можно назвать “психологическим выводом”. И мы должны признать такой психологический вывод средством достижения выводного знания при условии, что мы можем обнаружить логический вывод, идущий параллельно психологическому. Это делает наше определение выводного знания менее точным, чем нам хотелось бы, поскольку слово “обнаружить” нечетко (vague): оно не говорит нам о том, как много рефлексии понадобится для того, чтобы его обнаружить» [Russell, 1951, p. 134].

ражения и ее распознавание требуется (required) для того, чтобы схватывание значения вообще было возможно» [Ibid., p. 890–891]. И вот такое понимание нормативности более чем заслуживает внимания. Возможность схватывания значения, например, понятия «стол» или даже «не локализуемый характер электрона», напрямую зависит от схватывания предыдущего использования (понимания его «правильности» или «неправильности») этого понятия. При этом соответствующее «нормативное отношение» действует не между «значением» и «использованием» понимаемыми абстрактно во вневременной перспективе, а с учетом их исторической (культурной) обусловленности, между тем, что субъект подразумевает под данным выражением в данное время, и его же использованием в данной ситуации в данное время, с учетом соответствующих «внешних» ограничений, которые накладывает «языковая система». Как следствие, мы будем говорить о нормативности, отвечающей данному типу вывода, в данной системе, задающей интерпретацию, как о представлении, которое исторично. И это означает, что если в какой-то период, рассматривая данные примеры и случаи, мы будем абсолютно уверены в том, что по-другому быть не может, то это не означает, что эта уверенность с нами навсегда, а паттерн рассуждения, который, как нам показалось, мы так удачно выделили, будет применим далеко не везде.

Знание

Если вы никогда не открывали учебник по эпистемологии, то вам наверняка потребуется сделать определенное усилие для того, чтобы заставить себя считать знание эпистемическим статусом убеждения (см., например, [Steup, 1996]). «Знание» – это один из множества статусов (ярлыков), которые мы можем приписать убеждению для того, чтобы надлежащим образом (с точки зрения расстановки и приписывания специальных эпистемических характеристик, – одной из наиболее известных из которых является «степень обоснованности») оценить состояние системы убеждений субъекта. В этом смысле сложно переоценить вклад, который внес Родрик Чизолм в систематизацию настоящей какофонии представлений, традиционно сопровождавших тему знания последние две с половиной тысячи лет¹³. И дело не только в определении знания, хотя, конечно, не просто так ста-

¹³ И если когда-нибудь речь пойдет о том, кто был «первым» эпистемологом, – человеком, который «придумал» трехчастное определение знания (но на самом деле закрепил в нашем сознании именно ту коннотацию понятия, которую буквально все сейчас готовы считать классической. И в самом этом факте нет ничего необычного, можно вспомнить понятие «парадигма», – само понятие существовало задолго до Т. Куна и даже обозначало *приблизительно* то же самое, но не имело особой популярности) и обосновал то, что эпистемологию (вдруг!) следует рассматривать как отдельную самостоятельную область философских исследований, предметом которой являются анализ и приписывание эпистемических статусов, – то наш выбор останется за Р. Чизолмом. Одна из важных, основополагающих интуиций Р. Чизолма заключалась в том, что *представление о чувственном восприятии в каком-то смысле копирует – аналогично тому, как мы видим отношение субъекта и Знания*. Очевидно, что идея не оригинальная, но это надо было показать так, чтобы это увидели. «(1) “Существует нечто, что *S* воспринимает как *F*” означает: существует *x*, которое является *F* и которое каким-то образом представляется *S*; *S* принимает *x* за *F*; и у *S* имеется достаточно данных (evidence) в пользу пропозиции, что *x* является *F*» [Chisholm, 1957, p. 3]. В то же время: «(6) “*S* знает, что *h* истинно” означает: (i) *S* принимает *h*; (ii) у *S* есть адекватные данные в пользу *h*; и (iii) *h* – истинно. Если мы хотим исключить термин “истинно”, то мы можем заменить эту формулировку на следующую: “*S* знает, что ...” означает:

тья Э. Геттэ начинается с определения Р. Чизолма. «Теэтет» Платона закончился полным провалом – отрицанием возможности связать представление о знании со

(i) *S* принимает гипотезу (или пропозицию), что ...; (ii) у *S* есть адекватные данные в пользу гипотезы (или пропозиции), что ...; и (iii) Либо мы можем воспользоваться формулировкой (1) и говорить о том, что *S* знает «что *x* есть *F*» [Ibid, p. 16]. Обратите внимание Э. Геттэ, ссылаясь именно на это определение Р. Чизолма, напишет: «*S* знает, что *P*, если и только если (i) *S* принимает *P*, (ii) у *S* есть адекватные данные в пользу *P*, (iii) *P* истинно» [Gettier, 1963, p. 121]. Интересный факт: в приведенных цитатах (и у Р. Чизолма, и у Э. Геттэ) то, что обычно называют «условием истинности», стоит на третьем месте. Но это, конечно, еще не все. Чуть позже в «Теории знания» (1966) Р. Чизолм предложит свое решение проблемы восприятия и разобьет его на два шага: «*S* воспринимает (perceives), что перед ним *F*, если и только если (1) существует *F*, которое открывается (appearing) для *S* определенным образом, (2) *S* принимает (takes), что перед ним *F*, которое открывается ему этим самым образом, (3) *S* убежден (evident) в том, что *F* открывается ему именно этим самым образом. – Также дается определение того, что *S* принимает, что перед ним *F*. – *S* принимает (takes), что перед ним *F*, если и только если (1) на чувственное восприятие *S* оказывается воздействие, он испытывает (appeared to) ощущение, (2) *S* убежден (evident) в том, что он испытывает ощущение, (3) у *S* есть убеждение (believes, – обратите внимание, что речь идет именно о наличии убеждения, а не о степени убежденности. – Н. Г.) в том, что *F* открывается ему именно таким образом. Принципиальный источник проблемы заключается в факте, что ощущение (perception) необъяснимым образом связано (bound) с тем, что вещи открываются (being appeared to) субъекту только определенным образом. Субъект, который воспринимает (perceives), что перед ним дерево, сначала принимает (takes), что перед ним дерево. И когда он принимает, что перед ним дерево (когда он думает, что он воспринимает дерево), то он испытывает (appeared to) ощущение определенным образом, и у него есть убеждение, что то, что открывается ему именно этим способом, и есть дерево. В случае когда субъект испытывает галлюцинации, мы можем сказать, что несмотря на то, что он испытывает (appeared to) ощущение определенным образом, нет ничего, что открывается (appearing) субъекту этим способом. Из нашего определения “*S* воспринимает (perceives), что перед ним *F*” следует (imply), что “*S* знает (knows), что перед ним *F*” [Chisholm, 1966, p. 41]. Для случая, когда убеждение обосновано обращением только к данным органов чувств, он напишет: «Если вы воспринимаете, что перед вами дерево, то у вас есть убеждение, что ваш перцептуальный опыт – это опыт дерева, – вы думаете, что именно дерево заставляет вас испытывать ощущение. И в этом смысле ошибочно называть то, как вещь открывается собственно “объектом” ощущения. Более аккуратно будет сказать, что мы постигаем (apprehend) объект ощущения только в терминах (by means) того, что мы знаем о том, как она открывается. Проблема в том, как возможно, что опыт открытия вещи субъекту обеспечивает нас информацией о вещи, информацией о которой он является. Эта проблема включает два типа вопросов: (i) дескриптивные или феноменологические вопросы о тех аспектах опыта, которые делают перцептуальный опыт источником данных о внешнем мире, и (ii) нормативные вопросы о том, что собственно в этих отобранных аспектах нашего опыта обосновывает нас в принятии соответствующих убеждений» [Ibid, p. 39]. Другими словами, сложность процесса восприятия, элементарного акта восприятия – передачи информации от объекта к субъекту и сопутствующих процессов, происходящих в мозгу, заставляют Р. Чизолма разделить исходную проблему на две. Мы отдельно должны говорить о «дескриптивном контексте» анализа проблемы и о ее «нормативном контексте». На первом этапе мы отбираем наиболее подходящие решения, а на втором этапе – постулируем (используя ту или иную, как говорит Р. Чизолм, «нормативную теорию») то, что предварительно отобранные решения являются хорошими. Но то же самое происходит и когда мы говорим о Знании в классической парадигме построения метафизики. У нас два мира и фундаментальная граница между ними, и единственное, что доступно субъекту, – это сначала убедить себя в том, что он сделал все для того, чтобы отобрать наиболее подходящие решения из тех, которые вообще могут быть ему доступны, а потом, учитывая то, что второй мир принципиально другой, ничего другого не остается, кроме как постулировать на основании какой-то наперед заданной «нормативной теории» то, что предварительно отобранные решения являются хорошими.

Нет ничего странного в том, что Платон отрицает тезис «ощущение есть знание», а Р. Чизолм останавливается на аналогии между процессом восприятия и отношением субъекта и Знания. Они живут в разное время, и несмотря на то что они оба философы и развивают один интеллектуальный проект, они пользуются разными парадигмальными представлениями о том, что должна включать в себя хорошая метафизическая теория. И Р. Чизолм, конечно же, не был первым. Здесь, например, можно вспомнить У. Селларса, который в «Миф данного: Три лекции по эмпиризму и философии

всеми тремя рассматриваемыми вариантами (как ощущение, как истинное суждение, как истинное суждение с объяснением). Всерьез обсуждать идею имманентного внутреннего знания стало неинтересно после того, как дуализм – как проект

сознания» (1956) отметил: «Перцепции обладают эпистемическим статусом, поскольку, учитывая процессы, посредством которых такие убеждения получаются, они являются с большой вероятностью истинными. Цепочка эмпирического обоснования может начинаться с перцептуальных убеждений, поскольку они сами являются невыводимыми достоверными индикаторами истинности своего содержания. Само их наличие позволяет сделать вывод о вероятной истинности их содержания, а затем и о следствиях, которые мы получаем посредством формальных или материальных правил вывода» (См.: deVries W., Sachs C. Wilfrid Sellars. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Winter 2024 Edition). URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2024/entries/sellars/>, дата обращения: 25.02.2026; наша интерпретация приводится в [Головкин, 2024a]). И чем все это не «врожденный механизм, который делает вещи мыслимыми посредством превращения их в актуальное – то, что мыслится» Аристотеля, да еще и на фоне откровенно «проэмпиристского» (и в данном случае даже «реалистского») рассуждения? Просто Р. Чизолм и У. Селларс живут в другое время. Очевидно, трехчастное определение знания было доступно Платону и Аристотелю, и это становится еще более очевидным в свете критики Платоном тезиса «ощущение есть знание», которую тот, возможно, выстраивает в ответ на «проэмпиристский» (в методологическом плане) характер философии природы Аристотеля, который обозначается в первых строчках «Метафизики». Но только Р. Чизолм должным образом оформляет идею параллельности восприятия и соотношения субъекта и Знания вместе с представлением о возможности «эмпирического характера» обретения знания. И делает это так, чтобы это было понятно современному читателю, который в то время, естественно, погружен в парадигму «семантического приоритета». И только после этого мы можем сказать, что в первом приближении «обоснование» – это всего лишь аргумент (логически строгая последовательность шагов), но основную роль в обосновании играет не сам аргумент, а именно скрытая за ним концепция нормативности, которая, по аналогии, выполняет ту же самую функцию, которая отводится «нормативной теории» в представлении Р. Чизолма о восприятии. Например, эвиденциализм (представление о том, что эпистемический статус убеждению присваивается на основании данных) как концепцию обоснования можно интерпретировать и в интерналистском, и в экстерналистском смысле. В этом смысле «интернализм» (в самом общем случае мы скажем, что это представление о том, что деятельности нашего сознания достаточно для того, чтобы определить эпистемический статус убеждения) и «экстернализм» (нам привычнее видеть его как ответ на очевидное затруднение «интернализма», связанное с тем, что в его рамках достаточно сложно, а кто-то скажет, что вообще непонятно как определить содержание «условия истинности») для нас – это именно нормативные основания, которые позволяют той или иной концепции обоснования работать. На наш взгляд, тот факт, что Р. Чизолм разделил обоснование и его нормативные основания, – пусть даже изначально в виде разделения «дескриптивного» и «нормативного» контекстов решения проблемы обоснования убеждений только на основании апелляции к данным органов чувств, – и сделал возможным претензию для эпистемологии стать отдельной самостоятельной областью философии, – появился предмет исследования, который ранее не рассматривался как самостоятельный.

Еще пример. Ответ на вопрос, почему дописывание трехчастного определения знания в логике его анализа, предложенного Э. Гетье, не имеет смысла. Это хорошо известный факт (см., например, [Steup, 1996; Hetherington, 2016] и др.). Мы знаем, что наиболее успешные проекты условного «преодоления проблемы Гетье», как правило, начинаются с радикального пересмотра оснований, на которые опирается Э. Гетье, – «сначала знание» Т. Уильямсона, различные варианты эпистемологий, которые мы условно можем объединить под один зонтик как «исключающие случайность» (anti-luck), – Э. Соса, Д. Причард и др., различные варианты включения в соответствующее понимание нормативности «эпистемических ценностей и добродетелей» – Л. Загзебски, Дж. Греко и другие, различные «причинные теории» и их производные – А. Голдман, Р. Нозик, А. Плантинга и другие, наконец, различные варианты контекстуализма – К. Дерос, Дж. Хотторн и др. (Поразительно, какое количество новых исследовательских проектов возникло только в последней трети XX века, как только был осознан и должным образом зафиксирован предмет эпистемологии.) Но посмотрим на трехчастное определение знания. Все три условия должны быть независимы. Первое условие (belief condition) закрепляет то, что оцениваемое убеждение является обычным с точки зрения множества убеждений, доступных субъекту. Второе условие (truth condition) определяется выбранной метафизической теорией, в частности, ответом на самый метафизический вопрос, – что такое в данном случае «истина»? Предмет третьего условия

построения метафизики (и средневековой, и нововременной, в том смысле как мы объявляем философию Р. Декарта образцом для всей нововременной философии) – потерял со временем большую часть актуальности и значимости. Наука становится единственным интеллектуальным проектом по достижению объективного знания и, как следствие, вполне естественно, что основной концепцией эпистемического обоснования (и это существенно повлияло на то, на чем остановился Р. Чизолм) в XX веке становится эвиденциализм¹⁴. Важно подчеркнуть, что здесь мы говорим именно о философии и собственно о «знании» – как о философской категории, а не о научном знании как таковом. Именно в этом контексте и с учетом изменений, которые «дух времени» уже внес в логику построения философской теории, мы бы и хотели поговорить о том, существуют ли характерные только для философии основания нормативности, понимаемой в терминах «действовать как должно».

Это вопрос о «первом философе», который задал такие основания философии – как самостоятельному интеллектуальному проекту по осмыслению мира, – которые позволили этому проекту успешно (в том числе по И. Лакато-

(justification condition) – обеспечить связь между первым и вторым условиями (мы согласны с теми, кто полагает, что «обоснованное убеждение должно быть по крайней мере указующим на истинность»), которую в ситуации, описанной и закреплённой Парменидом, мы можем задать только нормативно. Проблема интерпретации, которую рассматривает Э. Гетье, заключается в том, что единственным основанием нормативности в его случае является логика. (И это полностью отвечает представлению, закреплённому в «семантической парадигме», в которой работает Э. Гетье.) Однако логический вывод (в том виде, как он понимается Э. Гетье) сам по себе не должен быть «содержательным» (в том смысле, какой в это понятие вкладывал Аристотель), в «семантической парадигме» логический вывод обязан быть только «математически правильным» (valid), а этого – как выясняется – недостаточно для того, чтобы схватить содержание, необходимое для того, чтобы приписанный эпистемический статус был адекватен ситуации. Проблема в том, что, как правило, практика дописывания четвертого условия не затрагивает смену представления о нормативности, скрывающегося за выбранной концепцией обоснования (давайте будем рассматривать для приписывания эпистемического статуса только конклюдентные данные, исключим потенциальные опровергающие данные и т.д.), и это значит, что сама по себе «проблема Э. Гетье» в такой интерпретации так и не будет решена. Логика (ее интерпретации в рамках «семантической парадигмы») как нормативного основания эпистемического вывода недостаточно, и это верно независимо от того, какая концепция обоснования рассматривается. И сам по себе акцент на этой проблеме, на наш взгляд, также является достаточным основанием того, чтобы выделить эпистемологию в отдельную самостоятельную область философских исследований.

¹⁴ Каноническая формулировка эвиденциализма была дана в работах Р. Фелдмана и Э. Конни: «Доксастическая установка D по отношению к пропозиции P эпистемически обоснована для S в t , если и только если обладание (having) D отвечает (fits) данным, которые есть у S в t » [Feldman, Conee, 1985, p. 15]. Ключевое понятие, конечно же, – «данные» (evidence), – которые есть не что иное как убеждения, которые играют заданную роль в принятой модели эпистемического обоснования. Чем шире, разнообразнее и достовернее сеть подкрепляющих данных, тем сильнее доксастическая установка – выше эпистемический статус. И конечно, сама сопряженная модель эпистемического обоснования (в смысле выбранного представления нормативности) может быть буквально какой угодно (не нужно думать, что привязка к данным в обязательно порядке потянет за собой экстернализм), тем более что в общем случае всегда есть возможность по-разному понимать и то, что значит «обладать данными», и то, какие ментальные состояния следует считать данными, и то, как эти данные свидетельствуют в пользу P . Более общее представление об обосновании, например, будет включать предположение, что убеждение обосновано, только когда оно надлежащим образом опирается на адекватные основания (reasons). Не хотите работать со «свидетельствами», или даже «доказательствами», – нет проблем, пожалуйста, работайте с «резонами», и, конечно, не забывайте о «базировании».

су) развиваться уже две с половиной тысяч лет¹⁵. Не будем вдаваться в детали, но, по крайней мере, тем более говоря о знании, мы можем как всегда начать с Платона. «Знание» – именно с большой буквы – это то, что характеризует мир идей, его нет в актуальном чувственно воспринимаемом мире. В этом смысле логика «действовать как должно» всегда будет указывать на мир абстрактных (в смысле умопостигаемых) сущностей¹⁶. Однако сейчас мы живем в другое время. И если

¹⁵ Интересно то, что история философии дает возможность достаточно легко обозначить философа, к которому можно апеллировать как к «первому». Первый в данном случае это не только тот, кто впервые согласно имеющимся данным озвучил определенные идеи, которые впоследствии вошли в канон, определяющий содержание и развитие проблемного поля, а тот, кто *в явном виде зафиксировал то, как надо строить теорию соответствующего вида*. Важно не то, что именно говорится (одна и та же идея, например, «справедливость» в зависимости от культурно-исторического контекста может звучать совершенно по-разному), а те требования, которые определяют то, почему данное высказывание будет считаться содержательным и важным с точки зрения развития философского дискурса. (И для кого-то, конечно, будет удивительным то, что хорошая профессиональная философия определяется не тем, что вы говорите, а в первую очередь тем – как вы об этом говорите.) Приоритет отдается не самому историческому факту появления идей, но факту появления в соответствующем дискурсе фиксации того, как нужно о них говорить, как нужно строить соответствующую теорию. На наш взгляд, это, конечно, Парменид, который собственно и сформулировал в явном виде два фундаментальных тезиса: (а) Мы должны разделить мир на чувственный и рациональный, в первую очередь потому, что Истина (как и Знание) находится за пределами чувственно воспринимаемого (эмпирического, актуального и т.д.) мира, – в этом смысле мы говорим «из того, что я вас вижу, не следует, что вы существуете»; (б) Сознание, а также рациональное размышление, являются настолько сильными инструментами, что они дают возможность человеку «постичь истинную природу вещей», – в этом смысле мы говорим «греки открыли разум». Рискнем предположить, что последние две с половиной тысячи лет философия развивается именно как исследовательский проект («программа» по И. Лакатосу) рационального, понятийного осмысления мира, в ядре которого находятся именно эти два предположения. Естественно, какое-то более детальное обоснование всего этого потребует гораздо больше времени. Кто-то вообще может сказать, что назначение кого-то «первым» философом (равно как и раскручивание логики развития философии через какой-то определенный набор понятий) – это предмет вкуса. Без проблем, в принципе, конечно, варианты возможны. Если вы не любите Парменида и не видите обозначенных нами вещей, – это ваш выбор.

¹⁶ Первый элемент пары, которая должна послужить общим основанием для понимания различных представлений о знании, – это «нормативность». И мы настаиваем на том, что, говоря о «Знании» в классическом философском смысле, мы в первую очередь обязаны принимать в рассмотрение специальную «метафизическую» модальность, которая продиктована особенностями собственно философского дискурса, одной из первых целей которого является конструирование метафизической онтологии. И которая, в общем случае, *не должна* совпадать с логической модальностью, – как это отлично показал Э. Гетье. Как отмечает Дж. Лоу: «ключевой компонент моей защиты метафизики заключается в том, чтобы четко сформулировать особое (distinctive) и неисключаемое (indispensable) понятие метафизической возможности, – понимаемой как вид возможности, которую *нельзя отождествить* с физической, логической или эпистемической возможностями. Это то, что должно быть определено *до того*, как будет рассмотрена любая претензия (claim) на истинность в актуальном мире, устанавливаемая эмпирически. Нам могут возразить, что единственный тип возможности, которую предполагает эмпирическая наука, – это логическая возможность, которая может быть установлена без необходимости погружаться в метафизику, поскольку она есть только предмет соответствия априорным законам логики. Да, логическая возможность пропозиции (или множества пропозиций) не должна влечь (entail) логического противоречия. Но метафизическая возможность – это нечто совсем другое. Это не возможность пропозиции (или множества пропозиций), это возможность положения дел (которое, конечно, должно быть выразимым (representable) в пропозициях), и именно в этом смысле это возможность *de re*. Метафизическая возможность положения дел не определяется просто отсутствием противоречия в пропозициях, которые его описывают, – хотя конечно, отсутствие здесь противоречия является минимальным требованием метафизической возможности. Она определяется тем, *позволяют ли данные метафизические принципы и категории существовать этому положению дел*.

в парадигме Платона и Аристотеля эксперимент не мог быть легитимным основанием получения истинного знания (это буквально запрещено в том типе онтологий, построение которых было характерно для той парадигмы), то со временем многое изменилось. Сейчас будем считать, что основные идеи, когда мы говорим о знании, – это «знание как эпистемическая характеристика убеждения» и эвиденциализм. И тем самым мы выходим на второй значимый элемент представления о знании (равно как и на предмет эпистемологии как самостоятельной философской дисциплины) – на проблему доксистического и пропозиционального обоснования или проблему эпистемического отношения укоренения. Это то, что можно назвать «общим условием релевантности данных».

Если мы согласны с приведенной выше трактовкой рассуждений Э. Геттэ, то тогда может возникнуть вопрос: что же собственно позволяет связать формальную логическую аргументацию и содержательный характер знания? Очевидно, что хорошее понимание «знания» должно раскрыть «содержательную составляющую» аргументации и объяснять то, что именно позволяет субъекту в данной ситуации с какой-то долей уверенности приписать этому убеждению статус «знание». Проблема заключается в том, как указать на эту «содержательную составляющую». Мы выбираем вариант, на котором остановились Г. Харман и К. Лере к началу 1970-х: речь идет о нескольких статьях, в которых авторы обсуждают концепции друг друга, а также книге Г. Хармана «Мысль» (1973). Убеждение обосновано, только когда оно надлежащим образом опирается на аде-

А это предмет именно (distinctly) метафизического, а не логического, дискурса. ...С другой стороны, говоря о возможности, мы должны говорить и о необходимости. Мы должны объяснить то, чем логическая необходимость отличается от метафизической необходимости. И тот факт, что мы можем указать на то, что принятое представление о логической необходимости либо совпадает (coincide), либо включает (embrace) метафизическую необходимость, ни в коем случае не отвергает (undermine) наш более общий тезис. Основанием (ground) метафизической необходимости являются онтологические, а не формальные или концептуальные соображения. В отличие от логической необходимости, которая открывается (knowable) априорно, метафизическая необходимость не открывается априорно. Метафизическая необходимость пропозиции «вода – это H₂O», или положения дел, которое эта пропозиция выражает, не открывается априорно, – она опирается на природу воды, определение которой требует обращения к метафизическим категориям, которые, в свою очередь, действительно могут быть заданы априорно, а не так, как, например, апостериорно открываемый естественный вид «вода» (курсив наш. – Н. Г.) (см.: [Lowe, 1998, §§ 1.3–1.4]). Подчеркнем: в логике рассуждений Дж. Лоу противопоставляются два смысла модальности. В одном смысле мы говорим о теории и о том, как *внутри* нее понимаются необходимость, вероятность и контингентность утверждений, объектов и событий. Именно в этом смысле мы, например, говорим, что контингентно истинная пропозиция является истинной, но не необходимо истинной, или является актуально истинной, но может быть (could have been) и ложной. И тут, конечно, логическая модальность (и с некоторых пор интерпретация истинности в терминах концепции возможных миров Д. Льюиса) вне конкуренции. Но Дж. Лоу говорит о другом. Метафизическая возможность у Дж. Лоу – это возможность для сущности быть актуально проявленной, исходя из того, что вообще возможно с точки зрения принятой метафизической теории. Мы не строим метафизическую теорию только для того, чтобы рассуждать о возможности выразить в ее рамках какой-то объект сам по себе (хотя сам по себе этот вопрос, конечно же, может быть более чем интересен), у метафизической теории есть своя цель – объяснять актуальный мир. Речь идет о выразительных возможностях (по У. Куайну) этой теории, и возможности тех или иных метафизических сущностей проявлять себя актуально, если (и как) эта возможность вообще заложена. Ниже, говоря о научном знании, мы коснемся вопроса о соотношении науки и философии. И, на наш взгляд, акцент Дж. Лоу на том, что в общем случае метафизические возможность и необходимость не обязаны совпадать с логическими возможностью и необходимостью в том, что касается метафизической возможности для объекта онтологии быть проявленным актуально, является здесь определяющим.

кватные основания. Само по себе наличие адекватных оснований – это лишь достаточное условие обоснования. Для того чтобы убеждение было эпистемически обосновано, необходимо показать, что предполагаемый эпистемический статус убеждения должным образом следует из соответствующих оснований, что эти основания «являются именно теми основаниями, в силу которых убеждение принимается (held)» [Harman, 1973, p. 26]. Отсюда замечание К. Лере: «Основания, к которым субъект будет апеллировать для обоснования, могут не быть теми, которые собственно дадут ему знание, и те основания, которые [потенциально] дадут ему знание, могут не быть теми, к которым он апеллирует» [Lehrer, 1971, p. 311]. Для того чтобы представить эту мысль более развернуто, К. Лере приводит пример, который впоследствии станет известен как «Цыганский адвокат». Предположим, что адвокат, защищающий подсудимого, абсолютно доверяет предсказаниям на картах. Карты говорят, что клиент невиновен. «Это повод для адвоката еще раз проанализировать улики, и ему неожиданно удается построить очень сложную, но строгую (valid) линию рассуждений, подтверждающую, что клиент невиновен. Однако эмоциональная вовлеченность адвоката, общественная шумиха вокруг обсуждаемого дела, а также то, что его линия рассуждений гораздо сложнее линии рассуждений прокурора, мешает остальным согласиться с ним. И если бы не непреложная (unshakable) убежденность адвоката в предсказаниях на картах, то она бы и сама согласилась с прокурором. Только уверенность в картах дает основание сказать, что адвокат знает, что клиент не совершал убийство» [Ibid., p. 312]. Что произошло? Как отмечает К. Корз, в данном случае «адвокат рационализирует свое убеждение о том, что его клиент невиновен, но он не имеет надлежащих оснований (not justified) полагать, что его клиент невиновен, – его убеждение, что клиент невиновен, основано на “плохой причине”, – он апеллирует к картам» [Korcz, 2000, p. 528]. Как следствие, возникает представление, что между убеждением и основаниями, которые мы привлекаем для того, чтобы приписать ему тот или иной эпистемический статус, и относительно которых в идеале говорим об обосновании, должно быть выполнено некоторое «эпистемическое отношение укоренения» (epistemic basing relation), которое должным образом связывает убеждение и основания его принятия, в силу которых убеждение принимается (held)¹⁷. Мы утверждаем, что этот пример подсказывает, что мы можем предло-

¹⁷ Понимание фундаментальной важности проблемы эпистемического отношения укоренения привело к тому, что в современной литературе можно встретить много самых разных ее интерпретаций. Это и разница между обоснованным и обосновываемым убеждением (Дж. Поллок), это и «строгая обоснованность» (well-foundedness) в эвиденциализме (Э. Кони, Р. Фелдман), это и разница между докастическим и пропозициональным обоснованием (Р. Ферт), «ex ante» и «ex post» обоснованием (А. Голдман) и т.д. Более того, примечательно то, что мы связываем с анализом этой проблемы не только развитие собственно эпистемологической проблематики, но и то, что аллюзию на необходимость выполнения надлежащего «эпистемического отношения укоренения» мы можем распространить и за рамки эпистемологии. Вот два примера, почему и каким образом эта «аллюзия» может быть конструктивной. Во-первых, сложно отделаться от ощущения, что это проблема «предела, задающего то, что субъект уже не формирует убеждение, но уже им обладает» (Дж. Кванвиг), которая, например, в философии сознания, будучи рассмотренная под определенным углом, так или иначе, в конечном итоге укажет на психологические основания, лежащие за эпистемической интуицией относительно обоснования. По определению деятельность когнитивной системы включает как формирование убеждений (посредством внутренних «причин-состояний», внешних «причин-взаимодействий» и т.д.), так и передачу убеждений и эпистемического статуса от одних убеждений другим. В этом смысле

жить еще одно основание анализа понятийных систем, раскрывающих содержание понятия «знание».

Говоря о нормативности в широком смысле, мы хотим подчеркнуть то, что сам порядок расстановки значимых объектов нашей концептуальной схемы, посредством которой мы хотим схватить содержание понятия «знание», должен влиять на то, как мы видим, как мы вообще задаем вопрос о том, что такое знание. И естественно, в данном случае «нормативность» должна иметь метафизический характер, т.е. передавать тот тип модальности, который мы ассоциируем с построением онтологической схемы. Здесь мы выбираем представление Дж. Лоу, справедливо указывающего, например, на то, что «метафизическая возможность положения дел не определяется просто отсутствием противоречия в пропозициях, которые его описывают. Она определяется тем, *позволяют ли данные метафизические принципы и категории существовать этому положению дел*. Основанием метафизической необходимости являются онтологические, а не формальные или концептуальные соображения» [Lowe, 1998, p. 11]. В онтологии пармендовского типа все, что связано со знанием, занимает вполне определенное место в общей картине онтологического представления, а значит, вполне естественно предположить, что «то, в какой понятийной системе вы находитесь, и будет определять намеренную интерпретацию понятий». Но, как отмечают К. Лере, Р. Ферт, Э. Кони, Р. Фелдман и другие и о чем, собственно, говорит проблема пропозиционального и докастического обоснования: «Принятие убеждения, конечно, является необходимым условием его обоснования, но само это убеждение может не опираться на данные *должным образом*»¹⁸. И в этом смысле, подчеркивая то, что наличие

контекстуалистский тезис о необходимости разведения «прагматического контекста» (например, акцентирующего внимание на концепции увеличения полезности действия) и собственно «эпистемического контекста» (касающегося истинности обсуждаемой пропозиции) будет напрямую указывать на то, что нам необходимо «мета-убеждение, которое объясняет то, почему эти основания являются именно теми основаниями, в силу которых данное убеждение принимается» [Головкин, 2023b]. Во-вторых, проблема «исключительных (salient) характеристик объяснения» Дж. Вудварда (ассоциируются со значимыми характеристиками мета-обоснования тому, что «система эмпирических убеждений, которая обоснована в соответствии с принятыми стандартами, тем самым с большой вероятностью (likely to be) соответствует реальности», и которые должны подчиняться требованию «совместной манипулируемости экспланансов и экспланандума», – как вариант, рассуждения Л. Бонжура о когерентизме и в этом смысле аналогичные) в философии науки также является ничем иным, как проблемой поиска «именно тех оснований, в силу которых данное убеждение принимается». В ситуациях, когда парадигма очевидным образом не предписывает то, какую именно концепцию объяснения нужно выбрать, на наш взгляд, достаточно адекватным выглядит рассуждение, что объяснение должно играть роль «мета-обоснования, которое фиксирует надлежащее отношение укоренения» [Головкин, 2024b].

¹⁸ Приведем оригинальный пример Р. Ферта: «Будем различать *пропозициональное* и *докастическое* обоснования (warrant). Пусть Холмс знает в *t*, что убийство совершил кучер. Холмс изучил грязь на колесах экипажа и на основании этого и других данных пришел к правильному (correct) заключению путем *рационального вывода* (inference). В этой ситуации термин “обоснование” может обозначать две совершенно разные вещи. Мы можем сказать, что пропозиция “Это сделал кучер” обоснована для Холмса в *t*, он ее *обоснованно принимает* (believes). Она обоснована для Холмса, а не для Ватсона, потому что она обоснована на основании данных, которые есть только у Холмса. И мы также можем сказать, что Холмс, поскольку заключение, к которому он пришел, *рационально основано* (based) на данных, *обоснован в принятии* (in believing), что это сделал кучер.

Это деление между *пропозициональным* и *докастическим* обоснованиями становится более очевидным, если предположить, что Холмс показывает Ватсону грязь на колесах экипажа, а также сообщает все имеющиеся у него данные, но не говорит, какое заключение он сделал, опираясь на эти

данных в пользу убеждения и привязка этих данных «должным образом» – это *разные* вещи, на наш взгляд, вместе с «нормативностью», говоря о знании, мы должны обозначить то, что условно можно назвать условием «релевантности данных», которое раскрывает контекст именно доксистического обоснования.

Таким образом, мы получили пару – «нормативность», понимаемую в терминах «действовать как должно» (going on as one ought), и «релевантность данных», понимаемую в терминах «опираться на данные должным образом» в приведенном смысле значимости того, что предметом философии в первую очередь являются понятийные модели реальности, – которая, как мы надеемся, является достаточно общим основанием для анализа самых разных представлений о знании или понятийных систем, связанных со знанием. Следующий шаг – проверить то, как все это будет работать на примере научного знания. Оговоримся сразу, речь пойдет об эмпиризме в трактовке Б. Фраассена. Нам показалось, что здесь можно удачно связать «нормативность» и саму идею представить эмпиризм как установку (stance), а требование «релевантности данных» – представить в терминах «заблаговременных ограничений», сохраняющих классическое «обоснованное убеждение, является по крайней мере указующим на истину», что естественным образом, на наш взгляд, закрепляет в научном дискурсе идею объективности.

Научное знание

Наука – это ассоциируемый с ней *тип рациональности*, то есть нормативности, который традиционно рассматривается в терминах «эмпиризма». И наибольший интерес с философской точки зрения, конечно, вызывает вопрос о том, насколько этот тип рациональности является антиметафизическим – именно в смысле отрицания метафизики как проекта «отстраненного» (априорного, в стиле «proposing god's-eye-view from an armchair») построения теории, задающей структуру умопостигаемого мира. История философии подсказывает нам, что «эмпиризм» не является однородной традицией. Как отмечает Б. Фраассен: «Есть английский эмпиризм – Бэкон, Гоббс, Локк, Беркли, Юм, Милль. До Бэкона в конце XIV века были оксфордские и парижские номиналисты, которых также можно считать вовлеченными в начало научной революции. После Милля можно указать на Конта и французских позитивистов, потом на англичан и американцев, которые восставали против германского идеализма, и наконец – на Венский и Берлинский кружки, которые породили логический позитивизм и логический эмпиризм. И, конечно, можно вспомнить и гораздо более ранние приме-

данные. Для Ватсона произошло изменение эпистемических условий (conditions), в которых он рассуждает. Теперь мы можем сказать, что утверждение «Это сделал кучер» обосновано для Ватсона, он его *обоснованно принимает* (believes). И оно будет обосновано для Ватсона независимо от того, будет ли он принимать это утверждение обоснованно, будет ли он обоснован *в принятии* (in believing) того, что это сделал кучер. И даже если Ватсон принимает то, что это сделал кучер, мы не можем заключить (conclude), что Ватсон, точно так же как и Холмс обоснован в принятии того, что это сделал кучер. Принятие пропозиции *p* является необходимым (но не достаточным!) условием того, чтобы быть обоснованным в принятии *p*. Убеждение, которое есть у Ватсона, может не быть рационально основано на имеющихся у него данных» (курсив наш. – Н. Г.) [Firth, 1978, p. 218]. По сути, это «Цыганский адвокат» К. Лере, но только акцент сделан не на «рациональном рассуждении», которое приводит к разнице в ситуациях, а на «состоянии», в котором находится субъект в разных ситуациях.

ры: скептиков, критикующих Академию Платона, и даже Аристотеля, он не был эмпириком в собственном смысле слова, но был гораздо большим эмпириком, чем Платон» [Fraassen, 2002, p. 32]. Более того, «история эмпиризма – это история повторяющихся (recurrent) эпизодов недовольства метафизикой. Аристотель стремится повернуть философию Платона от высокой теории к эмпирическому исследованию (inquiry). Номиналисты конца XIV века поднимают бунт против аристотелевской традиции, которая к тому времени далеко ушла от эмпиризма Аристотеля. Английский эмпиризм является критикой систематической философии. Как систематические философы они очень слабы, но они не видят этот факт как свой недостаток. Позитивисты декларируют еще одно новое начало эры эмпиризма именно как парадигму, критикующую метафизику их дней. Собственно *объектом критики являются формы метафизики*, которые (а) придают абсолютное значение требованию объяснения, и (б) понимают объяснение в форме постулирования, то есть как объяснение, которое постулирует реальность сущностей или аспектов мира, которые не очевидны с точки зрения опыта и имеющих данных. В отношении подобных постулирующих объяснений *отрицается*: во-первых, *значимость* таких объяснений, во-вторых, *посылки*, на основании которых кто-то может считать их истинными, в-третьих, не только легитимность, но и *уместность* и целесообразность подобных типов объяснения» (курсив наш. – Н. Г.) [Ibid., p. 37] ¹⁹. Но самый важный момент, который, на наш взгляд,

¹⁹ Примечательно то, как Б. Фраассен раскрывает историю термина «эмпиризм». Он начинает с цитаты из «Критики чистого разума» И. Канта: «Эмпиризм, как это часто бывает, становится догматическим в отношении идей и дерзко отрицает то, что лежит за пределами сферы интуитивного знания, становится виновным в недостатке умеренности (want of modesty), что еще более предосудительно, учитывая непоправимый ущерб, который наносится практическим интересам разума» (цит. по: [Fraassen, 2002, p. 31], имеется в виду отрывок A470,471/B498,499, например, [Kant, 2007, p. 424]). Интересно то, что обычно в курсе истории философии мы достаточно быстро соглашаемся с тем, что критическая философия И. Канта, на самом деле по самой ее задумке строится как альтернатива традиционному делению рационализм/эмпиризм. Возможно, Б. Фраассен хочет подчеркнуть, что никакого «традиционного деления» в то время, когда живет И. Кант, еще нет. Те, кого мы причисляем к каноническим эмпирикам, фактически были рационалистами, и наоборот. П. Ансти и А. Ванзо указывают на то, что есть достаточно работ, в которых разбираются эмпиризм Р. Декарта и Г. Лейбница, а также рационализм Дж. Локка и Дж. Беркли: «Три предубеждения (bias) создали нарратив в философии Нового времени, который сосредоточен (centered) на противопоставлении рационализма и эмпиризма. Классификация закрепляет (maps) рационалистский тезис и эмпиристский антитезис за конкретными мыслителями. Содержание такой классификации является следствием того, что конфликт между рационализмом и эмпиризмом подается как конфликт между противоположными конкурирующими эпистемологиями. Наконец говорят о том, что философия Канта представляет собой эпилог повествования и решение антиномии, изображая ее как синтез эмпиризма и рационализма» [Anstey, Vanzo, 2023, p. 236]. Интересное замечание. Однако, возможно, Б. Фраассен намекает на вывод, к которому приходит сам И. Кант: «Кант отвергает догматическую форму эмпиризма. Эмпиризм не должен утверждать, что мир вечен и бесконечно протяжен. Они должны лишь утверждать, что мы можем бесконечно продолжать открывать новые области мира, выявлять более ранние причины прошлых событий и делить каждое тело на все меньшие части (A517–27/B545–55). Это умеренный (modest) эмпиризм, потому что он допускает утверждения только о том, что мы можем познать, а не о том, что существует или не существует за пределами опыта» [Ibid., p. 240]. Вот что пишет И. Кант: «Регулятивный принцип разума основан на предположении, что мы не можем воспринять опыт абсолютного предела, в том смысле что не существует опыта, который является эмпирически абсолютно неограниченным и безусловным (unconditioned). Основание этого то, что такой опыт будет включать ограничение восприятия посредством ничего или бездны, поскольку включает бесконечный регресс перцепций, а это невозможно» (A517/B545) (курсив наш. – Н. Г.) [Kant, 2007, p. 453]. И чуть

подчеркивает Б. Фраассен, заключается в том, что мы имеем дело с традицией, которую невозможно схватить в терминах догмы, поскольку ориентация на эмпирическое познание закрепляет идею рациональности, которая не исключает разногласие (*does not bar disagreement*). Это важно, поскольку именно этот тезис

выше: «Никакое трансцендентальное использование понятий «объяснение» или «разум» невозможно. Поскольку, если мы это предположим, то абсолютно вся совокупность (*totality*) последовательности ограничений и условий (*conditions*) восприятия будет полностью обусловлена (*is due*) трансцендентальным использованием разума, который требует неограниченной полноты от того, что полагается вещью самой по себе. И поскольку никакой такой полноты восприятия нет, мы никогда не сможем говорить о каком-то абсолютном значении этих последовательностей восприятия, независимо от того, будут ли они ограничены чем-то или нет. Вопрос заключается в том, насколько далеко мы посредством опыта можем проследить регресс последовательности этих ограничений и условий для того, чтобы мы остановились, как предписано разумом, ни на чем другом, как на соответствии (*conformity*) объекту. И единственное, что нам остается после того, как мы установили неспособность (*invalidity*) разума выступать конституирующим принципом восприятий (*appearances*), рассматриваемых как вещи, самих по себе, это рассматривать правильность (*validity*) принципа разума только с точки зрения правил связности (*continuation*) и значения (*magnitude*) возможного опыта» (A515,516/B543,544) (курсив наш. – Н. Г.) [Ibid., p. 452]. И еще чуть выше: «Как далеко может зайти анализ чего-то, что дано ограниченными условиями (*conditioned*), если мы рассматриваем (*ascend*) регресс последовательности этих ограничений и условий? Это может быть регресс *in infinitum*, а может быть *in indefinitum*. Могу ли я рассматривать последовательность от человека, который живет сейчас, к его предкам как *in infinitum*? Либо я могу сказать только то, что мы можем отступить в прошлое ровно настолько, насколько сможем отступить, но при этом никогда не попадем в ситуацию, что эмпирические основания анализа этой последовательности будут где-либо (*anywhere*) ограничены? Мы будем обоснованы, но в то же время на каждом этапе мы будем обязаны (*oblige*) искать предка для предка.

Если целое дано как эмпирическая интуиция (интуиция чего-то, которая возникает на основании анализа эмпирических, чувственных данных. – Н. Г.), тогда регресс по последовательности его внутренних этапов и условий будет *in infinitum*. Но если какой-то элемент этой последовательности будет задан (*given*) и регресс от этого элемента ко всей совокупности еще нужно произвести, то тогда это будет процесс не бесконечного регресса, а регресс на неопределенной дистанции, т.е. *in indefinitum*. Например, деление материи в границах тел происходит (*proceeds*) *in infinitum*. Эта материя дана как целое и вместе с ее частями дана как эмпирическая интуиция. Условием (*condition*) целого являются его части, а условием частей – их части и так далее. В данном случае, рассматривая декомпозицию целого, мы никогда не встретим ничем не ограниченной, необусловленной, неделимой части или элемента последовательности регресса. И не потому, что появятся эмпирические основания для того, чтобы остановить анализ. Но потому, что последующие члены такого продолжающегося деления сами по себе будут эмпирически даны до (*prior*) продолжения деления. Это и значит, что деление продолжается *in infinitum*. И наоборот, последовательность предков для данного человека не дана во всей совокупности (*totality*). Мы можем продолжать регресс от одного поколения к другому, и при этом никогда не обнаружим эмпирический придел, который будет абсолютно безусловным. И именно потому, что отдельные элементы, которые должны обеспечивать на данном этапе регресса его содержательные условия и ограничения, изначально не даны в эмпирической интуиции целого до того, как мы начали деление, этот регресс не будет *in infinitum*. Этот регресс будет представлять собой деление на неопределенной (*indefinite*) дистанции в поиске новых членов последовательности в дополнение к тем, которые уже даны. И эти новые члены сами по себе снова и всегда будут рассматриваться как обусловленные и ограниченные.

Ни в одном из этих случаев регресс не рассматривается как последовательность условий, которые мы принимаем как данные, и которые в то же время являются бесконечными в объекте. Эти условия и ограничения не являются вещами, которые даны сами по себе, но только восприятиями (*appearances*), которые, выступая условием одно для другого, появляются, только когда мы говорим о регрессе и делении. Это значит, что вопрос не в том, насколько конечной или бесконечной может быть последовательность условий, но в том, как мы эмпирически организуем регресс и насколько далеко мы заходим в делении. Отсюда следует важное различие. Если целое дано эмпирически, то вполне возможно представить деление и всю последовательность условий *in infinitum*. Но если целое не дано, а сначала должно быть обнаружено в результате эмпирического процесса деления, то в данном случае

и дает возможность Б. Фраассену зафиксировать то, что он обозначает как «выход из всевозвращающейся критики эмпиризма со стороны рациональной философии». «Эмпиризм как установка (attitude) в каком-то смысле будет эпистемиче-

in infinitum возможно только восхождение к другим соответствующим элементам последовательности условий. В первом случае в последовательности существует больше членов, которые эмпирически даны как следствие декомпозиции. Во втором случае я могу только сказать, что могу продвинуться (advance) дальше, поскольку ни один эмпирически данный элемент не является абсолютно безусловным и неограниченным. И поскольку другие элементы последовательности возможны, то мы должны их искать. В первом случае важно *найти* больше членов последовательности, а во втором всегда необходимо *искать* (inquire) новые элементы, поскольку никакой опыт не является абсолютно ограниченным (limited). Либо у вас нет восприятия, которое абсолютно ограничивает эмпирический регресс, и в этом случае вы не можете сказать, что регресс закончится (complete). Либо у вас есть восприятие, которое ограничивает вашу последовательность, и в этом случае оно не может быть частью последовательности, которую вы анализируете, потому что то, что ограничивает, должно быть отличным от того, что ограничивает, а значит, вы должны продолжать регресс дальше» (A512,513/B540,541–A514/B542) (курсив наш. – Н. Г.) [Ibid., p. 450–451]. Когда мы говорим о современных научных знаниях и научном эмпиризме, то о каком из этих двух вариантов регресса, которые описывает И. Кант, идет речь? И совершенно неожиданно мы обнаружим у Б. Фраассена идею того, что «эмпиризм не следует отождествлять с какой-то заданной системой убеждения, а следует рассматривать как “установку”». И это не говоря уже о том, что отдельные моменты, которые тут отмечает И. Кант, например, то самое различение регресса *in infinitum* и *in indefinitum*, на наш взгляд, будут непосредственно перенесены в системы, как минимум, – и мы говорим только о тех персоналиях, которые непосредственно внесли вклад в развитие предмета современной эпистемологии на этапе ее становления, – Р. Чизолма (в виде разделения представления о восприятии на «принятие» (take) и уже потом «собственно восприятие»), У. Селларса и Л. Бонжура (последний использует рассуждение У. Селларса о разделении восприятий на «не выводимые по происхождению» и «не выводимые по обоснованию» как аналогию, чтобы говорить о соответствующих убеждениях. См.: [Головкин, 2024a]). Наука – это даже не метод, а ассоциируемый с ней тип рациональности, который, конечно, нельзя полностью сводить к какой-то одной системе убеждений, именно потому, что задача состоит в том, чтобы «искать» новые элементы, поскольку никакой опыт не является абсолютно ограниченным». Вернемся к Б. Фраассену.

Как пишет Б. Фраассен: «Английские эмпирики не называли себя английскими эмпириками. Хуже: они четко говорили, что не являются эмпириками. И это станет понятным, если обратиться к этимологии слова. Речь идет о школах медицины, когда *Empirici* противопоставляется *Dogmatici* или *Methodoci*, которые отказываются от теории и выводят правила своей практики исключительно из наблюдений и опыта. И когда мы встречаем понятие у Бэкона, то оно уже получило обобщение и вышло за пределы медицины. Он использует его для того, чтобы разделить науку и философию: “Те, кто занимается наукой, либо эмпирики, либо догматики. Эмпирики как муравьи: собирают и используют. Рационалисты как пауки: плетут сеть из самих себя. Но путь пчелы лежит посередине: она собирает материал в саду и благодаря собственным силам его трансформирует”. Эту же мысль повторяет Лейбниц: “Вывод, которым животные приходят к заключениям, точно такой же, которым пользуются эмпирики, которые полагают, что то, что произошло однажды, произойдет снова в аналогичной ситуации. И это то, что делает простым заманить зверя в ловушку, и то, почему так легко эмпирики допускают ошибки”. Рассуждения Милля также похожи. Он включает в эмпирики философов, которые полагают, что муравьи правы, и тем самым закрепляет за ними методологию, которую Бэкон называет эмпиристской. Однако сам Милль жестко (strongly) дистанцируется от такого эмпиризма и даже от более общего представления, называя все это плохой методологией. Последний великий представитель английского эмпиризма напишет: “Когда придет время, когда правильный метод будет использоваться во всех областях исследований, ни один важный раздел человеческой деятельности (affair) не будет больше отдан эмпиризму и ненаучному гаданию”. Именно *желание написать триумфальную историю* современной эпохи привело к тому, что профессиональные историки философии в XIX веке видят Канта великим победителем, который произвел синтез. Они хотели, чтобы в XVII веке были две великие философские школы, которые противопоставляются друг другу и оказываются одинаково ложными, превзойденными трансцендентальным идеализмом Канта» [Fraassen, 2002, p. 33]. И, конечно, этот вывод не является каким-то оригинальным. Сам Б. Фраассен ссылается на работы «Эмпирики» (1988) Р. Вулхауса и «От Декарта до Юма» (1981) Л. Лоеба, мы видим это в работе [Anstey, Vanzo, 2023].

ским, а в каком-то оценочным, но *не будет отождествляться с определенной системой убеждений относительно мира*. Философская позиция может заключаться не только в системе убеждений о том, каков мир на самом деле, – она может заключаться в чем-то другом – а именно в установке (stance). Подобная “установка”, конечно, может быть выражена, может включать и предполагать какую-то систему убеждений относительно мира, но *не может отождествляться с этой системой убеждений и соответствующими утверждениями (assertion) о том, что есть*. Именно поэтому если эмпиризм – это установка, то соответствующая *критика метафизики хотя бы частично будет основана на чем-то другом*, – на допущениях, позициях, ценностях, целях, – нежели на критике каких-то фактических содержательных тезисов, составляющих систему убеждений данной метафизической теории. Хороший пример – дискуссия о научном реализме. Дискуссия начинается с фактического разногласия о том, что такое наука, ее цели, критерии успешности, что предполагает принятие научной теории. Но разногласие, вне всякого сомнения, держится на разных ценностных основаниях, на том, что считать рациональным. Одни отрицают вывод к лучшему объяснению, а другие вопрошают: “если он не рационален, то что тогда?”. Одни отрицают убеждения, которые никогда нельзя будет проверить опытом, другие, наоборот, признательны тому, что разум и наука наградили нас ими. ...Важно то, что установка (stance) не будет отождествляться с включенными идеями и *будет существовать и после того, как эти идеи изменятся*. Мы можем подойти к пониманию эмпиризма через рефлексию его позитивной роли, эмпирической установки (attitude) в науке. Однако эта восхитительная установка не так чтобы очень ориентирована на содержание научного знания, скорее – на форму и практику исследования, на вопросы методологии, на то, что делает науку собственно *парадигмой рационального исследования*. И такое понимание науки и означает, что мы подчеркнули ключевой элемент эмпирической установки (stance). Как получается так, что мы живем в мире, в котором все наши лучшие фундаментальные теории ложны? Мы живем так, потому что *наука как практика, как поиск и является рациональной формой исследования par excellence*» (курсив наш. – Н. Г.) [Ibid., p. 47–48, 62–63] ²⁰. Эти цитаты, на наш

²⁰ Интересно то, как Б. Фраассен раскрывает представление о связи науки и эмпиризма как установки: «Разногласие (в рамках эмпиризма) по поводу данной фактической, проверяемой данными и утверждающей что-то о данных гипотезы не предполагает, что дискурс станет менее эмпиристским, – мы останемся в рамках эмпиризма. Но с наукой не так. Разногласия по поводу данных, отказ подвергнуть какую-то идею естественному отбору, отказ включиться в активность по поиску релевантных экспериментов, которые проведут проверку того, что природа сама по себе не делает предметом проверки (в том числе если рассматривать этот отказ как пример ситуации, когда мы не обсуждаем фактическое содержание убеждений), – все это может вывести вас за рамки науки. В этом смысле парадигма науки предполагает, что разногласия в сфере допущений, позиций, ценностей и целей должны быть подвергнуты эмпирической критике. Запоминающееся описание такой ситуации приводит Фейерабенд: “Разница между чудаком (crank) и уважаемым мыслителем заключается в исследовании, которое проводится на основании и после того, как принимается какая-то точка зрения. Чудак, как правило, довольствуется этой точкой зрения в ее оригинальной и неизменной метафизической форме, и он не готов проверять ее пригодность во всех тех случаях, которые интересны оппонентам. И именно это представление о *необходимости дальнейшего исследования, а не оригинальное содержание теории*, отличает уважаемого мыслителя”. Это пример про разные установки (attitudes) по отношению к эмпирическому исследованию, которые *дополняют* разные установки по отношению к выдвигаемым или защищаемым теориям. Эмпиризм – это не теория о том, что есть, а набор установок. И эти

взгляд, закрепляют то, что мы можем назвать «нормативностью» применительно к анализу научного знания, причем именно в терминах «действовать как должно» (going on as one ought), – с учетом специфики эмпиризма, понимаемого как «установка».

Посмотрим на то, как в так понимаемой парадигме научного знания раскрыть специфику условия «релевантности данных». Продолжим линию рассуждений Б. Фраассена, но только с учетом уже выбранного нами представления о метафизической модальности Дж. Лоу, которое поможет более четко представить идею о том, что если для вас «обоснованное убеждение является указующим на истину», то должным образом понимаемое научное знание должно предполагать объективность, которую мы будем трактовать в терминах независимости явления от познающего²¹.

установки включают почтительное уважение к тому, что современная наука говорит о том, что есть. И они включают склонность (inclination) (и возможное допущение, по крайней мере интенцию) принять идею полноты (приближенной) того, что наука говорит в данное время. Но мы не должны забывать, что наука является парадигмой рационального исследования, которая отличается критицизмом, взаимной и самокритикой. И в этом смысле эмпиризм включает определенное эпистемическое дистанцирование по отношению к содержанию современной, или даже идеальной науки» (курсив наш. – Н. Г.) [Fraassen, 2002, p. 48–49].

²¹ Совершенно неожиданно ответ на вопрос о том, как следует понимать «объективность», как оказалось, не является таким уж простым. Суть вопроса заключается в том, как описать то, что и чему противопоставляется так, чтобы «объективность» не потеряла своей значимости, в том числе с точки зрения того, как мы располагаем в своей онтологии «истинность». Субстанциалистский подход к построению метафизики, а это, по сути, весь нововременный проект (прообразом которого является философия Р. Декарта), в целом, конечно, будет понимать «объективность» как «независимость от сознания». Например, можно вспомнить В.И. Ленина: «Материя есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них» [Ленин, 1973, с. 131]. Однако кому-то может показаться, что это слишком простой ответ. Совершенно иррациональная дистанцируемость от материализма В.И. Ленина в нашей стране сейчас, – которая, скорее всего, имеет своим основанием совсем не что-то на уровне философской рефлексии. Мы не хотим идеализировать строгость философских построений В.И. Ленина, скорее, речь идет уже о 1980-х и о соответствующей рецепции его взглядов, которую можно найти, например, в пятитомнике В.Ф. Константинова и В.Г. Марахова, но нельзя забывать и о вполне реальной идеологической составляющей представлений определенных политических сил, для которых «советское прошлое» является непримиримым идеологическим противником. Простая ненависть к ассоциируемой социальной теории либо к материализму, понимаемому именно как радикально антирелигиозное и ориентированное на научное мировоззрение, т.е. прогрессивное (и для своего времени, и, конечно, сейчас) течение, – вполне понятна, но это не отрицает того факта, что диалектический материализм является совершенно нормальной метафизической теорией, подлинно отражающей «дух времени» конца XIX века. И является, по сути, одной из немногих конкурентных субстанциалистских метафизических теорий, которые надлежало, – и мы настаиваем на этом, – образом раскрывают предмет метафизики науки именно в рамках субстанциалистской парадигмы. (См.: [Головкин, 2013b].)

Если вам не нравится В.И. Ленин, тогда давайте вспомним Б. Спинозу и его определение субстанции: «Под субстанцией я понимаю то, что есть в себе, и берется (conceived) посредством себя, т.е. чье понятие (concept) не требует понятий других вещей, из которых оно должно быть построено (formed)» (отрывок E1D3, цит. по [Spinoza, 1985, p. 408]). И вот как он противопоставляет субстанции и ее место в онтологии, – он разделяет сущность и существование. Б. Спиноза говорит о том, что «не существует ограниченной субстанции», «нет двух одинаковых субстанций», что «одна субстанция не может быть произведена другой». Но он точно также отметит, что «в бесконечном сознании Бога ни одна субстанция не может быть более совершенной, чем она есть в природе» и что «в бесконечном сознании Бога нет субстанций, которые не существуют формально в природе» (курсив наш. – Н. Г.) (отрывок I/20.5 из «О Боге, человеке и его счастье», цит. по [Spinoza, 1985, p. 66]). Более того, в своем же

Как отмечает Б. Фраассен: «Научное исследование является *объективирующим исследованием* (inquiry). И под этим мы будем понимать то, как научное

комментарии к отрывку I/24.5 он напишет: «Всякая субстанция реальна, и существование субстанции, взятой (conceived) самой по себе, не следует из ее сущности. Таким образом, *никакая реальная субстанция не может быть взята сама по себе; вместо этого она должна принадлежать чему-то другому*. То есть, когда мы говорим о субстанции мышления и протяженности, мы понимаем их только в смысле понимания их сущности, а не в смысле восприятия их существования, мы не говорим о том, что их существование с необходимостью принадлежит их сущности. Но когда мы показываем, что они являются атрибутами Бога, мы тем самым показываем априорно, что они существуют, и апостериори (в отношении только протяженности), что она существует только по отношению к модам, тем, которые обладают ею предметно (as their subject)» (курсив наш. – Н. Г.) [Ibid., p. 70]. При этом в том же отрывке он говорит: «Никакой из субстанций (которые знаем, что существуют в природе), коли мы берем их раздельно, не присуща необходимость существования. Поскольку существование не является свойством (pertain) сущности, а отсюда с необходимостью следует, что природа, у которой нет причины, и которая мы, тем не менее, знаем, что существует, должна с необходимостью быть *идеальным объектом* (being), сущности которого принадлежит существование» (курсив наш. – Н. Г.) [Ibid.]. Даже говоря о независимости субстанций (причин себя) в субстанциалистских онтологиях, всегда остается возможность порассуждать о «строгой» двойственности и, что гораздо важнее, об *онтологическом порядке*. Чего уж говорить о различных подходах к построению номиналистской метафизики.

Различные номиналистски-ориентированные варианты построения метафизики (а в настоящее время мы, по сути, работаем только с ними) вообще могут не предполагать «независимость» (принимаемую в терминах той же «двойственности») в ее традиционных формулировках (Платон, метафизика авраамических религий, Р. Декарт и их производные), – в первую очередь, наверное, тут можно вспомнить позитивизм и производную «семантическую парадигму», или ту часть феноменологической традиции, которую с оговорками можно обозначить как «продолжение эмпиризма» (например, в том смысле, как «Э. Гуссерль стремился заложить фундамент эмпирических наук»), не говоря уже об откровенно конструктивистских проектах построения онтологий, которые можно отнести к таким широким направлениям, как «социальная эпистемология» или «постколониальные исследования». В них, для того чтобы сохранить представление об «объективности как независимости» (если вообще будет поставлена такая цель), потребуются еще более нетривиальные (или, наоборот, «простые», но гораздо более значимые с точки зрения дистанцирования от той же современной субстанциалистской традиции) допущения. И то, что можно встретить, например, у Б. Тэйлора, может показаться достаточно безобидным. «Все это приводит нас к альтернативному пониманию объективного существования в терминах интересубъективности (а не эпистемической независимости), которую мы будем рассматривать с точки зрения принципиальной доступности (accessibility)» [Taylor, 2006, p. 17]. И если мы понимаем, что Б. Тэйлор всего-навсего продолжает раскручивать идеи дескриптивной теории указания, истинности как рациональной приемлемости и внутреннего реализма Х. Патнэма. «Мы должны разрешить другие способы доступа (access) к существованию объекта, кроме наблюдения. Заменяем “наблюдателя” более нейтральным и менее идиоматическим выражением “эпистемическая точка зрения” (standpoint)... Убеждения будут определяться как рациональные (reasonable) только относительно информации, доступной в рамках данной точки зрения. И в этом смысле мы уточним (sharpen) приведенное представление: реализм в отношении объектов вида *K* утверждает, что сущности (entities) вида *K* существуют объективно, то есть такие объекты существуют и убеждение, что они существуют, удостоверяется (certified) более чем в одной эпистемической точке зрения» [Ibid., p. 17–18]. То тогда практически то же самое будет говорить Дж. Лэдимен: «Объективность состоит в поиске достоверных обобщений. “Объективность” здесь означает: предсказательно успешный и контрфактически подтверждаемый. Отслеживание индивидуальных объектов, таких как Наполеон, эпистемически полезно с точки зрения подтверждения предсказаний и контрфактических утверждений относительно него. Онтологическим утверждающим истину (truthmaker) для эпистемического факта является то, что этот факт является реальным паттерном. Непроецирующий паттерн на конечном множестве данных является парадигмальным примером химеры» [Ladyman et al., 2007, p. 230]. Звучит сходным образом, но, конечно, это не совсем то же самое. «Достоверность паттерна определяется в терминах успешности предсказаний в рамках данной интенциональной перспективы. Рассмотрим пример, – множество кривых, которые можно провести по соответствующему множеству точек, отражающему состоянию котировок акций на фондовом рынке. Любая из этих кривых обозначает паттерн. Однако

исследование *заблаговременно ограничено* (delimited beforehand) определенным образом. Можно выделить три разных смысла “объективности” – как дистанци-

финансовый аналитик хотел бы знать, какая из этих кривых может быть достоверным образом продолжена, т. е. какую из них и на каких основаниях можно обобщить с целью анализа ненаблюдаемых данных. ... “Не делайте ставку на этот тренд показаний рынка, – скажет ваш брокер, – он не реален”. Брокер, естественно, не говорит о том, что собранные данные не реальны, он говорит о том, что паттерн, о котором идет речь, не является проецирующим» [Ibid., p. 228]. Здесь может возникнуть вопрос, о каком «реализме», о какой «объективности» вообще идет речь? Ведь даже Д. Деннет – автор концепции реальных паттернов, которую Дж. Лэдимен использует для построения своей онтологии, – говорит, что его концепция занимает место «между обычным (regular) реализмом Д. Дэвидсона и самым мягким (milder-than-mild) ирреализмом Р. Рорти», после чего, очевидно, Дж. Лэдимен вынужден признать свою онтологию «верификационизмом прагматического толка» (См. наши работы [Головкин, 2017а; 2017б; 2020; 2022а; Головкин, Эртель, 2021]). Оба эти примера показывают то, как далеко мы можем зайти, оглядываясь на «семантическую парадигму». И, конечно, тут нельзя не вспомнить различные конструктивистские представления, например, кантовского толка.

Как пишет Л.В. Шиповалова: «Тезис состоит в том, что наука по определению должна быть связана с ценностями и добродетелями. Если тезис признается, то научное знание ставится перед опасностью субъективизма (чуть ниже он определяется как “настаивание на значении частных, партикулярных суждений, на отсутствии необходимости поиска знания как всеобщего и необходимого”. – Н. Г.). Если этот тезис подвергается критике – мы оказываемся лицом к лицу с *подозрительной ценностной нейтральностью* науки. Как возможен путь “между”? Этот путь является раскрытием такого понятия науки, в котором органично сочетаются две стороны. Во-первых, понимание ее как деятельности, имеющей целью знание всеобщее и необходимое. Во-вторых, признание того, что в науке необходимо присутствует добродетель. В таком понятии присутствует объективность в качестве критерия научности, который и определяет научное знание как всеобщее и необходимое, а также в качестве научной добродетели, определяющей как преодоление субъективности» (курсив наш. – Н. Г.) [Шиповалова, 2014, с. 95]. На первый взгляд, не хватает только розовых пони, очевидно, чтобы окончательно избавиться от «подозрительной ценностной нейтральности», но потом появляется И. Кант, и все встает на свои места. «Может ли что-то *определять* *извне* науку как автономную деятельность и как следует понимать взаимодействие науки и ценностных ориентиров? Этот вопрос возникает в неокантианстве, где отнесение к ценности является необходимым условием объективности суждений в науках о культуре, что и обеспечивает их научность. Объективность при этом может быть определена как некоторая метаценность, служащая основанием всеобщности» [Там же, с. 97]. Произносится заклинание: «Как определение необходимого присутствия ценностей в науке, так и критика ее ценностной ангажированности имеют *вполне конкретные исторические условия*... Сущность научной объективности, которая может быть обнаружена в любом ее историческом образе, определяется противоположением субъективности и негативным характером ее формирования: “Объективность связана с субъективностью как воск с печатью”, а история различных форм объективности должна быть рассмотрена в связи с прояснением вопроса о том, как становится нежелательной та или иная форма субъективности и каким образом она преодолевается» [Там же, с. 100]. И делается вывод: «Смысл объективности как научной ценности и добродетели становится трансцендентально обоснованным тогда, когда к правилу рассудка, правилу самостоятельного мышления, которому подчинено преодоление субъективности, добавляется в качестве дополняющего правило способности суждения, которое само по себе является правилом преодоления субъективности. Это правило широкого мышления, мышления себя на месте другого, именно с помощью которого только и может быть положено *то общее, которое заранее не дано* (Кант 1994: 168–169). Действие этого правила обнаруживается в том, что человек оказывается “способен выйти за пределы субъективных частных условий... и, исходя из общей точки зрения (которую он может определить, только становясь на точку зрения другого), рефлексивен о собственном суждении” (Кант 1994: 167–168). Именно сам опыт *преодоления* субъективности является опытом, а в котором обнаруживает себя субъект как действующий, реальный. Именно в таком опыте и создается необходимая общая точка зрения, которая, правда, имеет “неопределенный”, “проблематичный” предмет, но при этом служит необходимым элементом познавательной деятельности. Можно определить это “полное понятие научной объективности” при помощи понятия “интерсубъективность”, а сами научные суждения – как субъективные, но *претендующие* на то, чтобы считаться *объективными* (Разеев 2010: 202–218). Можно сказать, что в этой претензии реализует себя именно *стремление*

рование, как нейтрализация и как объективирующее исследование. Исследование объективно, если субъект “исключает себя из картины явления” и в позитивном,

к объективности как всеобщности, как ценности, которая никогда не дана окончательно, но может быть только конституируемой в непосредственном опыте взаимодействия» [Там же, с. 107–108].

Рискнем предположить, что когда Дж. Лэдимен вводит термин «неосхоластика», то метафизика И. Канта является одним из любимых примеров: «Тем, кто хочет изучать способы конструирования обыденного (habitual) или интуитивного антропологического концептуального пространства, мы предлагаем заняться изучением социальной феноменологии. Сосредоточьтесь на молотках – вещах, которые конституируются как объекты ситуативной, практической деятельности, когда мы размышляем об объектах, – а не на атомах – вещах, которые имеют статус объектов независимо от наших целей. Нас интересует объективная истина, а не философская антропология. И мы будем спорить (quarrel) с философами, которые утверждают, что разделяют наши интересы, но затем не уделяют должного внимания основному источнику информации об объективной реальности (в данном случае науке, а не самой по себе способности сознания познавать. – Н. Г.)» [Ladyman et al., 2007, p. 5]. Уверенность в том, что мы должны говорить о трех (выдуманных) уровнях сознания, которые связаны определенной (выдуманной) функциональной схемой, ничем не отличается от религиозной догмы. Можно открыть книгу Д.Н. Разеева: «В “Критике чистого разума” Канта волновал вопрос о том, что именно мы соединяем в суждениях, он не уделил достаточно внимания тому, как мы соединяем. И теперь в “Критике способности суждения” эта пропущенная деталь оказалась в центре внимания философа. И если раньше Кант считал двумя источниками познания разум и рассудок (первый отвечал за сферу теоретического познания, второй – за сферу практического), то теперь у нас имеется еще один, дополнительный, источник познания – способность суждения. Он пишет: “В семействе высших познавательных способностей все-таки существует промежуточное звено между рассудком и разумом. Это – способность суждения, которая, как можно предположить по аналогии, также должна содержать если не собственное законодательство, то, во всяком случае, собственный принцип обнаружения законов” (с. 47). И сразу же оговаривает, что законодательство способности суждения весьма отличается от законодательств рассудка и разума, вернее сказать, это не совсем законодательство, а “собственный принцип способности суждения”, который к тому же есть “принцип, лишь априорно субъективный; и хотя этому принципу не дана в качестве его области определенная сфера предметов, он все-таки может иметь какую-либо почву в определенных свойствах, для которых значим лишь этот принцип” (с. 47). Последнее уточнение Канта заставляет нас всерьез задуматься об одном существенном обстоятельстве. Если для акта объективации нам недостаточно одних лишь транссубъективных форм чувственности (пространства и времени), поскольку для этого требуются еще и транссубъективные формы мышления (категории), – а транссубъективны и те, и другие, в силу того что не производятся каждым субъектом в отдельности, но заданы субъективностью как таковой, – то в таком случае нам нужно не только обладать этими формами, но еще и каким-то образом суметь соединить их друг с другом. И одно дело, когда принцип того, как мы будем их соединять, зависит от самих этих форм, и совсем другое, если предположить, что и сам принцип их соединения имеет какую-то иную, еще одну, собственную (не зависящую от соединяемых нами форм) форму. Иными словами, если в “Критике чистого разума” познающий рассудок согласно собственным принципам (пусть и “под видом воображения”) применял категории к чувственности, благодаря чему только и мог состояться акт объективации, то теперь, в “Критике способности суждения”, оказывается, что в акт объективации должна быть вплетена, помимо познающего рассудка, еще одна “сила”, а именно “сила суждения” (пожалуй, это более адекватный перевод немецкого термина Urteilkraft, который, как известно, традиционно переводится на русский язык как “способность суждения”). Формы, согласно которым способность суждения соединяет что-то в суждениях, получают самостоятельный статус и не зависят от того, что именно в суждениях соединяется. Но о каких независимых формах суждения идет речь? По-видимому, здесь имеется в виду сущностное различие между “определяющей” и “рефлектирующей” способностями суждения» [Разеев, 2010, с. 202–204]. Серьезно, наличие «априорно субъективного принципа» в метафизической системе является достаточным основанием для того, чтобы говорить об объективности как интересубъективности применительно к научному знанию? И что на это скажет физик, геолог или даже историк? Какое отношение все это имеет к реальной науке? Естественно, отдельные моменты метафизики И. Канта поражают своей глубиной, и, конечно, скорее всего, здесь речь идет о том, как представить фундаментальный момент соединения «внешнего» и «внутреннего» – получения «внутреннего» субъективного знания о «внешней» природе. «Речь идет о том, возможно ли построение науки

и в негативном смысле. “Говорить о множестве объектов – это значит обозначить то, что исследователь находится над, противопоставляя себя предмету ис-

на принципах иного рода, нежели принципы транссубъективной всеобщности? В эстетике речь идет о субъективной целесообразности, т.е. об отношении предметов к нашим познавательным способностям. То, что возникает в результате эстетического восприятия, – это игра познавательных способностей, т.е. ее основанием выступают не сами предметы, а присущий нашей субъективности способ рефлексии о природных или сотворенных нами предметах. Трансцендентальный аргумент Канта в философии науки представляет собой *доказательство* того, что познание зависит не только от познаваемого объекта, но и от познающего субъекта. Но было бы весьма легковесным воспринимать этот вывод как простое повторение “Критики чистого разума”, показывающей, как *наша субъективность конституирует познаваемый объект* (благодаря принципам транссубъективной всеобщности присущих нам форм чувственности и мышления). В “Критике способности суждения” формулируется радикальное дополнение к первой “Критике”, заключающееся в том, что процесс познания не исчерпывается только заданными объектами познания правилами, но *регулируется определенными субъективными правилами*, сохраняющими тем не менее свою значимость для всякого познающего субъекта. Более того, эти субъективные правила настолько сильно вплетены в познавательный процесс, что их нельзя игнорировать без ущерба не только для достижения истинного научного знания, но и для возможности его правильной организации. Они тоже задают меру познанию. Построить науку без рефлектирующей способности суждения невозможно. <...> Если условием определяющих суждений выступает принцип транссубъективации, то *условие рефлектирующих суждений можно обозначить как принцип интерсубъективации*. Имеется в виду, что в суждениях последнего рода Кант обнаруживает совершенно своеобразную объективность, *отличную от объективности суждений первого типа*. Основное различие между ними заключается в том, что если объективность определяющих суждений покоится на транссубъективных формах чувственности и мышления, то объективность рефлектирующих суждений зиждется на *интерсубъективной всеобщности самой способности суждения*, предполагающей такие формы субъективности, которые разделяются всеми субъектами, независимо от объективной значимости таких всеобщих субъективных форм» [Там же, с. 219, 223]. Проблема, которую хочет схватить И. Кант, понятна. Однако, например, тот же Л. Бонжур, описывая то, как в субъективном опыте проявляется объективный характер знания, будет говорить о том, что в системе убеждений субъекта есть особый класс «когнитивно спонтанных убеждений», которые «с большой вероятностью являются истинными, когда появляются (occur), и также с большой вероятностью появляются в тех ситуациях, когда они будут (would be) истинными» (с. 121)» (цит. по [Головкин, 2024а, с. 127]). Это та же самая идея. Но Л. Бонжур напишет «Структуру эмпирического знания» (1985) через двести лет после выхода «Критики способности суждения» (1790). За это время техника анализа философских проблем шагнет вперед. В частности, Л. Бонжур будет пользоваться представлением о том, что «если убеждение *получено* не инференциально, то из этого не следует, что оно обязательно должно быть неинференциально обосновано», – принцип, о котором И. Кант не мог знать. И тот, и другой делают одно и то же, но разными способами. «Когнитивно спонтанные убеждения» по своей природе являются, по крайней мере отчасти, «эмпирическими», а не «априорно субъективными». Последнее и есть «не уделить должного внимания основному *источнику* информации об объективной реальности» Дж. Лэдзима. «Неосхоластика» (как соответствующее требование анализа оснований, на которых строится онтология) – это конструктивный принцип анализа метафизических систем, независимо от того, нравится нам это или нет.

Наша интерпретация «объективности» естественным образом является продолжением принятой онтологии Дж. Лоу. В смысле онтологий субстанциалистского типа (если такой вопрос будет задан) также можно обнаружить определенную аналогию с монизмом Б. Спинозы, естественно, с учетом того, что мы говорим о метафизике современной науки. И тут важно не путать онтологический и концептуальный вопросы. Говоря о сущности вещи, мы в первую очередь говорим не об объекте, а о ее реальном определении, «аналогично тому, как лингвистическое определение позволяет понять значение слова». Как отмечает Дж. Лоу: «Под реальным определением вещи *Е* следует понимать пропозицию, которая самым ясным образом говорит нам, что такое *Е* – или, в более широком смысле, поскольку мы не хотим ограничивать себя исключительно сущностями реально существующих вещей, – что такое *Е* или чем оно могло бы быть. ... Эллипс – это местоположение точки, непрерывно движущейся в плоскости таким образом, что сумма расстояний между ней и двумя другими фиксированными точками остается постоянной. Эллипс в своей идентичности не зависит ни от чего другого, кроме сум

следования, который и задается как объект”. Исследование объективно, если “не зависит от проявления человеческого, исключая интересы, моральные установки и цели”. В начале XX века Макс Вебер основным элементом социологии видел ее ценностно-нейтральную (value-free) методологию. Наконец, чрезвычайно важно научно ограничивать исследование заблаговременно. Астрология и парапсихология как будто бы специально созданы для того, чтобы показать, к чему приводит нарушение этого принципа. Если вы обнаружили какую-то астрологическую корреляцию, то бессмысленно спрашивать о ее значении, поскольку ответ будет дан *после* того, как корреляция получена и приложена к той или иной области жизни, а не *до* того. Наоборот, научное исследование указывает (point) на новые исследования, которые специально будут созданы (design) для того, чтобы ответить на поставленный вопрос. И, конечно, Кант критиковал за это Королевское Общество, которое к тому времени еще не выучило уроки, сделавшие возможным современную науку: “Когда Галилей скатывал шары, вес которых он предварительно определил, по наклонной плоскости; когда Торичелли полагал, что воздух имеет вес, который он предварительно посчитал равным определенному объему воды, ... свет проливался на всех исследователей природы. Они открывали для себя то, что разум способен на озарение (insight) только в отношении того, что он уже создал по своему собственному плану, и что человек может заставить природу дать ответы только на вопросы, заданные самим разумом”. Указание на такие формы объективации знания в науке никоим образом не является ни обвинением, ни критикой. Наоборот, Кант подчеркивает, что они и делают науку успешной. Ключ к эмпирической успешности науки как раз и заключается в таких добровольно принятых нетривиальных ограничениях. Более того, следствием понимания науки как такого объективирующего исследования является то, что сама специфика формы научного исследования подразумевает, что должны существовать альтернативные подходы к пониманию природы, которые следует рассматривать в сравнении с принятыми» (курсив наш. – Н. Г.) [Fraassen,

мы расстояний между полюсами и любой точкой на эллипсе. И если мы попытаемся определить его по-другому, например, “эллипс – это замкнутая кривая пересечения конуса и плоскости, рассекающей его под косым углом к оси, большим, чем угол наклона стороны конуса”, то тут необходимые свойства эллипса будут определяться не только в силу сущности эллипса, но и в силу сущности конуса» [Lowe, 2012, p. 935, 937]. Важно то, что в своей практической деятельности человек может вполне обойтись «неполным реальным определением». Существование же определяется по-другому. «Любая частная (individual) вещь должна быть *вещью общего* (general) *вида*, так как, по крайней мере, она должна принадлежать некоторой *онтологической категории*. И тогда мы можем сказать, что общая сущность *X* определяется тем, что значит быть *вещью вида K*, а индивидуальная сущность *X* определяется тем, что значит для *X* быть индивидуальным представителем вида *K* по отношению к другим представителям этого вида» [Lowe, 2016, p. 4]. Здесь рассуждения Дж. Лоу повторяют логику рассуждений У. Куйна «существовать – это значит быть значением связанной переменной хорошо проинтерпретированной научной теории», в нашем случае по отношению к виду *K*. И если теперь вспомнить о том, как соотносятся наука и метафизика, а также о том, что система категорий, которая описывает содержание вида *K*, неполна, в том смысле что «ученые в будущем обязательно откроют новое содержание известных категорий и новые категории, обнаружив их проявления в актуальном мире, что не является препятствием для того, чтобы на практике работать с неполными реальными определениями» (см., например: [Сырмич, 2025]), то наше представление об объективности (если не интерпретировать его в субстанциалистском смысле) будет прямым следствием того, что «наука открывает актуальное среди метафизически возможного». И такое представление будет полностью отвечать идее «объективирующего исследования» Б. Фраассена.

2002, р. 157–159]. Примечательно то, что, на наш взгляд, найдется достаточное количество философов, которые скажут, что здесь, говоря о том, что «разум способен на озарение только в отношении того, что он уже создал по своему собственному плану», Б. Фраассен, вслед за И Кантом, указывает на необходимость вывода к лучшему объяснению²². Аристотель (со слов Ч. Пирса) рассматривал

²² Тот факт, что Б. Фраассен рассматривает здесь рассуждение «разум способен на озарение только в отношении того, что он уже создал по своему собственному плану», как минимум интересен. Не вдаваясь в детали, отметим, что часто можно встретить упоминания о том, что Б. Фраассен «полностью против (opposed) абдукции: “в принципе не может быть хороших данных в пользу психологической гипотезы, что люди на самом деле следуют выводу к лучшему объяснению (1985, 295)”» (цит. по [Devitt, 1997, р. 139]). И как тогда понимать критику абдукции, если «ключ к эмпирической успешности науки заключается в добровольно принятых нетривиальных ограничениях»? После выхода «Научного представления» (1980) прошло двадцать лет, и Б. Фраассен прозрел? Однако ключом, по-видимому, является то, что критика абдукции Б. Фраассеном является неотъемлемой частью его же критики научного реализма. Это научный реализм корень зла, а не абдукция. И более того, речь идет не просто критике научного реализма, но о критике научного реализма с точки зрения конструктивного эмпиризма как титульной онтологической концепции, которую развивает сам Б. Фраассен. Все это наводит на мысль, что в каноничных текстах, таких как «Научное представление» (1980) или «Эмпиризм в философии науки» (1985), на самом деле, речь не об абдукции как таковой, а именно о том, как она представляется и какое место она занимает в научном реализме. (И не просто в научном реализме, а в той его интерпретации, которую Б. Фраассен рассматривает как намеренную. Это не пустое опасение. В свое время Х. Патнэм буквально похоронил все то, что впоследствии будет воспринято как основа научного реализма – аргумент «Чудеса не принимаются» – просто потому, что на каком-то этапе приписал научному реализму логику god's-eye-view, т.е. буквально то, чего ни один научный реалист сейчас не будет делать. См. [Головкин, 2008b]). На это указывает М. Девитт: «Пусть S – теория, которая наилучшим образом (в смысле вывода к лучшему объяснению. – Н. Г.) объясняет явление. И обычно мы скажем, что абдукция позволяет нам вывести, что S. Но то, о чем говорит Фраассен, – это вывод к тому, что *наблюдаемый мир таков, как если бы S* (1980: 19–21, 71). Фраассен предпочитает говорить об этом металингвистически, различая вывод (inference), что S истинная, и вывод, что S эмпирически адекватная. А значит, его версия абдукции говорит (licensed) только о мире в представлении сторонника конструктивного эмпиризма, а не о мире в представлении научного реалиста. Его понимание того, что апелляция научного реализма к тому, что люди фактически делают в своей “обыденной” жизни, доверяясь абдукции, ограничена, является следствием того, что он рассматривает “обыденную” жизнь только в терминах наблюдаемого. Но Фраассен не говорит (claiming), что сама абдукция именно такая и никакая другая и что люди должны (should) понимать абдукцию именно в терминах обращения к наблюдаемому. В качестве примера Фраассен приводит мышь как объяснение известных признаков (характерные поскребывающие звуки, шорохи, исчезновение сыра). И почему он уверен, что в подобных случаях данные не смогут определить то, какая из двух гипотез верная? Он справедливо отмечает, что следование правилу вывода может и не быть осознанным (conscious) применением правила. Следование правилу должно включать желание принять (willingness to believe) заключение, которое даст вывод, и нежелание принять любые другие варианты. И поскольку мы знаем (предварительно, еще до того, как начнем осознанно рассуждать. – Н. Г.), что мышь – это наблюдаемая сущность, то да, сама эта установка по поводу других возможных заключений будет запрещать нам выбор из двух гипотез. Но все это рассуждение кажется нам весьма неправдоподобным (implausible): абдукция относительно наблюдаемого включает больше убеждений и больше шагов (на наш взгляд, здесь М. Девитт обращается к аналогии к условному «аргументу Мура», который здесь можно было бы привести. – Н. Г.). Есть разница в том, чтобы просто абдуктивно прийти к выводу “под полом скребет мышь”, и в том, чтобы дополнительно включить в этот вывод посылки “наблюдаемый мир таков, что в нем есть мышь, которая так себя ведет” и “мышь наблюдаема”. Эти выводы будут включать разные психологические процессы. В зависимости оттого, как мы рассуждаем, в сознании будут происходить разные вещи. Конечно, это предмет когнитивной психологии и, насколько мы знаем, подобного научного исследования еще не проводилось, но это не основание для того, чтобы говорить, что мы никогда не узнаем о том, что происходит в сознании. И если бы исследование проводилось, то данные свидетельствовали бы в пользу реалистского (более простого, не предполагающего ограничений на “наблюдаемое и тонкую настройку мира специально под наблюдаемое”. – Н. Г.) рассуждения. Неформально

абдукцию как самостоятельный, один из трех (дедукция, индукция, абдукция) базовых выводов. Но в данном случае, суть, конечно, немного в другом. Идея в том, что мы можем *конструктивно связать* «объективирующую природу научного исследования», «заблаговременные ограничения» и тот «тип рациональности», который показывает, «на что способен разум человека».

Вернемся к Б. Фраассену: «Все три формы объективации – объективирующее исследование, дистанцирование и нейтрализация – являются как важными аспектами нормальной науки, так и необходимыми составляющими описания научной революции. В научном исследовании заранее определены (pre-demarcated) область исследования, релевантные вопросы и параметры, в рамках которых на них могут быть получены ответы. Все это накладывает четкое (strict) ограничение на то, до какой степени мы можем “преумножать сущности” (не выходя за рамки необходимости!), подчеркивая то, что в основе научной методологии лежит идея опровержения, которое мы понимаем в позитивном смысле. И тем не менее само по себе такое исследование все еще не будет объективным (и даже будет полным предвзятости и искажений), если сами ученые будут игнорировать *жесткие дисциплинарные ограничения*, которые накладывают представления о дистанцировании и необходимости производства фактуального, ценностно-нейтрального знания. Проблема в том, что если мы попробуем посмотреть за (beyond) рамки “объективирующего исследования”, попытаюсь найти его более общие основания, то могут возникнуть сомнения, существует ли вообще что-то за ними. Прежде всего, должны ли любые, какие угодно исследования, которые мы полагаем когнитивно значимыми, отвечать такому типу рациональности? И если нет, то каковы варианты? Или мы тут все это просто напридумывали? Отмеченные аспекты объективирующего исследования являются следствием эмпирического характера науки. И в то же время они являются характеристиками, которые наука разделяет с другими типами академического исследования, в том числе принятыми в гуманитарных науках. В английском языке слово “наука” не используется для того, чтобы обозначать гуманитарные исследования, но в немецком *Wissenschaft* все еще сохраняет свое широкое значение, и мы можем *перенести отмеченные аспекты объективирующего исследования, взятые с незначительными (minor) поправками, в область гуманитарного знания*. Научный подход вовсе не требует сложных инструментов и даже экспериментов. Научное исследование истории, литературы, эстетики или религии в значительно степени апеллирует к тем же самым трем аспектам. Однако являются ли эти аспекты значимыми (substantive)? Не будет ли любое систематическое исследование точно таким же? Ответ – нет. И если нам кажется иначе, то это потому, что мы путаем этот вопрос и другие вопросы, такие как: могут ли результаты исследования иметь долговременную значимость, быть демонстрируемыми, передаваемыми и вообще имеющими ценность, если исследование не носило отмеченный объективирующий характер, или не приведут ли научное и не-научное исследование одного и того же предмета

мы можем сказать, что у нас нет данных о том, что люди вообще принимают во внимание (entertain) *любые мысли о наблюдаемости объектов*» (курсив наш. – Н. Г.) [Ibid., p. 139–140]. И в этом смысле, на наш взгляд, нет никаких проблем с тем, чтобы согласиться (при желании) с критикой абдукции Б. Фраассеном в контексте дискуссии о научном реализме и одновременно принять его же рассуждения о том, что значит «объективирующее исследование».

к одним и тем же результатам? В принципе все что угодно может быть предметом научного исследования. Результат научного исследования – это модель, которая отвечает (fits) объекту исследования строго в рамках заданных параметров, это теоретическая модель, которая соответствует другой модели – модели данных, полученных на основе наблюдений и экспериментов, которые были ограничены именно этими параметрами. Именно эти модели, которые “разум создает по своему собственному плану”, являются основой понимания. Перефразируя Канта: мы понимаем природу *именно в той степени*, в которой эти модели избирательно и приблизительно описывают природу» (курсив наш. – Н. Г.) [Ibid., p. 169–170] ²³. Никому не кажется, что последняя часть цитаты буквально указывает на необходимость того, о чем говорит К. Лере? Для того чтобы результат научного исследования был значимым, мы должны «должным образом» соотнести изучаемое явление и «созданный разумом конструкт» именно в смысле представления о разнице между пропозициональным и докастическим обоснованиями. Усло-

²³ Примечательно то, как сам Б. Фраассен подчеркивает нагруженный характер того, о чем он говорит. Например, он указывает, что «говоря о “задавании вопросов природе” (putting nature to the question), в котором явление рассматривается и в естественных, и в искусственно созданных условиях, “наблюдение” никогда не является простым и чистым. Осознанный релевантный акт наблюдения должен зарегистрировать то, что происходит и именно в точности в терминах тех ограничений, которые мы предварительно наложили. Явление должно описываться в терминах данных наблюдений только в смысле заранее обозначенных “релевантных” характеристик. И это описание должно быть систематическим. Результатом будет “модель данных”, которая и будет исследоваться на предмет обнаружения паттернов, которые и свяжутся с явлением. В данном случае задача теоретика быть ответственным по отношению к данным будет параллельна задаче экспериментатора быть ответственным одновременно и по отношению к явлению, и по отношению к сопутствующей (background) теории, которая отвечает за создание (design) условий наблюдения. И, конечно, о “манере” проведения этой части исследования можно рассказать очень много. Философ, например, может задуматься о любопытном эпистемическом статусе данных, которые одновременно принимаются как достоверные, но в то же время рассматриваются как опровержимые. Модель данных – полностью искусственный сконструированный объект. Она, конечно, построена на основании полученных о явлении данных, но на самом деле мы говорим о вторичном явлении, которое искусственно создается в лаборатории, и только по логике ученого становится тем самым первичным явлением, анализ которого должен подтвердить или опровергнуть теорию. Более того, связывая исходную гипотезу и модель данных, может возникнуть ситуация, что гипотеза включает характеристики, которые не отражаются в сконструированной модели. Но проблема в том, что новые теоретические характеристики, которые мы получим в ходе анализа модели, при прочих равных, очень скоро начнут влиять на то, как мы понимаем эмпирические данные, на структуру и содержание того, как мы их представляем. Синтаксически термин может оставаться тем же самым, но содержательно термин больше не функционирует в том же самом смысле с точки зрения логики. И это не просто “смена языка наблюдения”. Измерение теоретически определенных характеристик по форме другое, – оно предполагает модель, а не явление как таковое. К. Глимор, А. Пуанкаре и Дж. Снид подчеркивали: некоторые характеристики являются полностью теоретическими, их можно измерить, только предполагая, что явление действительно отвечает гипотезе. И это не пример кругового рассуждения. Результат отнюдь не гарантирован, поскольку различные таким образом посчитанные характеристики будут или не будут теми самыми ответами, которые дает природа. Теоретические модели, основанные на гипотезах, которые должны раскрыть содержание явлений, строятся на основании моделей данных. И здесь только природа, а на самом деле естественный отбор, заставит считать их “истинными”. Дело в том, что эксперимент и наблюдение – это часть тройственной активности: исследование (exploration), проверка и построение теории. Исследование направляется предыдущими теориями и идеями для построения новых гипотез, – важно то, что оно противопоставляется построению теории. И в целом все это, конечно, отвечает приведенному паттерну объективирующего исследования. Какой бы ни была область исследований, ее представление должно быть с ней связано в самой логике эмпирического исследования» [Fraassen, 2002, p. 163–164].

вием того, что «обоснованное убеждение является указующим на истину», будет то, что научное исследование в обязательном порядке «заблаговременно ограничено» и именно в том смысле, чтобы иметь «объективирующий» (по Б. Фраассену) характер. И все это естественным образом, как полагает Б. Фраассен, конечно, является частью представления «действовать как должно» (going on as one ought), закрепленном в специфическом типе научной рациональности. Как следствие, если мы захотим рассмотреть аналог условия «релевантности данных» для научного знания, то мы обязаны говорить об объективности, понимаемой именно в смысле «независимости от деятельности сознания». Единственное, чего пока не хватает, – это указания на то, как мы представим то, что находится «за рамками объективирующего исследования, что является его более общим основанием». (Собственно, ответ Б. Фраассена, скорее, напоминает апелляцию к интерессубъективности, – он рассуждает о сравнении представлений о правильном исследовании в разных областях знания. И хотя мы должны быть ему благодарны за акцент на том, что «мы можем перенести отмеченные аспекты объективирующего исследования в область гуманитарного знания», в целом, конечно, видно, что Б. Фраассен скептически относится к метафизике). И поскольку предмет этой части нашей лекции в каком-то смысле это метафизика науки, мы представим основанием объективирующего характера научного исследования именно метафизику, – именно как следствие выбранного нами решения вопроса о соотношении науки и метафизики.

Как отмечает Дж. Лоу: «Метафизика является автономной самостоятельной интеллектуальной дисциплиной, задача которой очертить область *реально возможного*, – задача, которая требует от нас определить и базовые онтологические категории, которым относятся все возможные сущности, и соответствующие отношения онтологической зависимости, которые схватывают необходимость соотносить сущности различных онтологических категорий друг с другом» [Lowe, 1998, p. v]. Ответ на вопрос о том, как связаны наука и метафизика, является следствием ответа на вопрос о том, что такое «метафизика», в каком смысле она, обладая таким объектом исследования, может являться «эмпирической» (это необходимо, если мы согласны не только с тем, что «критическая позиция должна быть обязательной частью любого пристойного (decent) дискурса», но и с тем, что «объективирующий (по Б. Фраассену) характер дискурса можно оценить только по характеру его “заблаговременных ограничений”»), и все это исходя из предположения, что наука является *единственным* интеллектуальным проектом по достижению объективного знания. «Любое знание, доступное человеку, включая “метафизическое”, должно отвечать нам как виду, возникшему в ходе естественного процесса биологической эволюции. Метафизическое знание это знание животных (animals) с определенными биологическими возможностями и потребностями. Любая такая “метафизика” должна как минимум соответствовать (continuous with) естественным наукам или даже быть их частью. Наука *предполагает* метафизику – и в этом философия играет и нормативную, и дескриптивную роль. Наука, явно или не явно, по определению будет опираться на метафизические допущения – допущения, легитимность которых выходит за рамки собственно научного дискурса. Эмпирические науки в лучшие случае говорят о том, что присутствует

актуально (is the case), а не о том, что должно или может (но так получилось, что его нет) быть. Метафизика рассматривает возможности. Мы сможем эмпирически определить то, что присутствует актуально, только если мы сможем ограничить пространство возможного» (курсив наш. – Н. Г.) [Ibid., p. 5–6]. Объясняется это так. Классическая метафизика была и остается со времен Аристотеля «наукой о вещах самих по себе» и в этом смысле она, конечно, концептуально предшествует эмпирическому исследованию. «Если бы метафизик утверждал существование каких-то фундаментальных характеристик реальности, которые он полагал (deem) бы контингентными, тогда действительно ему стоило бы признать, что эти утверждения отвечают эмпирическим данным. Однако ключевой момент заключается в том, что эмпирические данные не могут быть данными в пользу существования чего-то, что не является возможной характеристикой реальности... эмпирические данные могут быть только данными в пользу положительного дела, возможность которых может быть показана независимо. Метафизика, как и математика, обладает неэмпирическим предметом исследования, ее цель – очертить (chart) возможности реально существующего. Она касается раскрытия (discovery) того, что именно вся общность существования может в целом в себя включать (embrace): иными словами, – какие категории сущностей могут существовать, а какие из них сосуществовать. Очертив все возможности существующего, останется вопрос о том, какая из множества взаимно несовместимых возможностей достигается (obtain) актуально, – и на него можно ответить только с помощью эмпирических данных, а значит приблизительно (tentatively) и ориентировочно (provisionally)» (курсив наш. – Н. Г.) [Ibid., p. 10–11]. И в этом смысле момент, связанный с «независимой демонстрацией возможностей» тех положений дел, которые актуализируются в эмпирическом исследовании, качественно выделяет предмет метафизики среди всех других «наук»: «Эмпирическая наука сама по себе не может ответить на вопрос о метафизической возможности; эмпирические данные могут быть использованы в пользу демонстрации истинности научной теории, только если ее гипотезы отвечают (entitled) выражению метафизических возможностей; тот факт, что их [гипотезы] можно так интерпретировать, нельзя установить просто на эмпирических основаниях» [Ibid., p. 332]²⁴. Еще

²⁴ Сложно сказать, насколько Дж. Лоу является тут оригинальным. Буквально те же самые слова можно встретить, например, у Дж. Каца, который живет в то же время (и его книга выходит в том же самом году!), но работает в другой традиции. «Традиционное для реалистской онтологии деление на формальные и естественные науки основывается на понимании эпистемологической разницы между соответствующими типами знания. Кроме того, что предмет знания, объекты, которые исследуются, разные, нам нужно объяснить то, чем знание в формальных науках отличается от знания в естественных. Возможно, обезьяны любят бананы, а может и нет. Естественные науки задаются вопросом, *какая из возможностей (possibility) является актуальной*. Формальные науки, наоборот, задаются вопросом, *какое предположение (supposition) является необходимым* (или сущностным, если вы так представляете необходимое). Первые *сводят (prune down) возможное (possible) к актуальному, а вторые – возможное (supposable) к необходимому*» (является ли для Дж. Каца метафизика формальной наукой? – Н. Г.) [Katz, 1998, p. 58–59]. Подчеркнем, что в разных традициях одни и те же понятия «возможное», «актуальное», «существование» могут означать разное. Дж. Кац – представитель «семантической парадигмы», а это значит, что целый ряд его исходных представлений будет отличаться от таковых у Дж. Лоу, который будет подчеркивать, что «реальные возможности укоренены в природе вещей, а не в значении слов, которые мы используем, чтобы их описать. Существуют философы, которые ищут в языке, в теории значения основания для утверждений, которые они готовы охарактеризо-

раз. *Предмет метафизики – метафизически возможное, а предмет науки – это то, что из этого метафизически возможного достигается актуально.* И в этом смысле все, что сказано выше Б. Фраассеном об «объективирующем исследовании», можно напрямую связать с «независимой демонстрацией возможностей тех положений дел, которые актуализируются в эмпирическом исследовании», – что, естественно, должно пониматься как «заблаговременное ограничение», которое является значимой частью логики «действовать как должно», отвечающей тому типу нормативности, который мы ассоциируем с наукой как особым типом рациональности. И эта «значимость» определяется тем, что это и есть вариант понимания того, что значит для научного исследования быть объективным. Причем именно в терминах «объективности как независимости». И все это, конечно, является частным случаем, можно даже сказать «натурализованной интерпретацией», более общей постановки проблемы «релевантности данных» в том, что касается закрепления в данной области знания уверенности в том, что «основания, на которых убеждение принимается (believed), являются именно теми основаниями, в силу которых убеждение принимается (held)».

В заключительной части лекции приведем ряд примеров, которые помогут показать, что предложенная пара «нормативность» / «релевантность данных», во-первых, является достаточно универсальным основанием для того, чтобы раскрыть содержание и темы «знание», и производной от нее темы «научное знание»,

вать как “метафизические”. Такое представление о статусе метафизических утверждений – это современная (*modern-dress*) версия кантовской метафизики. Против *семантической* концепции метафизики можно высказать те же самые возражения, которые высказываются против кантовской» [Lowe, 1998, р. 12]. Скорее всего, «параллельность» того, о чем говорят Дж. Кац и Дж. Лоу, связана с «духом времени», который, на наш взгляд, в тот период (в начале 1990-х) определяется тем, что «маятник качнулся от позитивизма к метафизике». Необычайную остроту и актуальность приобретает дискурс научного реализма, который как раз по прошествии нескольких лет и приведет к появлению сразу нескольких работ, каждая из которых закроет свою область понимания соотношения науки и метафизики. Это «Критический научный реализм» (1999) И. Ниинилуото, который принципиально хочет остаться в рамках «семантической парадигмы». Напомним, он автор «Правдоподобия» (1987) и «Теоретические понятия и гипотетико-индуктивный вывод» (1973, совместно с Р. Туомела), в которых основным средством философского анализа является аппарат дистрибутивных нормальных форм, разработанный Я. Хинтикой. Это «Реализм и истина» (1997) М. Девитта, которая представит основания «натурализованной метафизики» (как и основания «натурализованной семантики», наша интерпретация дана в [Головкин, 2013a]) как проекта, который специально строится в пику идеям Б. Фраассена, Т. Куна, П. Фейерабенда, Д. Дэвидсона, Р. Рорти, Х. Патнэма, С. Блэкберна и М. Даммита, – то есть всем тем, кто закрепил современное содержание «семантической парадигмы» (первое издание вышло еще в 1984 году, но оно не содержит и половины комментариев и установок, которые можно найти во втором издании 1997 года). Наконец, вышла «Научный реализм: Как наука отслеживает истину» (1999) С. Псиллоса, – книга, которую, по меткому выражению Х. Брауна, «единственную из них (имелись в виду именно книги И. Ниинилуото и М. Девитта!) можно читать, потому что *остальные не про физику*» (личная коммуникация, 6 июля 2009 года, Бристольский университет, Ежегодная конференция Британского общества истории и философии науки). И это, конечно, только верхушка айсберга. И в этом смысле, конечно, совершенно не случайно, что со временем (сейчас) основные вопросы метафизики науки будут обсуждаться не только в последовательно «от-научном» ключе (лучший пример – вариант «верификационистской» метафизики Дж. Лэдимена), но и в смысле «мета-метафизики» (не путать с «мета-онтологией» и крайней неудачным, на наш взгляд, заимствованием этого термина Д. Чалмерсом), – как исследования того или иного проекта метафизики на предмет его оснований. Наиболее яркие представители этого проекта сейчас, на наш взгляд, Т. Тахко (какое-то время назад выигравший грант ERC на несколько миллионов евро на тему анализа метафизического единства науки) и А. Уилсон, – оба, по сути, идейные наследники проекта Дж. Лоу.

и, во-вторых, – то, что эта пара помогает в позитивном ключе представить современный, на наш взгляд, эволюционный этап естественного исторического процесса развития представления о выводе.

Вместо заключения: феминизм и геология

Если вы откроете учебник, даже лучший из числа тех, которые расскажут вам о том, как писать хорошие научные статьи, вы можете встретить там следующий пассаж: «Предлагаемая стратегия номологического синтеза состоит в систематическом и кумулятивном описании, сопоставлении и объединении, – согласно логическим схемам и стандартам, заданным К. Гемпелем и И. Лакатосом, – наиболее достоверных теоретических результатов, относящихся к одному и тому же фрагменту социокультурной действительности» [Розов, 2002, с. 620]. Звучит достаточно помпезно. Однако самое важное здесь не то, что существует много концепций объяснения и мы можем просто удовлетвориться тезисом о том, что в зависимости от предмета исследования и поставленных целей в разных областях знания будут работать свои и что мы можем выбирать среди них. Конструктивизм в вопросах такого рода – это обычное явление. Здесь важно то, что «*в реальной науке объясняются и предсказываются не индивидуальные – уникальные и неповторимые – события, а классы явлений*» [Там же, с. 619]. Вот почему мы все время возвращаемся к К. Гемпелю, к физике и логической интерпретации гипотетико-дедуктивной схемы У. Уэвелла. «Успешное предсказание всегда является исключительно эффективным с точки зрения демонстрации подкрепления, обоснованности и объяснения. Достаточно вспомнить общекультурный эффект предсказания Э. Галлеем появления в 1758 году кометы, которая до этого наблюдалась последний раз в 1682 году. С логической точки зрения теоретические – основанные на универсальных законах – предсказание и объяснение будут симметричны. В этом смысле существует глубокое отличие истинного номологического объяснения от “объяснения-сейчас” (ad hoc) – как объяснения без явного указания на универсальные законы, а также на *необходимые и достаточные начальные условия*» [Там же, с. 113]. А можно ли вообще говорить о «необходимых и достаточных начальных условиях явления», если у нас нет «универсальных законов» или их аналога, которым, очевидно, отвечает свой тип нормативности, который и будет определять «необходимость и достаточность» в данном случае? И речь снова не о номологическом объяснении как таковом (хотя, ничего плохого в том, чтобы еще раз подчеркнуть его триумфальный характер, конечно же, нет), – речь идет о том, без чего, по сути, невозможно теоретическое познание. Речь про работу с понятиями. Наука и философия, в отличие от религии и мифологии, – это понятийные формы мышления. Хорошие ученые и философы должны строить теории и работать с теоретическим описанием явления. И вот оно, ключевое допущение: «Под *теоретическим описанием* понимается совокупность теорий, относящейся к одной предметной области. Принимается подход, согласно которому *каждое понятие есть вырожденная либо свернутая теория, а каждая теория есть развитое или развернутое понятие* (Никаноров, 1977). В рамках такого подхода сколь угодно сложная теория может быть свернута и вложена в качестве понятия в другую.

Такое вложение теорий является частным случаем синтеза двух и более теорий, суть которого в отождествлении смыслового содержания понятий этих теорий. Как следствие, под теорией мы будем понимать идущее из классической логики и теории познания XX века “жесткое” представление. *Теория есть дедуктивно организованная совокупность суждений, сформулированных в замкнутой системе понятий*. Каждая теория в своей точной эксплицированной форме должна как минимум включать базовые (не определяемые в рамках данной теории) понятия, производные функционально значимые понятия, аксиомы (не выводимые в рамках данной теории постулаты в терминах базовых и производных понятий) и теоремы, как суждения, выводимые по определенным правилам из аксиом (и, кроме того, добавим от себя, – *правила работы с понятиями*, которые определяют допустимость операций, которые можно проделать с понятиями, а также *правила вывода*, которые определяют строгость аргументации и достоверность теорем, и все потому, что за ними незримо присутствует соответствующее представление о нормативности. – Н. Г.). И пусть этот *идеал строгости остается недостижимым* для имеющихся исторических и макросоциологических (и любых других. – Н. Г.) теорий, но он должен быть задан как *ориентир уточнения теорий в будущем*» [Там же, с. 110] ²⁵. Что произошло? Фактически мы снова верну-

²⁵ Мы благодарны Николаю Сергеевичу Розову за неустанные напоминания о том, что этот «недостижимый идеал строгости» все равно будет играть важное методологическое значение. «Нет такой вещи, как чисто нарративная история. Невозможно перечислять частности (particulars) *без опоры на общие понятия*. Скатывание в локальную контекстуальность часто является путем безответных вопросов, которые оставляют нас не с большей умудренностью, но со скрытой зависимостью от непроверенных теорий, закодированных в самом используемом языке. Вся история теоретически нагружена. Усилие замаскировать этот факт приводит к плохой истории и плохой теории. ...Моя позиция состоит не в том, что нарративные истории изначально ложны, а в том, что мы знаем, почему и до какой степени они верны, только в свете более общего теоретического знания. Специализированные, имеющие локальный контекст истории не свободны от теории; их антитеоретические утверждения означают, что имплицитно предполагаемые ими теории – это лишь те, что достаточно стары и уже стали общими предпосылками, либо что они испорчены бессознательным принятием популярных идеологических категорий... Конечный продукт не обязательно должен быть теорией как таковой, но, например, исследованием, которое выделяет новые грани наших ранее изученных нарративов для анализа с большей глубиной и свежим взглядом. Хотя и давно известно, что теория и эмпирическое исследование рециркулируют друг через друга, но тем не менее *это верно и является важной рекомендацией*, даже когда модные метатеории утверждают, что тот или иной полюс нередуцируемо автономен» [Коллинз, 1998а, с. 85, 87]. Очевидно, что нормативность, понимаемая как «действовать как должно», способна представить нарративное объяснение не менее строгим (не в смысле логической строгости, а в смысле соотнесения теории и опыта), чем схема, которую предлагает К. Гемпель в «Функции общих законов в истории» (1942). Разница в том, что в этом случае придется гораздо более внимательней относиться и к предпосылкам – к тем самым «имплицитно предполагаемым» теориям или «сопутствующему» (background) знанию, – и к пониманию и четкости экспликации того, что должно пониматься под конечным результатом исследования. «Существует разница между предсказанием и догадкой или принятием желаемого за действительное. Обоснованное предсказание требует двух вещей (сравните с методологическими требованиями К. Гемпеля к научному объяснению-предсказанию. – Н. Розов). Во-первых, нужна теория, которая дает условия, при которых разнообразные вещи случаются или не случаются (т. е. модель, вершиной которой являются утверждения вида “если – то”). Это теория более строгого образца, чем то, что обычно подразумевают под данным термином в гуманитарных науках. Это не категориальная схема, не метатеория и даже не модель процесса, которой не хватает подающихся наблюдению последовательностей вида “если – то”. Во-вторых, необходима также эмпирическая информация об исходных точках – начальных условиях в утверждении “если – то”. Значительная часть путаницы в споре о том, возможно ли предсказание, происходит из неумения различать

лись к проблеме Э. Геттэ и представлению о том, что логическая рациональность является единственно легитимным типом нормативности, в терминах которого можно вообще говорить о знании. И тут важно сделать одно замечание.

два этих компонента. ...При этом обоснованность макросоциологической теории никогда не относится к типу “все или ничего”; при рассмотрении сложных процессуальных моделей с обратными связями между внутренними процессами и внешними отношениями *никогда нет простого или четкого статистического принятия или непринятия всей модели целиком*. Это не значит, что отдельные компоненты модели не могут быть фальсифицированы данными, но сопротивление фальсификации в пошаговом анализе не является главным способом построения правдоподобной модели. Успех моего предсказания относительно Российской империи повышает нашу оценку обоснованности модели, но если бы теория не имела другой основы, чем этот случай, то наше доверие относительно возможности дальнейшего ее применения оставалась бы скорее гипотетическим. Полная согласованность всех источников данных является центральной для наших заключений об обоснованности, и эта согласованность проявляется в той степени, в какой теоретические положения, суммирующие различные случаи, могут быть приведены в логическое соответствие друг с другом” (курсив наш. – Н. Г.) [Коллинз, 1998b, с. 258, 259]. С этой точки зрения «идеал» – это не только и не столько «жесткое» понимание теории как «дедуктивно организованной совокупности суждений» или «аксиоматической теории с меньшим числом базовых понятий и аксиом, и с большей долей дедуктивно выведенных (доказанных) суждений». Речь о том, что такая теория *при прочих равных будет более предпочтительна*. С этим никто не спорит. Потому что в реальности таких теорий (если мы не говорим о математике) не существует. «Существительные и глаголы содержат скрытые обобщения. Даже собственные имена не настолько частны (particularistic), как может показаться, поскольку они выделяют некоторую целостность, у которой, как предполагается, есть продолжающиеся во времени контуры и которая включает скрытую теорию того, что удерживает обозначенную сущность как целое: безобидное упоминание Франции или Парижа нагружено предпосылками. Дать имя, отвлеченное или индивидуальное, значит наложить схему того, что с чем соединено и что от чего отделено; на этом пути риторические формулы обретают реальность, а процессы со многими измерениями конструируются как единые, раскрывая предположительные причины того, что следует далее. Рассмотрим утверждение: “Победа Наполеона при Маренго окончательно укрепила его власть как Первого консула”. Это звучит как нарратив, в котором история создается героическими индивидуумами, но этот эффект достигается отвлечением индивидуума от организационного контекста. Предполагается мир, в котором войска организованы в дисциплинированные армии, причем таким образом, что командир может осуществлять централизованный контроль над быстрым организационным ответом; далее, предполагается теория боя, по которой превосходящее по численности войско, собранное на определенных типах местности, выигрывает битву; предыдущий боевой опыт делает войска более способными к таким маневрам; скорость и время продвижения войск определяют результаты битвы. Причем эти предпосылки могут быть, а могут и не быть верными в общем, их верность в данном случае надо доказывать. Этот же нарратив, например, также предполагает теорию государства, в которой решения принимаются непосредственно исходя из военных результатов; опять-таки это может быть верно при некоторых условиях, но только если мы заранее определим организационный контекст и соберем данные. То, до какой степени описанная последовательность событий делает рассказ связным, а объяснение адекватным, не может быть определено лишь на основе рассмотрения одного лишь нарратива. Знание не появляется просто из воздуха. Оно приходит частично в результате изучения достаточно широкого круга историй, которые позволяют нам говорить, что является центральными условиями, а что – локальными сопутствующими обстоятельствами, не имеющими значимого влияния на данный отдельный результат» [Коллинз, 1998a, с. 86–87]. Может показаться, что это звучит как убедительная критика нарративного объяснения. Но в то же время здесь также указывается на то, чего не хватает теории для того, чтобы стать лучше. И при этом закрепляется «мягкое» и гораздо более адекватное, на наш взгляд, представление о теории, которая в первую очередь есть достаточно непротиворечивая объясняющая модель явления, максимизирующая согласованность входящих в нее разных теоретических установок и эмпирических обобщений. И судя по всему именно на этот идеал (а не на идеал строгой математической теории, замкнутой относительно дедуктивного вывода) и направлен «методологический эмпиризм», который описывает Б. Фраассен и который был доступен еще Аристотелю, – на работу с неточными и интуитивными понятиями, которые связывают разные эмпирические данные и факты в единое когерентное и рабочее описание явления.

Речь идет не просто о демонстрации многообразия моделей нормативности и сопутствующих представлений, например, в надежде примирить их (естествен-

Небольшой комментарий о рассуждениях К. Гемпеля. Подчеркнем: все, что он говорит об объяснении, относится только к логической модальности. «The scientific explanation of the event in question consists of (1) a set of statements asserting the occurrence of certain events C1,..., Cn, at certain times and places, (2) a set of universal hypotheses, such that (a) the statements of both groups are reasonably well confirmed by empirical evidence, (b) from the two groups of statements the sentence asserting the occurrence of event E can be logically deduced» [Hempel, 1942, p. 36]. Так же как и в случае с рассуждениями Э. Гетье, единственно допустимый вывод здесь – это логика, о чем красноречиво говорит «logically deduced», и это, конечно, не оговорка. Это парадигмальное для позитивистов того периода представление о том, что достоверно опираться можно только на дедуктивный вывод. Естественно, вопрос о том, может ли реальная научная теория подчиняться логике дедуктивного вывода, можно даже не задавать. Собственно рассуждения К. Гемпеля «не про науку». Однако очевидно, что К. Гемпелю удалось схватить главное – связь гипотезы и подтверждающих данных. Эту связь за сто лет до К. Гемпеля раскрыл У. Уэвелл, но У. Уэвелл все-таки жил и работал в XIX веке, а мы говорим о современном научном знании. Вопрос о том, кто сделал больше для закрепления гипотетико-дедуктивной модели обоснования научного знания (которая *до сих пор* остается единственной универсальной моделью подтверждения научных гипотез; каждый ученый знает, что теория проверяется по ее следствиям и что новая теория лучше старой не только потому, что решает проблемы, которые старая не решала, но и потому, что открывает возможность исследовать новые пространства проблем, так как она шире по содержанию потенциально дедуцируемых из нее следствий) – К. Гемпель или У. Уэвелл, сродни вопросу о том, кто больше сделал для закрепления «классического» трехчастного определения знания – Р. Чизолм или Платон. И самое интересное то, что рассуждения К. Гемпеля можно «расширить». Что если заманить логическую модальность на естественную (от слова «естественные науки»)?

«Удовлетворить физическому закону» – это совсем не то, что «соотнести с математическим доказательством». Только дедукция (и только в соответствующей парадигме представления знания) может обосновать то, что если мы из теории дедуцируем следствие, а потом его проверим, то это подтвердит теорию. Это просто по-другому переписанный принцип «переноса» (transmissibility), или «замыкания» (closure). «Если я знаю P и знаю, что из P следует Q, то я знаю Q», – это работает *только* в том случае, если у вас логика рассуждений дедуктивная. В оригинальной постановке рассуждения К. Гемпеля в принципе не будут работать не только в физике, или геологии и биологии, но и, конечно, в истории. И в первую очередь потому, что в естественных науках (допустим, речь идет о них, ситуация в исторических естественных науках, не говоря уже о социальных и гуманитарных, намного хуже) модальность рассуждения другая, не логическая. Об этом хорошо пишет Дж. Лэдимен, ссылаясь на «О понятии причины» Б. Рассела: «laws physicists do produce are laws of functional interdependence, not statements of regularities. The adjective 'causal' applies to relationships, such as laws, regularities, correlations, or patterns of functional dependence. It is this adjective that picks out the most central causal notion. The noun 'causation' is best thought of as referring not to a specific relation, but rather to a property that is possessed by some relationships and not by others» [Ladyman et al, 2007, p. 22]. И это не только про «причинность», это про любую «онтологическую зависимость» (которая в общем случае не обязана быть именно причинной), в том числе про «номологическую». Возможно, конечно, Б. Рассел критикует регулятивную концепцию причинности потому, что не считает ее в нужной степени строгой, но тем самым он акцентирует внимание на важной идее – представления о причинности могут иметь разную модальность, отражать разные представления о нормативности. Откройте «Физическую причинность» (2000) Ф. Доу, сравните регулятивную концепцию, контрфактическую и манипулятивную/интервенционистскую по их внутренней логике рассуждения. Это разные с точки зрения нормативности представления. Хотим мы этого или не хотим, оценка вывода по типу нормативности – это точно такая же показательная оценка, как и, например, оценка по достоверности. И в этом смысле фразой «рассуждения К. Гемпеля – это идеал» уже не отделаться. Это не про «идеал», это просто другой тип нормативности. Конечно, вы можете рассуждать о дедуктивной строгости как об исключительной форме необходимости, но отсюда ничего не следует.

Обратите внимание на конфигурацию схемы рассуждений К. Гемпеля, на ее структуру. Здесь «начальные условия» подставляются в «универсальную гипотезу». Это ключевой момент. Никто не запрещает рассматривать «универсальную гипотезу» именно в том смысле универсальности, как ее видите вы, например, в той области знания, в которой работаете, применительно к тем вопросам и ме-

но, извиняясь за свое несовершенство и низко кланяясь «в духе ВЛМ») с принятыми в современной физике²⁶. Речь идет о том, что необходимость расширения

тодам исследования, которыми успешно пользуетесь. (Кто сказал, что термин «рабочий платонизм» С. Фукса относится только к объектам, он точно так же может относиться к методам и представлениям о нормативности.) Физический закон – это не регулярность, а взаимозависимость. Что есть в данном случае «закон»? Ответить не просто, но на каком-то этапе мы точно будем говорить об универсальности, о применимости во всех подпадающих под действие закона случаях. Здесь «универсальность» по своей природе не должна иметь ту же самую природу, тот же самый характер обязательности, который требует логическая нормативность. «Универсальность» нормативна по определению, и в основе ее могут лежать разные представления о необходимости. Никто не запрещает вам выбрать и следовать тому типу нормативности, который вам нравится, и при этом оставить саму схему рассуждений К. Гемпеля / У. Уэвелла той же самой. (Теперь она идеал, но уже в другом смысле, в методологическом, а не в ценностно-окрашенном с точки зрения достоверности.) Никто не мешает рассматривать познавательные процедуры так, чтобы они указывали на какую-то, скажем, неочевидным образом понимаемую универсальность (например, контрфактическое рассуждение, при должной глубине анализа, конечно же, может помочь сформулировать нужное «универсальное утверждение») и при этом сохранить очевидное (казалось бы) представление о связи гипотезы и подтверждающих данных. «Гемпелевская» (по виду) схема рассуждений с такой «универсальностью» никогда не будет «гипотетико-дедуктивной схемой» (это не логическое рассуждение в собственном смысле слова), в лучшем случае «номологической», – но это просто будет означать, что в науке мы ценим практику эвиденциального подкрепления выше, чем условную «логику», связывающую гипотезу и предсказание.

Вернемся к рассуждениям К. Гемпеля. Значительная часть философии науки во второй половине XX века – это поиски того, как говорить «в стиле Гемпеля», не говоря в стиле К. Гемпеля. Это поиски того, как можно ослабить жесткость и первичность логической модальности, когда мы говорим про объяснение, понимание, предсказание, обоснование и т. д. Общая канва подобных рассуждений такова, что схема «а-ля Гемпель» должна работать везде (поскольку она работает в логической модальности, именно поэтому она «недостижимый идеал»), но одновременно это же и означает, что «собственно схема рассуждений К. Гемпеля» за пределами очень узкого класса постановок задач и моделей представления знания работать не будет. И все это в конечном итоге наглядно показывает то, чего, собственно, мы хотим от хорошего представления о научном знании. Как блестяще заметил Р. Коллинз: «Ядро науки – это гибкий эмпиризм, работающий где необходимо с неточностями и интуитивными понятиями и оставляющий много места для теоретической работы, связывающей разные факты. Чтобы преуспеть в позитивизме, надо работать неопозитивистски» (цит. по [Розов, 2002, с. 110]).

²⁶ Причины того, что можно обозначить как определенное «нерефлексивное возвеличение физики и соответствующих форм вывода, подчеркивающих значимость дедуктивной логики», требующее принять за канон научного исследования именно физику, вполне понятны. Физика и сопутствующее представление о достоверности знания во многом формировали логику позитивизма (всех четырех титульных этапов и гораздо большего количества производных проектов), которая до сих пор если и не доминирует, то точно незримо присутствует в парадигме сциентизма. «Гипотез не измышляй!», соответствующее представление об основаниях консенсуса и его достижении, вместе с достаточно ясным представлением о том, что считать за «передний край», – это дорогого стоит. И речь не только о позитивизме, соответствующем идеале строгости научного знания и его влиянии на философию науки. Установка «на физику» уже давно вышла за пределы сугубо академических кругов. Здесь можно вспомнить так называемый и достаточно условный «спор физиков и лириков» в 60-х–70-х годах XX века (если исключить очевидные политические мотивы и вполне понятную критику клерикализма, которая могла принимать разные формы в разных странах и в разных контекстах, это не только science wars из 1990-х), который, конечно, в лучшем случае является отражением закрепления на определенном историческом этапе, с учетом конкретного состояния общества определенной логики «властных отношений» (по М. Фуку) в обществе. Очень упрощенно: физики сделали атомную бомбу, чем буквально обеспечили беспрецедентный уровень финансирования и соответствующее отношение государства к определенным областям знания. (И речь, конечно, не только о физике, – химии «сделали» резину и пластмассу, которые, рискуем предположить, повлияли на развитие человечества гораздо больше, просто их «революция» не такая яркая.) Это повлекло за собой изменение в социальном статусе «правильного ученого» (хотя, конечно, исторически это «изменение» уже было заложено в «знание – сила» Ф. Бэкона, – взгляде государственного деятеля на то, на чем реально основаны по-

представления о нормативности, о допустимости разных представлений о необ-

литическая мощь страны и благосостояние нации), а также формирование соответствующих, даже косвенно возникающих как позитивных, так и негативных трендов в культуре, на основании которых условные «физики» были готовы выступить в патерналистских позициях в отношении представителей других областей знания. Что, конечно, привело на определенном этапе развития культуры и в определенном контексте к просторечному пренебрежению по отношению ко всем, кто «не физик», которое, рискуем предположить, всего лишь скрывает банальное невежество. И философия в данном случае хороший пример. Очень часто, рассуждая об условных «философских вопросах», условный «физик» не соотносит содержание вопроса и многообразие вполне легитимных, но очень разных философских оснований, на которых может строиться ответ. Попросите вашего знакомого физика/химика/инженера порассуждать, например, о причинности или материи. В.И. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» (1908) приводит массу примеров «поспешных», не сказать больше, высказываний, авторы которых, на наш взгляд, сознательно не хотели придать хоть сколько-нибудь строгое философское содержание своей позиции. «Материя исчезла, ах-ах, поэтому нас спасет только отрицание метафизики». И это понятно. Сама логика их деятельности (вспомним «парадигму» Т. Куна) запрещает им «быть рациональными» по-другому, – отступать от закрепленной на данном историческом этапе трактовки эмпиризма. И ожидать на этом фоне того, что условный «физик» серьезно отнесется к совершенно другому типу риторики, предполагающему, что оснований философской теории может быть много, они разные и что их выбор может быть обусловлен чем угодно (скажем, не может быть закреплен «по учебнику»), и должен быть следствием именно осмысленной рефлексии и понимания «цены» этого выбора, – довольно сложно. Но условный «физик», конечно, этого не видит.

Еще одним примером, кроме очевидного нежелания связываться с философией как таковой, является игнорирование вопроса о том, что физика (как и философия!) является понятийной формой мышления, а значит не может объяснить все и сразу. Это тоже философский вопрос, и очень важный, хоть и менее заметный, чем, скажем, противопоставление дуализма и материализма. Парадокс в том, что для хорошего, работающего в парадигме «физика» этот факт должен оставаться за кадром. А между тем, кроме того, что «понятийный характер знания» входит в прямое противоречие с любой претензией на истинное знание о мире, также нельзя не подчеркнуть, что «понятийность» как минимум означает не только требование к строгости аргументации, но и «политический» (теперь уже по Р. Коллинзу, социально обусловленный, связанный с нормами поведения субъектов, считающими себя членами определенного сообщества) характер дискурса. «Знание – это информация, а подлинная информация, подобно подлинному смыслу, должна иметь реальные (в физике – физические) условия своего существования. В противном случае она будет псевдоинформацией. В данном случае информация не является абстрактной сущностью, оторванной от физического мира. В этом (слабом) смысле она физична. Утверждать, что информация физична в буквальном смысле – смешивать идеальную информацию с реальными условиями её существования, то есть редуцировать эпистемическое понятие информации, имеющее ментальное и семантическое измерения, к техническому понятию информации. В этом смысле, например, законы природы – это в-правила, которые вырабатываются в реальности, в рамках формы жизни, на практике. В этом смысле законы природы вторичны, не предопределены» (цит. по: [Прись, 2025] в этом номере журнала. Мы благодарны Игорю Евгеньевичу Присю за акцент на этом аспекте знания, а также за комментарии в ходе обсуждения предварительных версий этой статьи). Упоминание «формы жизни» в данном случае означает, что рефлексивная позиция должна включать массу оговорок, о которых в определенные моменты и в определенных спорах просто забывают. (В том числе потому, что в науке так рассуждать не принято. Попробуйте усомниться в квантовой механике, и дело не в том, что в ней нельзя сомневаться или что в «физике» не допускается рефлексивность и возможность множества оснований построения теории, – дело именно в «парадигмальной установке», буквально запрещающей критику. Конечно, все понимают разницу между «парадигмальным контекстом» и «контекстом открытия», но мало кто соотносит разницу между ними в разговоре с условным «гуманитарием».) Как следствие часто попытка обосновать то, почему современное понимание науки должно начинаться с физики (как вариант, почему геггелевское представление об объяснении должно выступать идеалом объяснения для исторических наук), превращается в разговор слепого с глухим. В том числе потому, что «рабочий платонизм» физиков мешает им понять то, что объекты, которые они изучают, буквально сконструированы той парадигмой, в которой они находятся (это не означает, что электрон не существует!), что сама парадигма – это не абсолютная истина, а лишь рабочая установка, позволяющая эффективно работать (см., например, [Розов, 2006]). И это никак не бросает тень на священную объективность знания физиков! Но для того чтобы это понять и как-то в хоро-

ходимости, – это прямое следствие *исторического развития* содержания научно-

шем смысле дистанцироваться от самой «парадигмальной» / «политической» практики науки, хотим мы этого или нет, требуется должная философская подготовка.

В качестве примера того, насколько все может быть плохо, приведем дискуссию об интерпретациях квантовой механики и, в частности, причитания (совершенно бессмысленные, на наш взгляд) о том, что «нам нужна такая интерпретация, которая адекватно задаст региональную онтологию». Наши коллеги Павел Анатольевич Французов и Александр Валерьевич Нечипоренко указывают (и, конечно, не только они, но в данном случае пример интересен тем, как именно ставится проблема) на то, что квантовая механика как новая парадигма представления научной теории отличается от предыдущей парадигмы – классической механики – тем, что допускает произвол задания «интерпретации» (см.: [Французов, Нечипоренко, 2020]). В классической парадигме мы говорим о необходимости «трех этажей» физической теории – «математическом формализме», «региональной онтологии» и «базовых опытах и экспериментах». И если в классической теории, – отмечают П.А. Французов и А.В. Нечипоренко, – уровень «региональной онтологии» задают «базовые идеализации» (материальная точка, нерастяжимая нить и т.д.), то в квантовой механике нам нечего поместить между «математическим формализмом» и «базовыми опытами» кроме собственно «интерпретации». Проблема описания процесса измерения (в каких терминах? в каких парадигмах представления онтологии физических объектов?), а вместе с этим и отсутствие адекватной трактовки понятия «событие», приводят к тому, что «число различных интерпретаций квантовой механики равно числу физиков». Особенно интересно звучат рассуждения о понятии «события»: «базовым категориальным понятием новой онтологии должно стать понятие события. В современной физической картине мира существует единственный вид события в приложении к квантовому миру – это измерение, происходящее во взаимодействии квантовой системы с измерительным прибором. Но у нас нет адекватного теоретического аппарата описания для таких событий, поскольку эволюция измерительного прибора не удовлетворяет ни уравнениям классической механики, ни уравнениями квантовой теории. С другой стороны, мы сталкиваемся с примерами явлений, которые могут считаться событиями, но, очевидно, не являются измерениями. Явным примером события, отличного от измерения, является испускание фотона идеальным источником одиночных фотонов. В случае идеального источника, даже не проводя измерения, мы уверены в том, что после подачи запроса фотон испущен (то есть произошло явно необратимое событие, не являющееся измерением) с вероятностью 100%. ... Квантовый мир представляет собой “океан”, в котором происходит квантовая эволюция, недоступная для наблюдений. Классический мир – подобен льду на поверхности. Квантовая эволюция приводит к возникновению событий – “пробоев” льда, наблюдаемых следов на поверхности льда. События необратимым образом меняют состояние квантового мира. Вся динамика классического мира представляет собой лишь последовательность событий, связывание следов. Математический аппарат новой теории, по всей видимости, должен объединять “явную” классическую динамику, базирующуюся на событиях (актуальное бытие), и “скрытую” квантовую динамику (потенциальное бытие). Событие должно обладать следующими признаками: (1) событие – это не обязательно измерение, (2) измерение – это специально спроектированное событие, (3) событие необратимо, (4) событие дискретно (неделимо), (5) событие классично (не может быть суперпозиции событий), (6) некоторые события не являются локальными» [Французов, Нечипоренко, 2020, с. 107–108]. На наш взгляд, все эти рассуждения в значительной степени являются следствием весьма распространенного заблуждения, вызванным непониманием (а) того, что, собственно, собой представляет последовательная эмпиристская (в том числе в смысле *“empirical stance”* Б. Фраассена) точка зрения, а также (б) того, что, собственно, утверждает тезис Дж. Лэдимена и С. Френча о том, что «понимание частиц как индивидуальных объектов играет лишь эвристическую роль» (наша интерпретация дана в [Головкин, Эртель, 2020]). И это именно разговор о «границах достоверности рассуждения», который предлагается философами как хороший, на наш взгляд, вариант онтологии, одновременно и отвечающей запросам квантовой механики на неклассическое представление о физическом объекте, и сохраняющей верность эмпиризму). Этих двух тезисов вполне достаточно для того, чтобы понять, что классическое представление о «трех этажах» физической теории – это лишь внешняя «мотивирующая» сторона построения адекватной онтологии физической теории, которая не может играть ту роль, которую ей приписывают П.А. Французов и А.В. Нечипоренко. Но давайте по порядку.

Ошибка подобного рода рассуждений заключается в том, что авторы забывают о том, что философия – это понятийная теория. Здесь «понятийность» будет означать как раз то, что основания аргументации не могут быть какими угодно и, в частности, чтобы не оказаться в ситуации, в которую попадает Э. Гетье, что аргументация должна быть строгой, но именно в том смысле строгости, кото-

рый отвечает поставленной задаче. Более того, философия – это исторически развивающаяся область знания. Это значит, что за две с половиной тысячи лет было сформулировано несколько самостоятельных устойчивых форм – способов раскрытия проблематики, формирующих свои парадигмы внутри общего поля исследований. При этом такие «устойчивые формы» не произвольны, их не бесконечное множество и что важно – нельзя сказать, что они эволюционно сменяют друг друга, в каждый период истории они сосуществуют друг с другом. «Философия – это комментарий к диалогам Платона», – с этим все согласны. Основания комментирования могут быть самыми разными, но отсюда не следует то, что они являются произвольными. Любое возможное «основание комментирования» должно быть явно встроено в известную проблематику и четко прописано. Любое философское рассуждение такого рода должно начинаться не с удивления «у нас нет региональной онтологии», а с реконструкции «проблемного поля», внутри которой будет видна лакуна (указание на которую может быть сформулировано только(!) в терминах одной из принятых парадигм анализа соответствующих вопросов), которую по каким-то (своим, философским, теоретическим!) причинам надо заполнить. Без этого вы потеряете строгость, а значит и значимость рассуждения. Для кого-то будет удивительным узнать, что большую часть времени современный философ-профессионал тратит не на то, чтобы «срывать покровы» или «строить безумные теории», а на то, чтобы обосновать, что «реконструкция проблемного поля», та самая «конкретная расстановка соперничающих позиций», в которой была обнаружена лакуна аргументации, на самом деле является достаточно последовательной и достоверной. Именно для того, чтобы полученный в конце концов результат можно было бы полноправно и без оговорок считать «продвигающим понимание в рамках соответствующей предметной последовательности». Вот цель деятельности философа. Просто потому что именно этого требует хорошая профессиональная теоретическая философия.

Любой разговор в стиле «нам не нравится копенгагенская интерпретация квантовой механики», при прочих равных, должен начинаться не с того, что мы видим проблемы, которые не схватываются теорией (то, что вы видите как «проблему», например, отсутствие чего-то, – еще ничего не значит), а с вопроса о том, на каких основаниях должна строиться ваша новая онтология квантовой механики, если уж об этом пошла речь. Нельзя просто сказать «я придумал онтологию». Сначала необходимо должным образом реконструировать основания имеющегося представления, убедиться в том, что они не работают (в каком месте? почему? что не так?), – в нашем случае как раз «реконструкция оснований» и покажет, что никаких проблем нет, – и только потом, осознанно отказавшись от старых оснований, выбрать новые (не существующие произвольно просто так в воздухе) и приступить к реализации проекта. Сначала реконструкция, потом, если нужно, переход к новым основаниям. Конечно, кто-то скажет, что подобные установки выглядят красиво только на бумаге. Можно вспомнить И. Канта. Можно ли считать легитимным способом задания новых оснований онтологии конструктивистский ход рассуждений с добавлением в онтологию уровней сознания и подобных вымышленных сущностей? К счастью, у нас есть Дж. Лэдмен. «Содержательная» (метафизическая) сторона дискурса – само содержание онтологических представлений, – не может быть решена усилиями физиков и философов, воспитанных в духе «неосхоластики» (использование эвристических средств, не отвечающих либо являющихся упрощенным школьным представлением трактовок, принятых в современной научной парадигме, – пустое трехмерное пространство, супервентность, апелляция к логической возможности и т.д.) (см.: [Laduman et al., 2007, § 1.2]). И в этом смысле если перед вами вопрос: «Чем мотивировать построение очередной интерпретации квантовой механики – общим представлением о необходимости “региональной онтологии” (которая нужна для того, чтобы задать “непротиворечивое” понимание процесса измерения) или вполне конкретным (и сопряженным с выбором определенной метафизической онтологии физического объекта) понимаем того, что “физические объекты – это области пространства-времени, сохраняющие характеристики, которые мы приписываем объекту”, занимающему эту область” (У. Куайн)?», то, на наш взгляд, выбор очевиден.

Что можно сказать об основаниях копенгагенской интерпретации? Здесь, конечно, непомерное удивление вызывает гений Нильса Бора, который еще в 1927 году выбрал парадигму «замолчи и считай!». Он сделал это еще до того, как (а) в мировоззрении современного человека закрепилось представление о том, что такое «научный эмпиризм» (в рамках последовательно эмпиристской точки зрения не может быть состояния «кот ни жив, ни мертв»; электрон, проходя через полупрозрачное зеркало, не разделяется, это математическое выражение, описывающее его «состояние», приобретает второе слагаемое [этот пример особенно хорош тем, что тут можно вспомнить, например, что представление комплексных чисел в математике давно закрепило идею, что если перед вами сумма, отвеча-

ющая одному «состоянию», – комплексное число можно представить как вектор на комплексной плоскости, – то совершенно не обязательно, чтобы *каждое* из слагаемых отвечало чему-то «реальному»] и т.д.). И (б), *задолго до* того как современная философия (особенно та ее часть, которая близко к сердцу приняла то, что позитивизм, можно взять шире – «сциентизм» как представление о том, что «метафизика науки может обойтись без метафизики», – в самых разных его интерпретациях все-таки не может рассматриваться как достаточно универсальная платформа для интерпретации научного знания [мы имеем в виду начинающийся в 1990-х рост популярности темы научного реализма, который является метафизической теорией!]) согласится с тем, что тезис «о конечной выразимости знания в конкретных языковых системах» *не может быть единственным тезисом*, разделяющим реалистскую и анти-реалистскую трактовку явления [лучшим примером, на наш взгляд, тут является понимание Х. Патнэмом того, что дескриптивная теория указания в лучшем случае) может привести нас только к внутреннему реализму (наша интерпретация дана в [Головкин, 2007а])] (мы благодарны Виталию Валентиновичу Целищеву за акцент на важности последнего замечания).

Непонимание того, что метафизическая платформа, которую выбрал Н. Бор, на самом деле не требует каких-то дополнительных метафизических тезисов (просто потому, что принятые метафизические допущения уже достаточно адекватны для того, чтобы опирающаяся на них научная теория была достаточно сильной и в плане схватывания предмета исследования, – вам всегда расскажут, что квантовая механика является беспрецедентно успешной теорией, за сто лет нет ни одного математического предсказания, которое бы не подтвердилось, или появился бы результат, который нельзя было достаточно быстро облечь в подходящую и даже «предписанную» математическую форму, – и в плане конкурентоспособности – совершенно непонятно, зачем нужно добавлять что-то еще к обозначенным «эмпиризму» и «недостаточности тезиса о конечной выразимости знания для обоснования реализма», ведь «бриту Оккама» как принцип построения метафизической теории еще никто не отменял) и приводит, на наш взгляд, к полудетским забавным вопросам: «куда пропал и был ли фотон, проходящий по другим возможным траекториям», «может быть, замешаны скрытые параметры», «может быть, электрон обладает сознанием», «может быть Вселенная расщепилась» и т.д. В частности, именно поэтому Дж. Лэдимиен и вводит понятие «неосхоластика», именно для того чтобы обозначить то, на каких основаниях находятся те условные «физики», которые задают эти вопросы и ищут новые «самые истинные» интерпретации. (И, конечно, нет никаких оснований запрещать этот поиск, равно как, например, и обсуждение других оснований теории, поскольку все это вполне может выступать эвристическим средством дальнейшего развития квантовой механики и ее приложений.) Мир поменялся, не нужно смотреть на него из парадигмы «старой» теории, в роли которой чаще всего выступает «классический мир». Условная «проблема интерпретации» была точно так же актуальна для классической физики, как и для квантовой механики (достаточно вспомнить дискуссию вокруг «принципа Маха»), – ведь мы имеем дело с понятийными системами, которые по определению ограничены содержанием используемых понятий, – просто говоря о классической физике, сейчас мы эту проблему не замечаем. То же самое можно сказать и о понятии «скорость света» в специальной и общих теориях относительности. Для кого-то это не скорость в привычном обыденном смысле, а коэффициент, который делает заданное геометрическое представление пространства-времени более понятным. Почему нет. Просто во всех этих случаях, по-хорошему, нужно бы соотносить утверждения научной теории и скрытые метафизические предпосылки, которые, будучи представленными явно, почти наверняка снимут большую часть затруднений. Копенгагенская интерпретация Н. Бора не требует никаких дополнительных «интерпретаций» просто потому, что это последовательно применяемый эмпиризм периода, когда все считали, что «метафизика науки должна обойтись без метафизики».

Вернемся к философии. Существует не так много адекватных (мы отказываемся считать таковыми кантовский конструктивизм и другие варианты неосхоластических рассуждений) оснований, на каких можно построить достаточно полную «метафизику науки». Вполне естественно ожидать, что одного ответа на вопрос «в каком смысле существует электрон?» недостаточно. Не нарушая общности рассуждений и не претендуя на исчерпывающую полноту и строгость обозначим как минимум «эмпиризм» (как мы видели, может существовать несколько интерпретаций), а также проекты, следующие в русле хорошо известного парадигмального противопоставления «субстанциализма» и «номинализма». Все это снова возвращает нас к разговору о первом философе, способах представления метафизической теории и исторических этапах развития философии, но здесь наша задача, скорее, показать неизбежность интерпретации Н. Бора. В рамках последовательно проводимой эмпиристской точки зрения нет понятия «кот не жив, не мертв», не имеет смысла задаваться вопросом о внутрен-

ней структуре «связанного» состояния, точно так же как спрашивать «является ли испускание единичного фотона событием?». Здесь нельзя сказать, «наблюдение изменяет реальность» просто потому, что вопрос о том, что изменяется, вопрос о реальности «вне эмпирически данного» не считается осмысленным. (И при этом никто не запрещает трактовать связь события и измерения не «напрямую», а, например, в терминах контрфактических суждений. Для того чтобы концептуально схватить «факт выстреливания единичного фотона, который не является событием в классическом смысле», не нужно изобретать велосипед. Есть масса теоретических средств, разных нормативных представлений, которые способны схватить и проинтерпретировать какой угодно тип отношений, и при этом они не будут требовать от вас перейти к другой «онтологической трактовке события».) Существует только то, что «эмпирически наблюдаемо». Это требование метафизической теории, которая отвечает на вопрос «что значит существовать?». Как вариант можно говорить о значении протокольных предложениях, соответствующей логической структуре научной теории и отношению к «эмпирическим данным», о связанных (bounded) переменных «хорошо проинтерпретированной научной теории». А можно говорить о паттернах, которые вы, находясь в той или иной интенциональной перспективе, выделяете в данном наборе эмпирических данных. Все это дела не меняет. Данные наблюдений и экспериментов являются *единственным* источником знания. Что можно сказать о других доступных метафизических проектах? Кто-то реально хочет вернуться к субстанциализму? Последней хорошей (гарантированно пригодной для интерпретации научного знания) субстанциалистской теорией был диалектический материализм В.И. Ленина (см.: [Головкин, 2013]), но он же показал все проблемы субстанциализма. «Материя – это философская категория для обозначения объективной реальности» – и это максимально допустимое представление о субстанции, которое может позволить себе метафизика, до того как все рассуждения «превратятся в детский сад». Любой номиналистский вариант онтологии, поскольку речь идет о научном знании, так или иначе будет связывать значение основных объясняющих понятий с каким-то про-эмпиристским тезисом. Неважно, о чем вы говорите, о сущности вещи и ее реальном определении в нео-аристотелизме (который в настоящее время является «главной» метафизической концепцией), или понимаете электрон как набор (bundle) троп или «положение дел», – априорные рассуждения и концептуальный анализ, конечно, позволяют определиться с онтологическими категориями, но нельзя строить метафизику науки, рассуждая только об универсалиях. Правда в том, что метафизика науки должна «быть научной» (Дж. Лэдимен). И эмпиризм обязан здесь играть определяющую роль, даже ценой некоторого интеллектуального дискомфорта, который, как мы понимаем, вызван исключительно неосхоластическим «раньше было лучше».

Вопрос о соотношении науки и философии (уж если мы до него дошли) не является простым в том числе потому, что неясно, сколько «науки» и сколько «философии» в конечном итоге должен содержать ответ. Проблема в том, что слова, которые мы используем для того, чтобы дать ответ, сами по себе несут метафизическую нагрузку. И если философия – это понятийная теория, то по идее мы, по крайней мере, должны требовать от себя оставаться достаточно строгими. В то же время одна из особенностей философского дискурса заключается в необязательности давать полный ответ. В том числе (не только поэтому!) потому, что требуемые отношения между понятиями, как и содержание самих понятий, никогда не будут такими же строгими, как в математике. Предоставляемый ответ никогда не будет таким, каким его хотел бы видеть нормальный ученый. (Позитивизм не справился с установленным самими позитивистами представлением о строгости.) Нечеткость дискурса, многообразие концепций и способов построения из них «осмысленных конфигураций» (вместе с тем, что мы не можем требовать от условного «ученого», который, предположим, прослушал базовый аспирантский курс по истории и философии науки, знакомства с требуемыми вопросами даже на начальном уровне, – даже если это был сильный курс и преподаватель-подвижник, который сумел заинтересовать, далеко не все зависит от преподавателя) – все это создает веселую ситуацию, когда каждый может говорить что угодно, и это все равно будет называться философией. Да, может показаться, что раз мы говорим о науке, то наиболее правильной будет точка зрения «от науки». Но о какой науке идет речь? «Теория теплорода – феноменологическая, что бы это ни значило, а молекулярно-кинетическая теория – более достоверная, хотя и была фальсифицирована по Попперу еще в XIX веке» (мы благодарны Евгению Борисовичу Рудному за пример и комментарии, личная коммуникация. Но что если мы говорим, что кинетическая теория газа «истинная» только потому, что уверены, что завтра не возникнет новой парадигмы. И, конечно, у нас есть основания так говорить, учитывая обсуждаемый уровень анализа физических явлений. На более фундаментальных уровнях ситуация с возможностью появления новой парадигмы, скорее всего, не такая однозначная.) Может показаться, что наука ищет одно правильное решение, но на самом деле и в науке, и в философии решение всегда контекстуально.

го мировоззрения²⁷. Аподиктический характер необходимости, ассоциирован-

Просто в науке эту «контекстуальность» гораздо проще реконструировать, – ее закрепляет парадигма. В какой науке? В физике и химии вполне осмысленно выглядит апелляция к законам – универсальным общим утверждениям, которые выполняются во всех надлежащих случаях, но что насчет геологии и палеонтологии? А что насчет еще более отдаленных от условного «идеала», – в роли которого почему-то(!) всегда выступает физика, – археологии, психологии и антропологии? Это еще науки или уже нет? И правильный ответ, на наш взгляд, заключается в том, что наука, как и философия, – это понятная форма мышления. Это значит, что «контекстуальность» неизбежна, и главная роль (в частности, в разговоре о соотношении науки и философии) должна отводиться ее реконструкции с четким пониманием того, что содержание понятия всегда исторично и ограничено. Непонимание этого ведет к нескончаемой веренице псевдопроблем, суть которых в том, что вопрошающие спутали «пропозициональный и доксистический контексты соотношения убеждения и оснований, на которых оно принимается», – они задают вопрос теории, которая строится в другой парадигме.

²⁷ Одним из примеров того, что историческое развитие научного знания способно внести коррективы в казалось бы неизбывное намеренное представление о науке, научном методе и научном знании, доставшееся нам от Р. Карнапа и У. Селларса, является эволюция – по крайней мере претензия на то, что мы уже можем обозначить ситуации, которые не укладываются в стандартное представление, – представления о преодолении недоопределенности теории данными посредством обращения к гипотетико-дедуктивной схеме У. Уэвелла. Не вдаваясь в детали, укажем на проекты «расширенной гипотетико-дедуктивной модели обоснования научного знания» Р. Дэвида (одно из первых упоминаний можно найти в Dawid R. *Realism in the Age of String Theory* (deposited: 7.06.2003). *PhilSci Archive. An Archive for Preprints in Philosophy of Science*. URL: <https://philsci-archive.pitt.edu/1240/>, дата обращения: 25.02.2026; наша интерпретация приводится в [Головкин, 2005; 2007с]), а также на «Новый тип науки» (2002) С. Вольфрама (момент, который нельзя пропустить [Головкин, 2021]). Оба примера не без проблем. Р. Дэвид – известный сторонник теории струн, С. Вольфрам – бизнесмен, продающий «Mathematica» (см.: Wolfram Mathematica (rev: 12.02.2026). *Wikipedia. The Free Encyclopedia*. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Wolfram_Mathematica, дата обращения: 25.02.2026). Существование структурно-однозначной (structurally unique) теории, которая единственным образом предсказывает все имеющиеся эмпирические данные (единственным образом определяет описание низкоэнергетических явлений, доступных проверке экспериментально), развитие которой представляет собой «поиск новых аспектов одной общей теоретической схемы, чьи характеристики дают возможность определить ее как предельную (final) теорию, чья сложность дает основание оставить (bar) предположение о достижении достаточно полного понимания в обозримом будущем» [Dawid, 2006, p. 319], конечно же, дело далекого будущего – ее нет на руках, и даже аллюзия на теорию струн не спасает). Но если вы внимательно читали Э. Виттена (даже популярные изложения сути Второй революции, например, [Witten, 1997]) и задумывались о том, что такое «дуальность» и какую роль она играет в представлении научной теории (в том числе и в классической физике!), то все указания Р. Дэвида на то, что «традиционный показатель эмпирического успеха науки (успешная теория должна делать эмпирически проверяемые предсказания) уже не является релевантным отражением успешности науки, что развитие теории струн уже не делает эмпиризм окончательным судьей в вопросах обоснования научной теории», и даже на то, что «достаточным условием подтверждения теории может считаться выдвижение теоретического принципа (например, будем рассматривать не точечную частицу, а протяженную. – Н. Г.), способного привести к более адекватному (связному, обладающим большим эвристическим потенциалом и т.д.) пониманию теоретической картины явления», уже не кажутся слишком наигранными. То же самое, на первый взгляд, восхищение С. Вольфрама теорией графов и концепцией конечных автоматов продиктовано простым психологическим эффектом, который вы переживаете, когда встречаетесь с действительно мощным инструментом концептуального анализа, и вам кажется, что вы постигли тайну мира (аналогичные ощущения возникли у нас после первого знакомства с работам Дж. Лэдмена и логики анализа явлений, заложенной в «Реальных паттернах» (1991) М. Деннета). Но есть «Математика», которая давно (автор пользовался пакетом Mathematica 3 при написании диплома в 1998 году) и успешно продается, есть большое количество «подражателей» (было бы странным отдать С. Вольфраму пальму первенства в плане постановки задачи использования компьютерной симуляции и статистических алгоритмов для поиска неочевидных решений, см. например, «Жизнь на скорости света» (2013) К. Вентера), наконец, есть области математики, с точки зрения которых «физика Вольфрама» не является такой уж и странной, – гораздо менее странной, чем теория струн. И в каком-то смысле это все реаль-

ной с дедуктивной логикой, – это лишь исторический эпизод, вызванный вполне конкретной исторической ситуацией и уровнем миропонимания, – конкретными «парадигмально закрепленными» требованиями к виду теории, к логике работы с понятиями, к допустимому типу нормативности²⁸. (Что, конечно же, не отрицает очевидные историческую значимость, продуктивность и вполне понятную претензию на фундаментальность проекта «логических оснований аргументации»). Однако совершенно очевидно, что мы не просто так говорим, что *любая хорошая теория обязана иметь четкие границы применимости*. Настаивать на том, что все остальные науки (кроме физики) какие-то не такие, потому что в них не работает священная логическая интерпретация гипотетико-дедуктивной схемы У. Уэвелла (как вариант – не работает известное представление об объяснении К. Гемпеля), – просто неуместно. И дело совсем не в акценте на многообразии практик и моделей нормативности, а в акценте на неизбежности исторического развития общего представления о выводе. Если вы согласны с тем, что понимание необходимости в физике и в математике разное и что доказывать большую истинность какого-то одного из них бессмысленно²⁹, то и «отрицание необходимости универсального

ные, хорошие примеры, указывающие на ограниченность (что вполне логично) стандартного представления о том, что такое научный метод, которое закрепилось к середине XX века.

²⁸ Не нужно думать, что внешним образом ситуация с представлением о фундаментальном характере логической рациональности чем-то отличается от множества аналогичных. Подчеркнем, речь идет именно о внешней риторике, мы не хотим сказать, например, что логическая рациональность сама по себе уже в прошлом. Речь о восприятии чего-то, когда намеренное содержание понятий исключительно идеологически подменяется симулякром, который оказывает гораздо большее психологическое воздействие на субъекта, чем можно было бы ожидать от того, как если бы субъект понял содержание понятия и делал бы мировоззренческие выводы, опираясь на это понимание, а не на идеологический призыв. Б. Латур, рассуждающий о том, что Средневековья не было, И. Валлерстайн, говорящий о «длинном XVI веке», Ф. Фукуяма и конец истории, – это не «объективные» (именно в историческом смысле предзаданного парадигмального god-eye-view-представления, в которых все события – именно в силу своих принятых оснований – имеют свое однозначно определяемое место в истории) репрезентации, а следствия вполне конкретных специально отобранных контингентных теоретических установок и моделей, которые авторы намеренно ставят вперед других так, чтобы получить нужную им функционально значимую интерпретацию. Мы не хотим сказать, что с логикой совсем то же самое, но разницу между логической и метафизической модальностями (по Дж. Лоу) никто не отменял, независимо от того, каких успехов достигает парадигма, в основе которой лежат эти, ставшие уже (по каким-то причинам) священными, допущения и установки. Сам факт того, что мы можем задаться вопросом о «Средневековье» как о периоде европейской истории, который по каким-то признакам можно противопоставить (а можно и не противопоставлять!) также по каким-то признакам определяемым «Античности» и «Новому времени», или о том, зачем вообще мы говорим о либерализме, который по каким-то признакам «дошел до предела удовлетворения потребительской способности», и т.д. – является достаточным основанием, чтобы рассмотреть соответствующую не-самую-парадигмально-оправданную интерпретацию и подумать о ее основаниях. И это будет еще одним эвристическим средством, апеллирующим к тому, что знание имеет именно понятийный характер.

²⁹ Интересный пример приводит Е.Б. Рудный: «С моей точки зрения при обсуждении квантовой механики в частности и физики в целом в обсуждениях философов и физиков пропадает из виду важный вопрос о математическом формализме физической теории. То есть требуются специальные усилия для обсуждения вопроса, каким образом математический формализм связан с миром. О чем спорят физики и философы при рассмотрении квантовой механики? О математическом формализме квантовой механики или о мире, который описывается этим формализмом? Вы говорите об эмпиризме. Это относится к миру. Но квантовая механика является физической теорией, построенной на базе определенного математического формализма. Назвать эту теорию эмпиризмом никак нельзя. Можно обсуждать возникновение этой теории, использование этой теории, но нельзя сказать, что это эмпирическая теория. В качестве примера приведу статью: Garberoglio G. et al. «Ab initio calculation of

познающего субъекта» в феминистской философии науки, и «необходимость коррекции требования повторяемости и воспроизводимости эксперимента» в геологии, не говоря уже о необходимости нарративного объяснения в истории, – все

fluid properties for precision metrology» (J. Phys. Chem. Ref. Data, 2023, 52, 3), они пишут: «In the case of helium, computational results have accuracies that exceed the best experimental data by at least one order of magnitude and are suitable to be used in primary metrology». Как можно в этом случае называть теорию квантовой механики эмпирической? Есть теория, есть мир, есть реальные эксперименты, и теоретические расчеты дают лучшие результаты, чем эксперименты. Это пример того, что физическая теория есть математический формализм и иногда можно теоретически получить более точные значения, чем в эксперименте. Возможно, все это странно звучит, но так оно и есть.

Причина разговоров про интерпретации квантовой механики связана с правилом Борна. Это правило связывает теорию и эксперимент, но связь идет через понятие распределения вероятностей. Тем самым проведение экспериментов связывается со случайной величиной, но представить себе существование случайной величины? Интерпретации – это воображаемые механизмы, обсуждающие существование случайной величины. Проблема заключается в том, что эмпирически доступно только распределение вероятности и с точки зрения экспериментов про воображаемые механизмы ничего нельзя сказать. Участники обсуждают исключительно математический формализм квантовой механики. Слова наблюдатель и измерение принадлежат только математическому формализму. Реальный физик-экспериментатор и проведение реального эксперимента в лаборатории из обсуждения исключаются. При этом идеалом исследования полагаются теории классической физики, но парадокс в том, что они точно так же рассматриваются в отрыве от проведения реальных экспериментов в лаборатории. Озвучиваются ложные ожидания, что в классической физике можно провести измерения с какой угодно точностью. Неявно подразумевается, что теоретики могут указать природе, как она должна себя вести при проведении экспериментов – согласно теории классической или квантовой механики. И нигде тут не удастся перевести разговор на проведение реальных экспериментов. Например, при проведении экспериментов по теории классической физики уже существуют случайные величины в виде ошибок воспроизводимости, которые лежат вне контроля экспериментаторов. Но почему-то само это замечание отвергается как не имеющее отношения к делу. Посмотрите мой препринт: Рудный Е.Б. Как движется броуновская частица при отсутствии измерений? // PREPRINTS.RU. <https://doi.org/10.24108/preprints-3115280>.

Во второй половине XIX века в физику вошли вероятности. И надо понимать, что они появились еще раньше как ошибки воспроизводимости. Кстати, эта тема – ошибки воспроизводимости – часто игнорируется в обсуждении физиков и философов. С эмпирической точки зрения ошибки воспроизводимости показывают, что теории классической физики неполны, поскольку в реальных экспериментах содержится что-то, что в них не входит. Стивен Браш называет вхождение вероятностей в физику скрытой революцией. И именно это сделало возможным появление квантовой механики, поскольку физики к тому времени уже привыкли к использованию вероятностей. По определению вероятность как таковая связана с понятием случайная величина. И основная проблема на этом пути заключается в том, что невозможно представить себе существование случайной величины самой по себе в мире. Весь спор вокруг квантовой механики заключается в том, что физики хотят найти объяснение того, что же такое случайная величина в квантовой механике (личная переписка). Все так. Но почему вопрос о математическом формализме должен иметь особое значение? Какой смысл задаваться вопросом о «математическом формализме физической теории», обсуждать вопрос о том, каким образом математический формализм связан с миром. Каким должен быть ответ? Это два разных по природе знания. Есть математический формализм, своя логика задания и оперирования абстрактными объектами и соответствующая ему нормативность, а есть «рассуждения на уровне экспериментов», и здесь нормативность, именно в смысле «распознавания того, как следует действовать дальше», просто будет другой. Более того, если углубиться, то окажется, что нормативность математического рассуждения, ассоциируемая с логикой оперирования «случайных величин», и нормативность «дифференциального уравнения одной переменной» будут разными. Точно так же различны эмпиризм в понимании философов и эмпиризм в понимании физиков. Почему мы должны рассуждать так, как будто тут есть проблема? Возможно, дискуссия о том, «как математический формализм связан с миром», начинается с иллюзии, что работающая теория на руках является не только «более хорошей», чем те, которые были раньше, но и в каком-то смысле «предельной», – необходимость другой теории может не осознаваться. Все разговоры о «непостижимой эффективности математики» есть следствие непо

это уже не может просто так противопоставляться тому, что мы видим сейчас в физике. И скорее всего все это должно рассматриваться как часть общего, холистического и крайне многообразного представления об адекватности вывода в целом, когда в разных областях знания фиксируется свой канон нормативности, естественно, отвечающий какой-то своей заданной и всегда ограниченной парадигме представления знания. Пусть даже для всех для них мы вполне оправданно можем закрепить как «недостижимый идеал строгости» соответствующую интерпретацию гипотетико-дедуктивной схемы У. Уэвелла и модель объяснения К. Гемпеля.

Рассмотрим два набора примеров. Сначала подчеркнем, что если вы говорите о понятийных формах мышления (заботитесь о строгости задания содержания понятий, строите из них теории), то наличие границ достоверности рассуждения (с точки зрения того, как вы внутри некоторой парадигмы, у которой есть свои границы, отвечаете на вопрос «что значит быть рациональным?»), – это совершенно нормальное явление, которое никак не должно приводить к «культурному шоку», вызванному неожиданным осознанием того, что «логический тип рациональности» ограничен и вообще не является единственным. В заключение остановимся на самых ярких, на наш взгляд, примерах, которые наглядно показывают, что позитивного мы уже сейчас можем привнести в сложившиеся представления о «нормативности», понимаемой в терминах «действовать как должно», и «релевантности данных», понимаемой как установление «заблаговременных ограничений», цель которых закрепить объективирующий характер исследования, естественно, насколько это возможно исходя из предмета и области исследований.

нмания ограниченности используемого понятийного аппарата, акцента на положительных и игнорирования отрицательных инстанций в том, что касается оценки математического результата, полученного в рамках физической теории, принимающей соответствующий конкретный формализм. И, конечно, все это не отрицает, например, разговоры о деятельности как о связующем звене между «формальным представлением» и «материальным процессом», но это уже совсем другой контекст рассуждения. Это не контекст рассуждения о знании как таковом. Вопрос о том, что есть знание и вопрос о развитии знания, или познания, – это разные вопросы. И совершенно непонятно, зачем нужно стремиться их объединить. Мы привыкли к тому, что «новая теория должна решать проблемы, которые не решала старые и открывать новые пространства проблем». Но и «новая», и «старая» теории – это разные исследовательские программы со своими ядром и периферией, своей логикой представления явлений и нормативностью. Если мы говорим о понятийных формах знания (а это наука и философия, в первую очередь), то разница между «понятием» и «явлением» не может исчезнуть, она *обязана* присутствовать всегда. И из того, что понятия уточняются, а теории становятся все более и более точными и объясняющими, никак не следует, что, например, вопрос о «необычайной эффективности математики» или вопрос о том, что «у нас нет адекватного теоретического аппарата описания бытия, поскольку эволюция измерительного прибора не удовлетворяет ни уравнениям классической механики, ни уравнениям квантовой теории» и аналогичные – *должны* иметь особое значение. Эти вопросы являются следствием того, что мы изначально наложили на представление о знании определенные ограничения, и было бы странно к ним возвращаться (мы не должны!), тем более забывая о том, что развитие знания исторично и что любая теория имеет границы применимости. Для каждой теории может быть свое понимание того, как задается разница между «понятием» и «явлением», но она есть всегда, от нее невозможно избавиться, так как это следствие выбранной парадигмы представления знания. Не нравится теория – создавайте свою, но не нужно обвинять «старую» теорию в том, за что она не отвечает, и тем более – злоупотреблять слишком общими и необоснованными «философскими» (в каком-то другом смысле) заключениями.

Три примера против абсолютизации логической рациональности

В 1991 году вышла статья Л. Лаудана и Дж. Леплина «Эмпирическая эквивалентность и недоопределенность», в которой критикуется «абсолютизация представления о том, что единственно значимой формой эвиденциального подкрепления теории является эмпирическое подтверждение ее следствий (консеквентализм)». Речь идет о поиске адекватного представления о «логике подкрепления» научной теории эмпирическими данными. «Мы оспариваем редукцию эвиденциальных (evidential) отношений к семантическим, на которую опирается предположение, что если теории разделяют одни и те же эмпирические следствия, то они одинаковым образом подкрепляются (supported) ими. Быть эмпирическим следствием гипотезы не является *ни необходимым, ни достаточным* условием того, чтобы быть ее позитивной инстанцией – быть ее эвиденциальным подкреплением» (курсив наш. – Н. Г.) [Laudan, Lepplin, 1991, p. 461]. Что это такое, если не отрицание представления о тотальной необходимости собственно логической интерпретации представления о подкреплении (и скрывающейся за ним гипотетико-дедуктивной схемы У. Уэвелла)? Казалось бы, это небольшое замечание, которое вполне может быть еще одним упоминанием того, что логика «спасти явление» (П. Дюгем, А. Паункаре и др.) гораздо шире, чем логика «подтверждения теории» (Р. Карнап, Г. Рейхенбах, К. Гемпель и др.). Однако в той же статье Л. Лаудан и Дж. Леплин рассматривают проблему пессимистической мета-индукции, – с точки зрения исторического развития научного знания у нас нет оснований предполагать, что теоретические объекты, постулируемые современными успешными теориями, вообще существуют. Более того, они рассматривают ее на фоне и в сочетании как с проблемой онтологической элиминации, так и с проблемой возможности эмпирически эквивалентного описания (которая сама по себе может представляться как проблема недоопределенности теории данными), тем самым соединяя условные «эволюционный», «содержательный» и «о подтверждении» контексты представления о научной теории (см.: [Головкин, 2007b; 2019]). Учитывая прямую критику «консеквентализма» (представления о том, что всю логику эвиденциального подкрепления научной теории можно свести к проверке ее следствий), акцент на истории науки и показанную связь консеквентализма с другими важными аспектами представления о научной теории, в данном случае есть все основания полагать, что речь идет именно о критике «логического типа рациональности» и соответствующего представления о нормативности, на основании которого, уверены Л. Лаудан и Дж. Леплин, невозможно должным образом представить и объединить означенные контексты.

Следующий пример – появление в середине XX века представления об «ограниченной (bounded) рациональности», которое, давайте представим, что это так и было, в частности и с определенными оговорками, можно соотнести с понятием «связанной (bounded) переменной» у У. Куайна. В 1947 году вышла книга Г. Саймона «Управленческое поведение», где он, в частности, разбирает понятие «ограниченная (limited) рациональность», которое в последующих его работах трансформируется в понятие «ограниченная (bounded) рациональность». «Основная задача теории управления – определить границу между рациональными и нерациональными аспектами социального поведения. Теория управления – это, в частно-

сти, теория и намеренной (intended), и ограниченной (bounded) рациональности, – теория поведения людей, которые довольствуются минимумом (satisfice), потому что у них нет достаточного интеллекта (witz) для того, чтобы максимизировать результат. Моя трактовка рациональности и принятия решений опирается на принцип, который я называю *принципом ограниченной рациональности*: способность человека формулировать и решать сложные проблемы очень мала по сравнению с размером (size) проблем, решение которых *необходимо для объективно рационального поведения в реальном мире* и даже для разумной (reasonable) аппроксимации такой объективной рациональности» [Simon, 1957, p. 198]. Понятие «ограниченная рациональность» вводится для того, чтобы описать «рациональный выбор, учитывающий когнитивные ограничения (limitations) лица, принимающего решения, – ограничения как имеющихся знаний, так и его “вычислительных” (computational) возможностей». Г. Саймон уверен, что экономический субъект в реальном мире не может вести себя как полностью рациональный агент. Как следствие предполагается, что осознание своей ограниченности (и в конечном итоге своей «не рациональности») заставит обратить внимание на «слабо сформулированные (loosely articulated) эвристики и эмпирические правила, которыми экономический субъект пользуется при сборе информации и выборе между альтернативами и которые *доказали свою эффективность в прошлом*» [Ibid.]. Кто-то сомневается в том, что представление о «намеренной рациональности», равно как и представление о «рационально действующем агенте», против которых выступает Г. Саймон, – это представления, в основе которых лежит именно дедуктивная логика как основание нормативности оценки и «рациональности», и «действия»? Более того, поведенческая экономика, которая буквально опирается на представление о том, что человек не является рациональным (строго логически мыслящим) субъектом, – достаточно вспомнить о когнитивных искажениях (излишняя опора на первую полученную информацию; зависимость решения от способа подачи информации; страх потери сильнее желания получить выигрыш и т.д.) и о том, что они работают на фоне ограниченной рациональности (люди принимают решения на основе упрощенных стратегий, а не полного анализа информации), – уже давно показала себя как рабочая теория анализа финансового поведения, разработки государственной экономической политики и повышения эффективности маркетинговых стратегий.

Наконец, пример, содержательно претворяющий следующую группу примеров. В 2001 году вышла статья К. Клиленд «Исторические науки, экспериментальные науки и научный метод», в которой она отмечает: «Сама идея делать предсказания и проверять их отвечает *логике проведения контролируемого лабораторного эксперимента*, но в исторических науках связь между причиной и следствием настолько *опосредована*, что в лучшем случае эксперимент нужен для того, чтобы обнаружить “явную улику” (smoking gun) – след (trace), который позволит выбрать одну из конкурирующих гипотез как лучшее причинное объяснение с точки зрения доступных данных» (курсив наш. – Н. Г.) [Cleland, 2001, p. 987]. Речь о том, что непосредственная логическая интерпретация гипотетико-дедуктивной схемы У. Уэвелла (в заключении нет ничего, чего бы ни было в посылках, – ведь аргумент должен быть дедуктивным для того, чтобы истина «сохранялась») если

и будет работать, то только в тех случаях, когда у нас есть возможность убедиться в том, что семантическое содержание непосредственно передается от гипотезы к дедуцированному из нее следствию. Не будем забывать, что здесь мы говорим именно об эмпирических, в смысле современной трактовки «научного эмпиризма», науках³⁰. В этом смысле нет ничего удивительного в том, что в исторических естественных науках (археология, геология, палеонтология, и др.) гипотетико-дедуктивная схема У. Уэвелла (например, в виде модели научного объяснения К. Гемпеля) работать не будет. А значит, вполне возможно, что здесь будет работать иная форма объяснения. Как отмечает Х. Уайт: «Каждой исторической нарративной объясняющей гипотезе отвечает свой “сюжет” (emplotment), то есть своя содержательная и объясняющая (в своих собственных терминах) история, надлежащее понимание которой будет включать крайне важный момент вариативности в трактовке “причин” явления. Построение сюжета – это тип стратегии, которые могут применяться историками для получения различного рода “эффекта объяснения”, как выбор модальности преобразования (figuration), которую они могут использовать, чтобы строить сюжеты серий событий как выявляющие те или иные смыслы. Интересная нам причина явления будет считаться “необходимой” не потому, что такая трактовка явления имеет место “во всех возможных мирах”, а потому что в рамках данного описания само явление выглядит “относительно стабильным” по отношению к заданной трактовке обстоятельств, которые приводят и сопровождают его появление» [White, 1973, p. 16]. И кто-то считает, что этот «сюжет» не будет содержать, явно или неявно, правила, закрепляющие основания нормативности оценки (предполагаемых причин явлений, данных, предоставляемых теориями среднего уровня, и т.д.), а также отношения «нормативной» и «дескриптивной» составляющих соответствующего описания (которые, судя по всему, не будут, как подчеркивает К. Клиленд, повторять логику соотношения этих составляющих, принятую в «твердых» естественных науках)?³¹ Естественно, все, что выше говорилось о методологическом эмпиризме, внимательной работе с понятиями и о потенциальном многообразии эвиденциального подкрепления научной теории, – все это будет и должно работать в исторических естественных науках, и не только в них. Проблема в том, хватит ли смелости связать тот или иной тип эвиденциального подкрепления или, например, интерпретацию взвешенной (опосредованной теориями среднего уровня) когерентности в данной концепции относительного обоснования знания о прошлом, и представление о нормативности в стиле «действовать как должно» (going on as one ought), – что, конечно, не такой уж и тривиальный шаг, но шаг необходимый, потому что без этого ни о какой самостоятельности обнаруженного паттерна аргументации и даже об обосновании полученного «знания» как такового, конечно, речь не идет.

³⁰ Мы благодарны Василию Анатольевичу Миронову за указание на важность работ К. Клиленд при анализе вывода в науках «без дедуктивной систематизации данных», а также за комментарии, поступившие в ходе обсуждения последней части статьи, посвященной проблемам философии геологии.

³¹ Наша интерпретация различий гипотетико-дедуктивной схемы У. Уэвелла и нарративного объяснения в исторических естественных науках приводится в [Головкин, 2022b; 2024b].

Приведенные примеры в каком-то смысле возвращают нас на шаг назад и показывают, что результат известной работы Э. Гетье нельзя рассматривать как исключение из правил. Демонстрация того, что «дедуктивная логика не является адекватным выводом, когда речь заходит о передаче смысла через аргумент» – это буквально один из трендов философии второй половины XX века. И в этом смысле «культурный шок» от того, что дедуктивная логика работает не везде, на самом деле это просто нежелание расстаться с неосхоластикой и «старыми» парадигмами. Следующие два примера должны показать, что в настоящее время есть место не только критике.

Субъект, повторяемость и воспроизводимость

Феминистская философия науки является концептуально крайне разнообразным – и с точки зрения выбора объектов и оснований исследования, и с точки зрения логики построения теории – полем исследований. Мы остановимся на феминистской натурализованной философии науки Л. Нельсон периода ее «Кто знает: от Куайна к феминистскому эмпиризму» (1990), в том числе потому, что Л. Нельсон наглядно показывает то, как проект «натурализованной эпистемологии» У. Куайна (1969) – проект, который до сих пор во много определяет содержание не-феминистской (хорошей) философии науки, в частности, ни одна современная дискуссия о научном реализме не обходится без упоминания «натурализованных» представлений, а некоторые (Д. Армстронг, М. Девитт, Дж. Лэдимен и др.) открыто называют свои онтологии проектами натурализованной метафизики, – можно использовать для того, чтобы конструктивно представить многие нетривиальные (для традиционной философии науки) вещи³². Как пишет Л. Нельсон: «Оценка того, насколько наша модель науки соизмерима с реальной научной практикой, всегда опирается на конкретное представление, например, о том, что считать значимым эпизодом исторического развития науки (теория Дарвина, теория Вегенера и др.), или о том, какую из наук (физику и/или биологию) считать максимально отвечающей парадигмальному представлению. Оценки научной методологии также опираются на предположения о том, какие науки дают результаты, наиболее релевантные нашей теории науки. Более того, оценка согласованности методологических принципов, как правило, рассматривает рациональность в индивидуалистических терминах, – влияние некоторых (или большинства) “социальных факторов”, по сути, компрометирует ее (Соломон, 1994). ... *Так же как и наука, философия науки является нормативной*, используя такие критерии, как эмпирический успех, для оценки того, является ли данный исторический эпизод прогрессивным. И точно так же мы можем сказать, что цель науки, равно как цель и натурализованной философии науки, – это построение теорий, которые организуют, объясняют и предсказывают эмпирические данные, и мы оцениваем результаты на основе того, насколько эффективно они помогают нам это делать. *Современное представление* о том, как работает наука, говорит нам о том, что большая часть ак-

³² Мы неоднократно обращались как к исходному содержанию проекта натурализации [Головкин, 2007d; 2007e], так и к множеству сопутствующих представлений, демонстрирующих то, насколько представление о натурализации может быть конструктивным средством анализа различных философских проблем [Головкин, 2011; 2013a; 2013b].

тивности ученых – получение и оценка эмпирических данных, построение теорий и выбор между ними – *не должны рассматриваться как достижения отдельных ученых как таковых*. Именно социальная природа эмпирических данных и лежит в основе моего утверждения о том, что *основными генераторами и носителями научного знания являются сообщества ученых, а не отдельные ученые»* (курсив наш. – Н. Г.) [Nelson, 1995, p. 400, 402]. Г. Галилей и Ф. Бэкон не могли так сказать, они открывали истину без каких-либо оговорок. И. Ньютон и У. Уэвелл понимали, что их работы будут критически прочитаны коллегами из Королевского общества, но их это не могло волновать в той же степени, как сейчас волнует автора, который отправляет статью в журнал, где принята практика двойного слепого рецензирования. Современная наука даже не является наукой Дж. Максвелла или А. Эйнштейна (его самые известные работы вышли в 1905 и в 1915 годах, Нобелевскую премию он получил в 1921 году). Они работали до того, как массово появляются такие исключительные социальные и организационные структуры, как «научный институт» или «государственная академия наук», сама цель существования которых – организация научных исследований, которая теперь обязана иметь коллективный массовый характер, и получение знания, в первую очередь, в интересах государства – внесла заметные коррективы в деятельность условного ученого. «Мой первый методологический принцип гласит: “Данные (evidence), подтверждающие конкретную теорию, гипотезу или исследовательскую программу, формируются опытом (experience), который в значительной степени *структурирован* тем, как он принимается в теории, в том числе с точки зрения других теорий, которые вместе с исходной либо ценностно нагружены, либо напрямую обусловлены или выражают определенный социально-политический контекст”. Холистический взгляд на данные представляет собой альтернативу тем моделям, которые узко (narrowly) их интерпретируют (как исчерпываемые данными (data) или предложениями наблюдения) и не принимают во внимание важные методологические и метафизические соображения, которые могут фигурировать как исходные (background) допущения, как вспомогательные (auxiliary) теории или дисциплинарные матрицы. Он также представляет собой альтернативу представлению о четкой границе между предложениями наблюдений и теоретическими утверждениями (стирание этого различия – одна из ключевых характеристик проекта натурализации, ее можно найти и у Куайна, и у Ф. Китчера, и М. Девитта. – Н. Г.). И, конечно же, он представляет собой альтернативу представлению, постулирующему границу между хорошей и ценностно-нагруженной науками. ... Мой второй методологический принцип гласит: “Точкой отсчета философского анализа науки является профессиональное сообщество ученых, именно стандарты, теории и практики, принятые в данном сообществе, и являются подходящим основанием для объяснения и оценки научной практики”. Этот принцип основан на представлении о том, что *наука не существует отдельно от общества, а опыт имеет социальную природу* – именно сообщества, как научные, так и более широкие – социальные, генерируют гипотезы и развивают теории. Каждая теория – это социальное достижение, продукт комплексных коллективных усилий по объяснению и предсказанию данных, которые сами по себе принимаются и структурируются только в рамках сложившейся традиций исследования. И даже в традицион-

ных подходах к пониманию науки вспомогательные теории и стандарты, которые призваны связать (mediate) теорию и данные, не могут правдоподобно рассматриваться как достижение отдельных ученых» [Ibid., p. 405, 407]. Известная книга Р. Коллинза вышла на три года позже книги Л. Нельсон. Сложно спорить с тем, что производство знания – будь то научное или философское, равно как и появление науки и философии, – это социальный феномен общества, достигшего определенного уровня зрелости, – как мы бы сказали, уровня рефлексии в отношении окружающего мира. А для тех, кто все еще думает, что феминизм и в целом постколониальный проект – это вакханалия релятивизма, наверняка будет интересен следующий комментарий³³. «В классическом представлении индивидуальный ученый, действуя независимо, собирает данные, интерпретирует результаты экспериментов, выдвигает гипотезы и строит теории. Подчеркнем, наше холистическое представление не означает то, что мы согласны с конструктивистским аргументом (который также мотивирован критикой классического представления) в пользу редукции в понимании данных как социальных конструкторов или стандартов производства и отбора теорий как следствий социальных отношений, что, в какой-то степени, обязывает нас принять релятивизм. *Научное сообщество не является “закрытой системой”, данные одновременно являются и коллективными (communal) и предметными (substantive). Не все теории, нагруженные (informed by) ценностями и/или социально-политическим контекстом, созданы*

³³ Одна из популярных реакций на концепцию Р. Коллинза (мы слышали это несколько раз в разное время, в разных контекстах, от разных людей) заключается в том, чтобы сказать: «Коллинз открыл глаза: если при жизни ты не общался с великими, сам великим никогда не станешь. Это тривиально». Это, конечно же, не так. Здесь один из интересных и многозначных моментов концепции вырывается из контекста, и на этом основании делается далеко идущий вывод, не имеющий никакого отношения к оценке того, что, собственно, было сделано и что, собственно, утверждает концепция Р. Коллинза. Аналогичным образом можно услышать, например, что феминизм уничтожил идею универсального познающего субъекта. Это не совсем так. В каких-то крайних формах мы, конечно, можем сказать, что черные однополые больные СПИДом женщины-лесбиянки (осуждаем!) или еще круче (осуждаем два раза!) из Гарварда действительно по-своему уникально воспринимают мир и никакие белые цис-гендерные мужчины не способны их понять. Естественно, ведь они являются врагами человечества, поскольку, в частности, постоянно незримо навязывают представление об универсальном познающем субъекте, которое является одним из тягчайших струньев патриархата и от которого здоровые люди должны избавиться. Ну, почему нет. Однако выше мы уже приводили несколько цитат Н.С. Розова, очевидно, апеллирующего к пониманию, скрывающемуся за концепцией Р. Коллинза, которые, на наш взгляд, никак не противоречат тому, о чем говорит Л. Нельсон. И более того, не делают из науки частное интеллектуальное занятие патриархальных белых цис-гендерных мужчин «за 40, с определенным (достаточно высоким) уровнем финансового благополучия». Мы можем сказать, что ключевой момент в понимании науки и научного знания – это не эксперимент или дисциплинарная матрица (как вариант, религиозная догма, призывающая нетерпимо относиться к отступникам и иноверцам), а то, что «в реальной науке объясняются и предсказываются не индивидуальные – уникальные и неповторимые – события, а классы явлений», что «предсказание и объяснение не могут быть без явного указания на универсальные законы и на необходимые и достаточные начальные условия», и что «строгость и достоверность правил оперирования понятиями задаются правилами вывода, за которыми незримо присутствует соответствующее философские представления о нормативности». Здесь в явном виде нет ничего об универсальном познающем субъекте. Ключевой момент науки – это работа с понятиями, которая в обязательном порядке содержит, например, представление о соотношении частного (данных наблюдений и экспериментов) и общего (универсальных закономерностей, которые, в частности, и фиксируют то, что при таких-то и таких-то условиях произойдет то-то и то-то). Универсальный познающий субъект нужен для науки, но не стоит путать картинное представление науки в школьном учебнике и реальную практику и цели научных исследований.

(created) *равными*» [Ibid., p. 409]. Достаточно позитивная точка зрения. В этом смысле акцент на том, что «наука не существует отдельно от общества, а опыт имеет социальную природу», конечно же, вносит коррективы в то, что считать научным знанием³⁴. Однако нет никаких причин для крайней радикализации этой точки зрения. Речь может идти о том, например, чтобы внести в представление о «заблаговременных ограничениях» эмпирического исследования, – которые должны отражать классическое «обоснованное убеждение является, по крайней мере, указующим на истину» – то, что непосредственно связано с предметом и областью исследований в том виде, как они открываются нам сейчас.

Совершенно парадоксальным образом обсуждение научного характера знания в геологии рассказывает о проблемах научного знания гораздо больше, чем традиционная рефлексия о знании на примере физики. И нельзя сказать, что геологи исторически были менее активны в обсуждении методологических проблем. Первый том «Оснований геологии» Ч. Лайеля вышел в 1830 году. Просто физикам было легче, их представления изначально казались более простыми и шаблонными – контролируемые условия проведения эксперимента, повторяемость и воспроизводимость результатов, понятная логика обоснования знания в терминах схемы У. Уэвелла, – все это не идет ни в какое сравнение с тем, на что предположительно должно опираться представление о нормативности знания в геологии. Плюс прямая аллюзия на эмпиризм (стандартно понимаемый как то, за что боролась школа английского эмпиризма), которая окончательно создала весьма обманчивое ощущение, что наука – это физика. И в этом нет ничего плохого, так как «недостижимый идеал строгости» необходим. И как только вы понимаете, что рассуждения «на примере физики» – это, что нужно, то сразу встает вопрос о том, как указать на аналогичную модель рассуждений в геологии. И это проблема. Потому что здесь даже выбрать пример «канонического рассуждения» не просто. В отсутствии четких шаблонов, предписывающих логику рассуждений, вы каждый раз обязаны «раскручивать» выбранное представление к самому началу, к истокам, к конкретным авторам, и при этом вы сами должны следить за аргументацией и будете полностью ответственны за то, что получили. (И если фи-

³⁴ Лучший пример в данном случае, конечно, концепция Р. Коллинза. «Социальный конструктивизм является формой реализма. Сама по себе социальная конструкция не подрывает непременно истину, поскольку нет другого пути возникновения истинных суждений, кроме как через процессы деятельности социальных сетей» [Коллинз, 2002, с. 1136]. Это очень важный момент. Нельзя рассматривать сам по себе факт, что «научное сообщество не является закрытой системой». Дополнительно у нас должна быть хорошая, работающая, проверенная социальная теория, которая задаст конкретное представление о том, что значит быть «открытой системой» [Головкин, 2023с]. И когда Р. Коллинз говорит, что «непосредственное социальное влияние на конструирование идей оказывает сетевая структура отношений между интеллектуалами, производители идей связаны с обширным внешним миром и происходящими в нем экономическими и политическими сдвигами, а также действуют в своей собственной внутренней сфере сетевого пространства внимания». – И затем поясняет: «Перед нами как социологами стоит задача показать всю сложность этого явления, а не сводить анализ к той или иной стороне поля социальных сил. Как социологи мы хотим соотнести между собой три типа данных и три уровня анализа: сети, связывающие между собой самых активных интеллектуалов, возможности для альянсов и соперничества в пространстве внимания, что составляет “внутреннюю политику” конструирования новых идей, а также меняющиеся материальные основы интеллектуальной жизни, которые находятся под влиянием экономических и политических сил» [Коллинз, 2002, с. 36], то ни о каком релятивизме речь не идет.

лософы хорошо знакомы с подобным приемом, то условные ученые могут легко «впасть в транс», неожиданно осознав, что оснований рассуждения может быть много и у каждого выбора есть цена.) Мы находимся в ситуации, когда основные персоналии XVIII и XIX веков и их точки зрения – Дж. Хаттон, Ч. Лайель и вездесущий У. Уэвелл (по традиции считается, что это он придумал термин «униформизм»), Г. Гильберт и Т. Чамберлин, последний основал *The Journal of Geology* в 1893 году, – хорошо известны, но как на этом основании представить должный «ответ физике», непонятно. Основная проблема (если мы уже приняли то, что идеал науки – это физика), тоже как будто бы в целом ясна. Как пишет Д. Пейдж, *«нет никакой возможности воспроизвести в лаборатории процессы, совершающиеся в самой природе, но тем не менее опыт может познакомить нас с характером этих процессов»* [Пэджд, 1867, р. 45]³⁵. Это проблема повторяемости и воспроизводимости данных, проблема ограниченности экспериментальной проверки гипотез. Мы остановимся только на одном примере обсуждения этой проблемы – на критике Р. Уотсоном статьи Дж. Симпсона «Историческая наука» (1963)³⁶.

³⁵ Книга Дэвида Пейджа «Философия геологии» вышла в 1863 году и уже в 1867 году была переведена на русский язык, что не удивительно, так как к тому времени уже существовала традиция академических переводов, – российское научное сообщество стремилось быть в курсе актуальных проблем европейской науки. В том же 1867 года, на два месяца раньше английского издания(!), в России выходит «Изменения животных и растений в домашнем состоянии» Ч. Дарвина. Естественно, в неповторимой и непревзойденной отечественной традиции фамилия «Page» переводится как «Пэджд», а «under domestication» как «в домашнем состоянии». Кроме того сама книга, на наш взгляд, выступает наглядным примером, который хорошо показывает то, в какой атмосфере оформлялся позитивизм (негласная пикировка У. Уэвелла, Дж. Милля и О. Конта – Дж. Милль напишет «Систему логики силлогистической и индуктивной» в 1843 году как ответ на «Философию индуктивных наук» (1840) У. Уэвелла, а уже после смерти У. Уэвелла в 1866 году выйдет его небольшая статья «Конт и позитивизм», в которой он подвергает резкой критике «Курс позитивной философии» (1830) О. Конта, в котором, частности, есть критика «Элементарной механики» (1819) У. Уэвелла, – все это лишь вершина айсберга), абсолютизировались эмпиризм и антиметафизическая позиция.

³⁶ Более широкое представление (и оно все еще будет лишь частным, одной из множества возможных точек зрения) о проблемной ситуации можно найти, например, у Р. Беммелена. «Научный характер геологии определяется тем, как мы определяем природу вопрошания (interrogation). И поскольку возможность проводить эксперименты ограничена, принято считать, что геология, в сущности, историческая наука. Суть научного исследования – поиск отношений между явлениями. Ученые, которые хотят знать, как работает природа, должны оставить вопрос о последней (ultimate) истине философии и геологии (именно так говорит Индиана Джонс в фильме “Индиана Джонс и последний крестовый поход”. – Н. Г.). И физики, и химики могут экспериментировать с объектом своего исследования, проводить наблюдения в контролируемых условиях. Искусственные условия проведения эксперимента создают “закрытую систему”, исключающую влияние субъективных факторов (возможно феминистски, как Л. Нельсон, отмечают, что именно эта черта практики научных исследований и закрепились в мировоззрении как представление о том, что наука сама по себе является “закрытой системой” внутри общества. – Н. Г.). Эксперимент в геологии гораздо более сложен, объект исследования находится за пределами лаборатории, имеет большие (часто колоссальные) размеры, а соответствующая шкала времени исчисляется миллионами лет. Последнее заставляет довольствоваться только непосредственным наблюдением актуальных геологических процессов, на основании которых нужно реконструировать то, что, возможно, происходило в прошлом. Подобная реконструкция по определению будет крайне упрощенным представлением о природном явлении. И, конечно, совсем не обязательно, чтобы наблюдаемые сейчас процессы происходили в прошлом тем же самым образом и с той же интенсивностью. Геологические процессы – это “открытая система”, подверженная различным внешним воздействиям. *Материал на руках остается безмолвным, пока не будет задан соответствующий вопрос.* Значимые факторы, их величина и последовательность их действия могут варьироваться от места к месту и от времени к времени. Лабораторные эксперименты, когда заранее выверен масштаб

Как пишет Р. Уотсон: «Симпсон надеется показать, что с логической точки зрения какая-то часть геологии принципиально отличается от такой “неисторической” науки, как химия. Но его рассуждения есть клубок двусмысленностей (tangle of ambiguities). На мой взгляд, деление на “исторические” и “неисторические” науки только вводит в заблуждение (misleading), нет никаких оснований говорить о разной логике, речь о том, что *в разных областях науки существует разница в понимании сложности представления объекта исследования, либо о том, что относительно разных объектов у исследователей могут быть разные интересы*. ... Основная двусмысленность заключается в том, что Симпсон не различает типы событий, которые являются абстракциями, концепциями, но никак не предметами реального мира событий, и *частные* (particular) конкретные события, имеющие определенные координаты во времени и пространстве, являющиеся частью реального мира. Кроме того, его аргумент опирается на неоднозначность употребления “повторяющийся” (recurrent) и “уникальный” (unique)» (курсив наш. – Н. Г.) [Watson, 1966, p. 173, 175]. Это первая из трех претензий Р. Уотсона, на которые мы укажем. Примечательно то, что этот момент – указание на необходимость содержательно понимать разницу между типом (type) и индивидуальным представителем типа (token) – встречается повсеместно и скорее всего ошибки, если они случаются, связаны с недостаточным уровнем владения и понимания логики и правил строгой (valid) аргументации. В частности, А. Голдман, рассуждая о процессном релятивизме и понятии «процесс», придет к неутешительному выводу, что проблема «общности» (generality) запрещает дать нужное ему определение процесса. Каждый раз, когда мы указываем на пример нужного нам процесса, мы указываем на единичного представителя, но определение процесса должно даваться в терминах типов, а сведение всех указанных процессов к одному типу – это в лучшем случае индуктивная процедура, что, конечно, серьезно

модели и четко определен набор действующих факторов, – это нечто другое, что требуется в геологии. ...Очевидный исторический характер геологии также связан с необходимостью интерпретации наблюдаемых следов (traces) явлений, которые когда-то происходили. В этом смысле элементы субъективного восприятия неустранимы. При этом бывают ситуации, когда невозможно проверить наблюдения, которые сделали другие геологи, например, потому что место наблюдения больше недоступно. И, конечно, интерпретация зависит от того, какой “школе” принадлежит геолог и от объективности проведенного исследования» [Bemmelen, 1961, p. 454, 456]. Учитывая крайнее многообразие и комплексность проблемной ситуации – все, что касается «методологии вопрошания» в геологии, судя по всему, применяется с большим количеством оговорок. Представление о динамическом (по аналогии с биологией) характере геологических процессов (Дж. Хаттон), рассуждение по аналогии (Г. Гильберт), метод множества рабочих гипотез (Т. Чамберлин), метод сравнительной онтологии (Р. Беммелен) – все это лишь эвристические принципы, которые должны нужным образом направить рассуждение. И даже самый серьезный «методологический закон» геологии – униформизм (uniformitarianism), о котором говорит Ч. Лайель, «в своей субстанциалистской форме как теория изменения геологических процессов, постулирующая единообразие (uniformity) интенсивности изменений (rate) и материальных условий, является ложным и сильно ослабляющим (stifling) принципом при выдвижении гипотез. А в методологической форме, как процедурный принцип, утверждающий пространственную и временную инвариантность законов природы, принадлежит всей науке, а не только геологии» [Gould, 1965, p. 223]. В этом смысле гораздо проще понимать геологию как еще одну нормальную естественную науку, чем погружаться в детали.

подрывает представление о логической строгости рассуждений самого А. Голдмана (см., например, [Goldman, 1979])³⁷.

³⁷ Р. Уотсон пишет: «Химическое событие является историчным в том же смысле, что и первое проведение Лавуазье данного химического эксперимента; оба являются неповторяющимися (nonrecurrent) событиями, зависящими от конкретных предшествующих событий. Однако химическая реакция – это не событие, а абстракция, тип события. Можно говорить об исторически первом проведении данного химического эксперимента, и это будет еще одна абстракция. Только абстракция может быть не историчной и не претерпевает изменений ни до, ни после, как это происходит с отдельными событиями. Эта же самая двусмысленность присутствует во фразе “данный химический эксперимент”. Это конкретный (particular) эксперимент или тип эксперимента, первым примером которого был эксперимент, который когда-то провел Лавуазье? Тип события не может быть историчным, поскольку типы не существуют как отдельные события во времени и пространстве. Однако при соответствующих исторических обстоятельствах конкретный пример, проявление (exemplification) данного типа химической реакции может произойти. Химики могут говорить о том, что две конкретные реакции являются одной и той же реакцией, потому что могут игнорировать (или считать само собой разумеющимся) тот факт, что, строго говоря, разговор идет о двух частных (particular) реакциях как о двух проявлениях одного и того же типа реакции. В этом смысле крайне ошибочно говорить о “повторяющейся (recurrent) реакции”, имея в виду тот факт, что один и тот же тип реакции может иметь множество проявлений. На самом деле и тип события, и конкретное событие являются неповторяющимися. Тип события, очевидно, не может происходить (occur) и не может повторяться, а конкретное событие как таковое также, очевидно, повториться не может. Смешивая типы событий и конкретные события, Симпсон создает впечатление, что существует важное различие между историческими и неисторическими науками. Но точно так же, как химик работает с отдельными событиями, точно так же геолог работает с типами. В каждой науке отдельные события объясняются путем подведения под закон, который формулируется в терминах абстрактных типов. Симпсон подразумевает (implies), что для исторических событий типов быть не может. Конечно, во Вселенной могут быть уникальные события (логически это ничему не противоречит), которые будут “необъяснимыми”, потому что по определению мы имеем дело только с одним уникальным проявлением данного типа. Но поскольку у нас нет конклюдентных (однозначно указывающих на истинность. – Н. Г.) данных о том, а не происходило ли такое же событие на других планетах, мы можем представить это “уникальное” событие, например, как проявление типа “первый пример проведения эксперимента этого типа на данной планете”. И у этого типа может быть много проявлений. Утверждая, что для неповторяющихся исторических событий не существует типов, Симпсон предполагает, что нет законов, которым эти события подчиняются. Но мы видим, что любое событие в принципе может быть типизировано (typified) в терминах, подходящих для того, чтобы выразить его в терминах научных законов, так же легко, как мы рассуждаем о повторяющихся химических реакциях» (курсив наш. – Н. Г.) [Watson, 1966, p. 175–176]. Сравните это рассуждение с тем, как в метафизике Дж. Лоу закрепляется представление и проявлении (exemplification) универсалии (см., например, [Lowe, 2006]). Очевидно, приведенное рассуждение Р. Уотсона может являться аргументом в пользу того, что не только теории в геологии, метафизические теории не слишком отличаются от прочих научных теорий. И это легко объясняется тем, что и наука, и философия – это понятийные формы мышления. «Симпсон использует термин “уникальный” так же двусмысленно, как и термин “повторяющийся”. Существуют две достаточно распространенные точки зрения, по которым так называемые неповторяющиеся исторические события считаются уникальными в том смысле, что их нельзя объяснить с помощью законов. Во-первых, это мы сами создаем (посредством абстракции) интересующие нас типы. Наша заинтересованность в конкретном событии может повлиять на то, как мы определим тип этого события. Однако в этом случае (например, говоря о том, что логически может существовать только один пример проявления данного типа. – Н. Г.) мы можем перестать различать, говорим мы о типе или о его проявлении. И эта проблема может снова привести нас к ошибочному выражению мысли о неповторяющихся событиях. Важно отметить, что мы не часто определяем типы исторических событий так же строго и с той же точностью, как в химии, но это потому, что обычно нас не интересует настолько же точная картина событий в “человеческом” мире, и наоборот. Каждая конкретная химическая реакция является такой же частью “человеческой” истории, как и любое конкретное действие. Тот факт, что степень детализации определения типа в исторических науках может быть выше, чем в неисторических, не следует понимать как убедительное доказательство того, что эти науки различаются фундаментальным образом. Можно сказать, что они различаются

Вторая двусмысленность связана с тезисом о том что исторические науки существенным образом отличаются от неисторических методологически и экспериментально. «И химик и геолог начинают свое исследование с рассуждения о том, что произойдет в определенных обстоятельствах. И с большей вероятностью химик проверит свой мысленный эксперимент с помощью эксперимента, в то время как геолог будет вынужден собирать данные, например, изучать различные горные хребты для того, чтобы обнаружить в их строении особенности, которые можно объединить таким образом, чтобы продемонстрировать различные стадии развития гор, которые, по его мнению, должны были иметь место в прошлом. Несмотря на различия в методах и разную объяснительную силу законов в каждой из областей, объяснение и там и там будет сводиться к законоподобным (law-like) обобщениям и будет иметь одну и ту же логическую форму. Ключевая путаница заключается в слове “исторический”. Следуя Симпсону, если история понимается как хроника событий, то это не наука. Описание последовательности частных (particular) событий не является научным объяснением. Если исследователи ограничивают себя рамками отдельных событий как таковых, они не могут вывести законы, а следовательно “объяснить”. Объяснение путем подведения под закон – это отличительная черта неисторических наук. Но это абсурдно. Неисторические ученые наблюдают имманентные законы в конфигурационных (или контингентных) композициях, или, по крайней мере, ищут их там. Но то же самое делают и историки. Любое научное объяснение строится как подведение под закон, и *тот факт, что законы более достоверны в химии, чем в геологии, не является основанием для того, чтобы говорить, что в логике этих наук есть разница*. Геология – это настоящая (hard) наука. ...Конечно, остается двусмысленность относительно того, как связаны общие законы и объяснение. Она также имеет отношение к разнице между объяснением и предсказанием. Это старая дискуссия, и я согласен с тем, что если бы мы могли апостериорно объяснить явление в том смысле, что знали бы все данные, предшествующие событию (чего на самом деле никогда не бывает), то это событие в принципе можно было бы предсказать. Очевидно,

по степени задания (specificity) типов. Во-вторых, учитывая принципиальную ограниченность нашего опыта, мы можем сказать, что существует множество типов событий, для которых мы можем наблюдать только одно (единственное, уникальное) проявление. *Причиной этого может быть логическое рассуждение, посредством которого мы настолько четко (explicitly) определили данный тип, но есть и эмпирические ограничения*. Тип события может встречаться настолько редко (появление разумной жизни), может охватывать настолько большие масштабы в пространстве и времени (расширение Вселенной) и быть настолько сложным (явление эволюции), что мы не можем с полной уверенностью (conclusively) сказать, что он имеет более одного проявления. (Существует ли больше одной низко-энергетической модели для М-теории? – Н. Г.). И эти эмпирические ограничения также не следует понимать как убедительное доказательство того, что исторические и неисторические науки различаются фундаментальным образом» (курсив наш. – Н. Г.) [Ibid., p. 176–177]. Можно ли считать эти рассуждения Р. Уотсона вполне оправданным (и пришедшим совсем не из геологии!) примером, указывающим на то, что должны включать в себя представления об адекватных «заблаговременных ограничениях» эмпирического исследования? Естественно, мы понимаем, что особая важность логики отношения «типа» и «индивидуального представителя типа» подчеркивается в «семантической парадигме», но это не значит, что мы не можем апеллировать к ней в науках «без дедуктивной систематизации данных». Более того, мы видим, насколько конструктивным является это средство анализа теоретических построений, в частности, с точки зрения того, что «в реальной науке объясняются и предсказываются не индивидуальные – уникальные и неповторимые – события, а классы явлений».

все это требует обсуждения вопроса о том, *может ли быть то, что мы знаем после события, также быть нам известным (по крайней мере в принципе) до события*. И я не соглашусь с Симпсоном, с логической точки зрения при прочих равных имеет значение только относительный темпоральный порядок событий, а не время их актуализации» (курсив наш. – Н. Г.) [Watson, 1966, p. 178–179, 180]. Выше, говоря о Р. Коллинзе и феминистской философии науки, мы подчеркивали важность такого элемента «методологического эмпиризма», который является ключевым элементом представления о эмпиризме как установке, – как «предсказание и объяснение не могут быть без явного указания на универсальные законы и на необходимые и достаточные начальные условия». Здесь «универсальный закон» без проблем можно заменить на «законоподобное обобщение», которые будут пониматься именно так, как подсказывает практика, в данном случае, в геологии. Схема У. Уэвелла и «объяснение по Гемпелю» так и останутся «недостижимым идеалом строгости». В любом случае как-то определяемый нормативный элемент, закрепляющий адекватное ситуации представление о «необходимых и достаточных начальных условиях», должен быть частью «заблаговременных ограничений». Независимо от того, принимаем мы «классический идеал строгости» или нет. Просто потому, что это обязательная часть любого натурализованного представления о том, что «обоснованное убеждение является по крайней мере указующим на истину».

Третий момент, который подчеркивает Р. Уотсон, связан с тем, что «нельзя принимать за видовое различие то, что различно по степени интенсивности. Симпсон пишет, “некоторые вещи более уникальны, чем другие”. При этом он противопоставляет простые или весьма неопределенные абстракции в химии комплексным или весьма нагруженным (specified) абстракциям в геологии. Возможно, именно склонность к тому, чтобы везде усматривать дуалистические противопоставления, частично ответственна за то, как он проводит различие между историческими и неисторическими науками. Однако он не более обоснован в том, чтобы рассматривать эти абстракции принадлежащими разным типам (kind), чем считать, что очень редкие и очень распространенные события также принадлежат разным типам. Он говорит, что обобщения, принятые в исторических науках, отличаются от законов физики тем, что они не исключительно достоверны (certain). Но *это указание на разную степень вероятности, а не на противопоставление исключительно достоверного и вероятного (probable) знания*. Не говоря уже о том, что ни один химик не интересуется только имманентным, когда открывает законы, точно также как геологи не интересуются только контингентным, когда объясняют конкретные явления. *Нельзя отталкиваться от разницы в отношении к эмпирическим данным, которые естественно ведут к различиям в методологии, технике и результатах исследований, и делать вывод, что неисторические и исторические науки принципиально различны, потому что в одних существуют законы, а в других – нет.* ... Дэвид Б. Киттс начинает свою “Теорию геологии” с утверждения, что “объяснения в геологии обоснованы в терминах обобщений, которые можно сравнивать с законами в других естественных науках” (49). И далее: “Основная цель состоит в том, чтобы обозначить (frame) *общие* утверждения независимо от того, являются ли они универсальными или нет, на основа-

нии которых эти объяснения могут быть обоснованы» (53). Ясность и логическая убедительность представления Киттса в значительной степени способствует рассеиванию тумана, создаваемого напыщенной двусмысленностью Симпсона. *Отдельные (particular) события объясняются включением посредством подстановки их в качестве переменных в законоподобные (law-like) обобщения.* Неясность в понимании геологии как науки касается только понимания “отдельных событий”. Киттс четко фиксирует факт, который должен быть, но не является понятным для всех геологов, – *доктрина униформизма подразумевает только то, что основные законы остаются неизменными, и оставляет открытой возможность того, что при различных значениях переменных скорость описываемых процессов может меняться.* Нельзя опровергнуть униформизм наблюдением, что горообразование происходит в одну эпоху быстрее, чем в другую. Киттс пишет: *“Обобщения нужны как основания вывода (inference) к объяснению, которое предполагает выводимость (derivation) и проверку единичных (singular) утверждений о прошлом.* И они не могут использоваться таким образом, если большинству содержащихся в обобщении переменных нельзя подставить конкретные значения” (67)» (курсив наш. – Н. Г.) [Watson, 1966, p. 180–181]. Судя по всему, это не простой вопрос для философии геологии. Исторически «принцип униформизма был сформулирован еще до того, как возникло представление о Земле как о системе, как о структурированном множестве объектов и отношений между ними, которые мы моделируем для того, чтобы получать успешные предсказания. Лайель считал, что все значимые характеристики можно (и нужно) объяснить длительным (prolonged) и постепенным действием тех относительно малоинтенсивных (low-magnitude) процессов, которые обычно наблюдаются сейчас. Тем самым он полагал, что ставит геологию в один ряд с физикой Ньютона. Разница в том, что Ньютон отмечал, что индуктивная наука (в том смысле, в котором он понимал значение слова “индуктивный”) должна предполагать “истинные причины” (vera causae). Лайель же полагал, что *единственный способ для геолога узнать, что причинный процесс является истинным (“реальным” в номиналистическом смысле), – это непосредственно наблюдать этот процесс в действии.* Униформизм для Лайеля был необходимой частью представления о том, что значит получение истинного знания о причинах в прошлом с помощью индуктивного вывода. Униформизм никогда не был частью наивного представления о том, что мы должны предсказывать (дедуцировать) явления, которые затем станут предметом прямого контролируемого измерения и экспериментальной проверки. Последнее невозможно для тех явлений в прошлом, которые представляют интерес для геологов» (курсив наш. – Н. Г.) [Baker, 2014, p. 77]. С одной стороны, это четкий антиметафизический тренд, мы согласны с С. Гулдом: «униформизм позволил Лайелю исключить чудеса (miracles) из геологического объяснения; апелляция к ним является анахронизмом, поскольку вопрос о божественном вмешательстве больше не является предметом исследования науки» [Gould, 1965, p. 223]. Но, с другой стороны, униформизм для Ч. Лайеля – в том представлении, которое раскрывает В. Бейкер, – был ничем иным как метафизическим принципом. Который, сродни эмпиризму как метафизическому принципу, принятому Н. Бором в ходе поисков подходящей интерпретации квантовой механики, отвечает тому

же запросу на то, *чтобы принятые метафизические допущения были достаточно адекватными для того, чтобы схватить предмет исследования*. И это важная значимая часть «заблаговременных ограничений».

Список литературы

- Аристотель.** Аналитики первая и вторая / Пер. Б.А. Фохт. М.: Гос. изд. пол. лит., 1952.
- Аристотель.** Метафизика / Пер. А.В. Кубицкого. М.: Гос. соц.-эк. изд-во, 1934.
- Аристотель.** Соч.: в 4 т. / Ред. В.Ф. Асмус. М.: Мысль, 1976. Т. 1.
- Аристотель.** Метафизика / Пер. А.В. Маркова. М.: РИПОЛ классик, 2018.
- Головко Н. В.** Проблема индивидуации теорий и научный реализм // Философия науки. 2005. № 1. С. 63–105.
- Головко Н. В.** Теоретические и операциональные ограничения в эпистемологии науки: преодоление логицизма // Философия науки. 2007а. № 1. С. 33–69.
- Головко Н. В.** Натурализация эпистемологии и основные аргументы против научного реализма. II: Недоопределенность и (мета)индукция // Вестник НГУ. Серия: Философия. 2007b. № 2. С. 9–16.
- Головко Н. В.** Теоретические и операциональные ограничения в эпистемологии науки: Метафизические и инструментальные ограничения – I // Философия науки. 2007с. № 3. С. 3–40.
- Головко Н. В.** Натурализация эпистемологии: Т. Кун и У.В.О. Куайн против априоризма // Гуманитарные науки в Сибири. 2007d. № 1. С. 33–66.
- Головко Н. В.** Натурализация эпистемологии и «возвращение психологии»: Проблема мотивации // Вестник Томского государственного университета. 2007е. № 294. С. 120–124.
- Головко Н. В.** Теоретические и операциональные ограничения в эпистемологии науки: Метафизические и инструментальные ограничения – II // Философия науки. 2008а. № 1. С. 18–47.
- Головко Н. В.** Натурализация эпистемологии и основные аргументы против научного реализма. III: Абдуктивный вывод // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2008b. Т. 6. № 1. С. 9–15.
- Головко Н. В.** Натуралистический поворот: Современная наука и метафизика // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2011. Т. 9. № 3. С. 30–36.
- Головко Н. В.** Научный реализм и натурализация семантики // Ценности и смыслы. 2013а. № 3. С. 75–87.
- Головко Н. В.** Натурализация метафизики: Научный реализм и диалектический материализм // Вопросы философии. 2013b. № 8. С. 24–33
- Головко Н. В.** О Д. Деннете и паттернах: Р. Рорти, М. Девиитт и реализм // Сибирский философский журнал. 2017а. № 1. С. 35–48.
- Головко Н. В.** Еще раз о Д. Деннете и паттернах: Г. Рейхенбах, Дж. Хогеланд и новый эмпиризм // Сибирский философский журнал. 2017b. № 2. С. 53–67.
- Головко Н. В.** Д. Деннет и научный реализм: эмпирическая эквивалентность и эвиденциальное подкрепление теоретических утверждений // Сибирский философский журнал. 2019. № 2. С. 77–98.

- Головкин Н. В.** Реальные паттерны Д. Деннета как модальная онтология: Что укореняет центр тяжести // Сибирский философский журнал. 2020. № 3. С. 5–27.
- Головкин Н. В.** Конец теории: Big Data и научный метод // От идеи к практике: социогуманитарное знание в цифровой среде: Сб. науч. тр. Всеросс. науч. конф. (Новосибирск, НГУ, ИФПР СО РАН, 24–25 марта 2021) / Отв. ред. В.В. Петров. Новосибирск: НГУ, 2021. С. 50–54.
- Головкин Н. В.** Дж. Лэдимен, Д. Деннет и Дж. Лоу: Как существует электрон // Сибирский философский журнал. 2022a. № 2. С. 19–42.
- Головкин Н. В.** Естественная историческая установка: объективность вместо истинности // Сибирский философский журнал. 2022b. № 4. С. 127–140.
- Головкин Н. В.** Чего нет в известной статье Эдмунда Гетье // Сибирский философский журнал. 2023a. № 1. С. 105–126.
- Головкин Н. В.** Эвиденциализм, тезис Фантла – Макграта и аргумент от ошибки // *Respublica Literaria*. 2023b. Т. 4. № 4. С. 5–13.
- Головкин Н. В.** Наука в полицентричном мире // Философия в полицентричном мире. К 100-летию со дня рождения А.А. Зиновьева: Избр. тр. VIII Росс. филос. конгресса / Под ред. А.В. Смирнова, Ю.М. Резника. М.: Сам полиграфист, 2023c. С. 46–62.
- Головкин Н. В.** Когнитивно спонтанные убеждения и достоверность внутри системы // Сибирский философский журнал. 2024a. № 2. С. 105–137.
- Головкин Н. В.** Объяснение как мета-обоснование // Сибирский философский журнал. 2024b. № 3. С. 83–108.
- Головкин Н. В., Эртель И. И.** Онтический структурный реализм: онтология паттернов и модальная природа структур // Сибирский философский журнал. 2020. № 4. С. 5–29.
- Головкин Н. В., Эртель И. И.** Дж. Лэдимен, Д. Деннет и Дж. Лоу: Научный реализм и метафизика возможностей // Сибирский философский журнал. 2021. № 4. С. 5–33.
- Горан В. П.** Теоретические и методологические проблемы истории западной философии. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007.
- Коллинз Р.** Золотой век макроисторической социологии // *Время мира. Альманах*. Вып. 1: Историческая макросоциология в XX веке / Под ред. Н.С. Розова. Новосибирск: ОИГГМ СО РАН, 1998a. С. 72–89.
- Коллинз Р.** Предсказание в макросоциологии: случай Советского коллапса // *Время мира. Альманах*. Вып. 1: Историческая макросоциология в XX веке / Под ред. Н.С. Розова. Новосибирск: ОИГГМ СО РАН, 1998b. С. 234–278.
- Коллинз Р.** Социология философий. Глобальная теория социального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002.
- Ленин В. И.** Материализм и эмпириокритицизм / В.И. Ленин. Полн. собр. соч.: в 55 томах. 5-е изд. М.: Изд-во Полит. лит., 1973. Т. 18. С. 7–384.
- Прись И. Е.** (Ин)детерминизм и контекстуальный реализм // Сибирский философский журнал. 2025. № 4. С. 5–19.
- Пэджд Д.** Философия геологии. СПб.: Н. Тиблен и Ко, 1867.
- Разеев Д. Н.** Телеология Иммануила Канта. СПб.: Наука, 2010.
- Розов Н. С.** Философия и теория истории. Кн. 1. Прологомены. М.: Логос, 2002.

- Розов Н. С.** Социологический реляционизм С. Фукса и объяснение «рабочего платонизма» в математике // *Философия науки*. 2006. № 3. С. 39–48.
- Сырмич С. Ю.** Метафизическая и естественная модальности в серьезном эссенциализме Дж. Лоу // *Сибирский философский журнал*. 2025. № 3. С. 5–32.
- Французов П. А., Нечипоренко А. В.** Проблема онтологии квантовой физики // *Философия науки*. 2020. № 2. С. 84–112.
- Шиповалова Л. В.** Объективность как научная ценность и добродетель: условия возможности // *Альманах «Дискурсы этики»*. 2014. № 4. С. 95–110.
- Anstey P., Vanzo A.** *Experimental Philosophy and the Origins of Empiricism*. Cambridge University Press, 2023.
- Aristotle.** *Analytica Posteriora* / Tr. G. Mure. Oxford: Clarendon Press, 1928.
- Baker V.** Uniformitarianism, Earth System Science and Geology // *Anthropocene*. 2014. Vol. 5. P. 76–79.
- Bemmelen R. van.** The Scientific Character of Geology // *The Journal of Geology*. 1961. No. 4. P. 453–463.
- Bouchier E.** *Aristotle's Posterior Analytics*. Oxford: The Holywell Press, 1901.
- Chisholm R.** *Perceiving: A Philosophical Study*. Cornell University Press, 1957.
- Chisholm R.** *Theory of Knowledge*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1966.
- Cleland C.** Historical Science, Experimental Science, and the Scientific Method // *Geology*. 2001. Vol. 29. No. 11. P. 987–990.
- Dawid R.** Underdetermination and Theory Succession from the Perspective of String Theory // *Philosophy of Science*. 2006. Vol. 73. No. 3. P. 298–322.
- Devitt M.** *Realism and Truth*. Princeton University Press, 1997.
- Dummett M.** *The Logical Basis of Metaphysics*. Harvard University Press, 1991.
- Feldman R., Conee E.** Evidentialism // *Philosophical Studies*. 1985. Vol. 48. No. 1. P. 15–34.
- Firth R.** Are Epistemic Concepts Reducible to Ethical Concepts? // *Values and Morals* / Ed. A. Goldman, J. Kim. Boston, MA: D. Reidel, 1978. P. 215–229.
- Fowler T.** *Bacon's Novum Organum*. Oxford: Clarendon Press, 1878.
- Fraassen B. van.** *The Empirical Stance*. Yale University Press, 2002.
- Gettier E.** Is Justified True Belief Knowledge? // *Analysis*. 1963. Vol. 23. No. 6. P. 121–123.
- Ginsborg H.** Going on as one ought: Kripke and Wittgenstein on the normativity of meaning // *Mind & Language*. 2022. No. 37. P. 876–892.
- Goldman A.** What Is Justified Belief? // *Justification and Knowledge: New Studies in Epistemology* / Ed. G. Pappas. Dordrecht: Reidel, 1979. P. 1–25.
- Gotthelf A.** *Teleology, First Principles, and Scientific Method in Aristotle's Biology*. Oxford University Press, 2012.
- Gould S.** Is Uniformitarianism Necessary? // *The American Journal of Science*. 1965. Vol. 263. Iss. 3. P. 223–228.
- Grice P.** *Logic and Conversation* // *Syntax and Semantics*. Vol. 3: *Speech Acts* / Ed. P. Cole, J. Morgan. London: Academic Press, 1975. P. 41–58.
- Harman G.** *Thought*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1973.
- Hempel C.** The Function of General Laws in History // *The Journal of Philosophy*. 1942. Vol. 39. No. 2. P. 35–48.

- Hetherington S.** Knowledge and the Gettier Problem. Cambridge University Press, 2016.
- Hughes N.** Who's Afraid of Epistemic Dilemmas? // *Epistemic Dilemmas. New Arguments, New Angles* / Ed. K. McCain, S. Stapleford, M. Steup. Routledge, 2022. P. 253–268.
- Kant I.** Critique of Pure Reason / Tr. M. Weigelt. Penguin Books, 2007.
- Katz J.** Realistic Rationalism. Cambridge, MA: MIT Press, 1998.
- Korcz K.** The Causal-Doxastic Theory of the Basing Relation // *Canadian Journal of Philosophy*. 2000. № 4. P. 525–550.
- Kripke S.** Wittgenstein on Rules and Private Language. Oxford: Blackwell, 1982.
- Ladyman J., Ross D., Spurrett D., Collier J.** Every Thing Must Go: Metaphysics Naturalized. Oxford University Press, 2007.
- Laudan L., Lepin J.** Empirical Equivalence and Underdetermination // *The Journal of Philosophy*. 1991. Vol. 88. No. 9. P. 449–472.
- Lehrer K.** How Reasons Give us Knowledge, or the Case of the Gypsy Lawyer // *The Journal of Philosophy*. 1971. № 10. P. 311–313.
- Lowe J.** The Possibility of Metaphysics. Oxford: Clarendon Press, 1998.
- Lowe J.** The Four-Category Ontology: A Metaphysical Foundation for Natural Science. Oxford University Press, 2006.
- Lowe J.** What is the Source of Our Knowledge of Modal Truths? // *Mind*. 2012. Vol. 121. No. 484. P. 919–950.
- Lowe E.** Metaphysics as the Science of Essence // *Analysis*. 2016. Vol. 19. No. 7. P. 1–30.
- MacBride F.** Speaking with Shadows: A Study of Neo-Logicism // *British Journal for the Philosophy of Science*. 2003. Vol. 54. No. 1. P. 103–163.
- Nelson L.** A Feminist Naturalized Philosophy of Science // *Synthese*. 1995. Vol. 104. No. 3. P. 399–421.
- Quine W.** Ontology and Ideology // *Philosophical Studies*. 1951. Vol. 2. No. 1. P. 11–15.
- Ross W.** Aristotle's Metaphysics. Vol. 1. Oxford: Clarendon Press, 1924.
- Russell B.** The Problems of Philosophy. Oxford University Press, 1951.
- Sainsbury M.** Logical Forms. An Introduction to Philosophical Logic. Blackwell, 2001.
- Simon H.** Models of Man. New York: Wiley, 1957.
- Smith J., Ross W.** Works of Aristotle. Vol. VIII. Metaphysica. Oxford: Clarendon Press, 1908.
- Spinoza B.** The Collected Works of Spinoza / Ed. E. Curley. Princeton University Press, 1985.
- Steup M.** An Introduction to Contemporary Epistemology. Upper Saddle River, NJ: Prentice Hall, 1996.
- Taylor B.** Models, Truth, and Realism. Oxford University Press, 2006.
- Watson R.** Is Geology Different: A Critical Discussion of «The Fabric of Geology» // *Philosophy of Science*. 1966. Vol. 33. Iss. 2. P. 172–185.
- White H.** Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-century Europe. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 1973.
- Whiting D.** What is the Normativity of Meaning? // *Inquiry*. 2013. No. 59. P. 219–238.
- Witten E.** Duality, Spacetime and Quantum Mechanics // *Physics Today*. 1997. Vol. 50. Iss. 5. P. 28–33.
- Woolhouse R.** The Empiricists. Oxford University Press, 1988.

References

- Anstey P., Vanzo A.** Experimental Philosophy and the Origins of Empiricism. Cambridge University Press, 2023.
- Aristotle.** *Analytica Posteriora* / Tr. G. Mure. Oxford: Clarendon Press, 1928.
- Aristotle.** *Metaphysics* / Tr. A.V. Kubitsky. Moscow: State Soc.-Econ. Publishing House, 1934. (in Russian)
- Aristotle.** *Analytics I and II* / Tr. B.A. Fokht. Moscow: State Pol. Lit. Publishing House, 1952. (in Russian)
- Aristotle.** Works: in 4 volumes / Ed. V.F. Asmus. Moscow: Mysl, 1976. Vol. 1. (in Russian)
- Aristotle.** *Metaphysics* / Tr. A.V. Markov. Moscow: RIPOL classic, 2018. (in Russian)
- Baker V.** Uniformitarianism, Earth System Science and Geology // *Anthropocene*. 2014. Vol. 5. P. 76–79.
- Bemmelen R. van.** The Scientific Character of Geology // *The Journal of Geology*. 1961. No. 4. P. 453–463.
- Bouchier E.** *Aristotle's Posterior Analytics*. Oxford: The Holywell Press, 1901.
- Chisholm R.** *Perceiving: A Philosophical Study*. Cornell University Press, 1957.
- Chisholm R.** *Theory of Knowledge*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1966.
- Cleland C.** Historical Science, Experimental Science, and the Scientific Method // *Geology*. 2001. Vol. 29. No. 11. P. 987–990.
- Collins R.** The Golden Age of Macrohistorical Sociology // *Vremia Mira*. Issue 1: Historical Macrosociology in the 20th Century / Ed. N.S. Rozov. Novosibirsk: OIGGM SB RAS, 1998a. P. 72–89. (in Russian)
- Collins R.** Prediction in Macrosociology: The Case of the Soviet Collapse // *Vremia Mira*. Issue. 1: Historical Macrosociology in the 20th Century / Ed. N.S. Rozov. Novosibirsk: OIGGM SB RAS, 1998b. P. 234–278. (in Russian)
- Collins R.** *The Sociology of Philosophies. A Global Theory of Intellectual Change*. Novosibirsk: Sibirskii khronograf, 2002. (in Russian)
- Dawid R.** Underdetermination and Theory Succession from the Perspective of String Theory // *Philosophy of Science*. 2006. Vol. 73. No. 3. P. 298–322.
- Devitt M.** *Realism and Truth*. Princeton University Press, 1997.
- Dummett M.** *The Logical Basis of Metaphysics*. Harvard University Press, 1991.
- Feldman R., Conee E.** Evidentialism // *Philosophical Studies*. 1985. Vol. 48. No. 1. P. 15–34.
- Firth R.** Are Epistemic Concepts Reducible to Ethical Concepts? // *Values and Morals* / Ed. A. Goldman, J. Kim. Boston, MA: D. Reidel, 1978. P. 215–229.
- Fowler T.** *Bacon's Novum Organum*. Oxford: Clarendon Press, 1878.
- Fraassen B. van.** *The Empirical Stance*. Yale University Press, 2002.
- Frantsuzov P. A., Nechiporenko A. V.** The Problem of the Ontology of Quantum Physics // *Philosophy of Science*. 2020. No. 2. P. 84–112. (in Russian)
- Gettier E.** Is Justified True Belief Knowledge? // *Analysis*. 1963. Vol. 23. No. 6. P. 121–123.
- Ginsborg H.** Going on as one ought: Kripke and Wittgenstein on the normativity of meaning // *Mind & Language*. 2022. No. 37. P. 876–892.

- Goldman A.** What Is Justified Belief? // Justification and Knowledge: New Studies in Epistemology / Ed. G. Pappas. Dordrecht: Reidel, 1979. P. 1–25.
- Golovko N. V.** The Problem of Individuation of Theories and Scientific Realism // Philosophy of Science. 2005. No. 1. P. 63–105. (in Russian)
- Golovko N. V.** Theoretical and Operational Limitations in the Epistemology of Science: Overcoming of Logicism // Philosophy of Science. 2007a. No. 1. P. 33–69. (in Russian)
- Golovko N. V.** Naturalization of Epistemology and the Main Arguments against Scientific Realism. II: Underdetermination and (Meta)Induction // Vestnik of the Novosibirsk State University. Series: Philosophy. 2007b. No. 2. P. 9–16. (in Russian)
- Golovko N. V.** Theoretical and Operational Limitations in the Epistemology of Science: Metaphysical and Instrumental Limitations – I // Philosophy of Science. 2007. No. 3. P. 3–40. (in Russian)
- Golovko N. V.** Naturalization of Epistemology: T. Kuhn and W. V. O. Quine against Apriorism // Humanities in Siberia. 2007d. No. 1. P. 33–36. (in Russian)
- Golovko N. V.** Naturalization of Epistemology and the “Return of Psychology”: The Problem of Motivation // Tomsk State University Bulletin. 2007e. № 294. P. 120–124. (in Russian)
- Golovko N. V.** Theoretical and Operational Limitations in the Epistemology of Science: Metaphysical and Instrumental Limitations – II // Philosophy of Science. 2008a. No. 1. P. 18–47. (in Russian)
- Golovko N. V.** Naturalization of Epistemology and the Main Arguments against Scientific Realism. III: Abductive Inference // Vestnik of the Novosibirsk State University. Series: Philosophy. 2008b. Vol. 6. No. 1. P. 9–15. (in Russian)
- Golovko N. V.** The Naturalistic Turn: Modern Science and Metaphysics // Vestnik of the Novosibirsk State University. Series: Philosophy. 2011. Vol. 9. No. 3. P. 30–36. (in Russian)
- Golovko N. V.** Scientific Realism and the Naturalization of Semantics // Values and Meanings. 2013a. No. 3. P. 75–87. (in Russian)
- Golovko N. V.** Naturalization of Metaphysics: Scientific Realism and Dialectical Materialism // Voprosy Filosofii. 2013b. No. 8. P. 24–33. (in Russian)
- Golovko N. V.** On D. Dennett and Patterns: R. Rorty, M. Devitt and Realism // Siberian Philosophical Journal. 2017a. No. 1. P. 35–48. (in Russian)
- Golovko N. V.** Once Again on D. Dennett and Patterns: G. Reichenbach, J. Haugeland, and the New Empiricism // Siberian Journal of Philosophy. 2017b. No. 2. P. 53–67. (in Russian)
- Golovko N. V.** D. Dennett and Scientific Realism: Empirical Equivalence and Evidential Support for Theoretical Claims // Siberian Journal of Philosophy. 2019. No. 2. P. 77–98. (in Russian)
- Golovko N. V.** D. Dennett’s Real Patterns as a Modal Ontology: What Grounds the Center of Gravity // Siberian Journal of Philosophy. 2020. No. 3. P. 5–27. (in Russian)
- Golovko N. V.** The End of Theory: Big Data and the Scientific Method // From Idea to Practice: Social and Humanitarian Knowledge in the Digital Environment. Scientific Papers of the Conference (Novosibirsk, NSU, ISPPR SB RAS, March 24–25, 2021) / Ed. V.V. Petrov. Novosibirsk: NSU Press, 2021. P. 50–54. (in Russian)

- Golovko N. V.** J. Ladyman, D. Dennett, and J. Lowe: How the Electron Exists // *Siberian Journal of Philosophy*. 2022a. No. 2. P. 19–42. (in Russian)
- Golovko N. V.** The Natural Historical Attitude: Objectivity Instead of Truth // *Siberian Journal of Philosophy*. 2022b. No. 4. P. 127–140. (in Russian)
- Golovko N. V.** What's Missing in Edmund Gettier's Famous Article // *Siberian Journal of Philosophy*. 2023a. No. 1. P. 105–126. (in Russian)
- Golovko N. V.** Evidentialism, Fantl-McGrath Thesis, and the Argument from Fallacy // *Respublica Literaria*. 2023b. Vol. 4. No. 4. P. 5–13. (in Russian)
- Golovko N. V.** Science in a Polycentric World // *Philosophy in a Polycentric World. Selected Works of the VIII Russian Philosophical Congress* / Ed. A.V. Smirnov, Yu.M. Reznik. Moscow: Sam Polygraphist, 2023c. P. 46–62. (in Russian)
- Golovko N. V.** Cognitively Spontaneous Beliefs and Reliability Within the System // *Siberian Journal of Philosophy*. 2024a. No. 2. P. 105–137. (in Russian)
- Golovko N. V.** Explanation as Meta-Justification // *Siberian Journal of Philosophy*. 2024b. No. 3. P. 83–108. (in Russian)
- Golovko N. V., Ertel I. I.** Ontic Structural Realism: Ontology of Patterns and the Modal Nature of Structures // *Siberian Journal of Philosophy*. 2020. No. 4. P. 5–29. (in Russian)
- Golovko N. V., Ertel I. I.** J. Ladyman, D. Dennett, and J. Lowe: Scientific Realism and the Metaphysics of Possibility // *Siberian Journal of Philosophy*. 2021. No. 4. P. 5–33. (in Russian)
- Goran V. P.** Theoretical and Methodological Problems of the History of Western Philosophy. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2007. (in Russian)
- Gotthelf A.** Teleology, First Principles, and Scientific Method in Aristotle's Biology. Oxford University Press, 2012.
- Gould S.** Is Uniformitarianism Necessary? // *The American Journal of Science*. 1965. Vol. 263. Iss. 3. P. 223–228.
- Grice P.** Logic and Conversation // *Syntax and Semantics*. Vol. 3: Speech Acts / Ed. P. Cole, J. Morgan. London: Academic Press, 1975. P. 41–58.
- Harman G.** Thought. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1973.
- Hempel C.** The Function of General Laws in History // *The Journal of Philosophy*. 1942. Vol. 39. No. 2. P. 35–48.
- Hetherington S.** Knowledge and the Gettier Problem. Cambridge University Press, 2016.
- Hughes N.** Who's Afraid of Epistemic Dilemmas? // *Epistemic Dilemmas. New Arguments, New Angles* / Ed. K. McCain, S. Stapleford, M. Steup. Routledge, 2022. P. 253–268.
- Kant I.** Critique of Pure Reason / Tr. M. Weigelt. Penguin Books, 2007.
- Katz J.** Realistic Rationalism. Cambridge, MA: MIT Press, 1998.
- Korcz K.** The Causal-Doxastic Theory of the Basing Relation // *Canadian Journal of Philosophy*. 2000. № 4. P. 525–550.
- Kripke S.** Wittgenstein on Rules and Private Language. Oxford: Blackwell, 1982.
- Ladyman J., Ross D., Spurrett D., Collier J.** Every Thing Must Go: Metaphysics Naturalized. Oxford University Press, 2007.

- Laudan L., Lepplin J.** Empirical Equivalence and Underdetermination // The Journal of Philosophy. 1991. Vol. 88. No. 9. P. 449–472.
- Lehrer K.** How Reasons Give us Knowledge, or the Case of the Gypsy Lawyer // The Journal of Philosophy. 1971. № 10. P. 311–313.
- Lenin V. I.** Materialism and Empiriocriticism / V.I. Lenin. Complete Works. 5th edition: in 55 volumes. Vol. 18. Moscow: Polit. Liter. Publishing House, 1973. P. 7–384. (in Russian)
- Lowe J.** The Possibility of Metaphysics. Oxford: Clarendon Press, 1998.
- Lowe J.** The Four-Category Ontology: A Metaphysical Foundation for Natural Science. Oxford University Press, 2006.
- Lowe J.** What is the Source of Our Knowledge of Modal Truths? // Mind. 2012. Vol. 121. No. 484. P. 919–950
- Lowe E.** Metaphysics as the Science of Essence // Analysis. 2016. Vol. 19. No. 7. P. 1–30.
- MacBride F.** Speaking with Shadows: A Study of Neo-Logicism // British Journal for the Philosophy of Science. 2003. Vol. 54. No. 1. P. 103–163.
- Nelson L.** A Feminist Naturalized Philosophy of Science // Synthese. 1995. Vol. 104. No. 3. P. 399–421.
- Page D.** Philosophy of Geology. Saint-Petersburg: N. Tiblen & Co., 1867. (in Russian)
- Pris I. E.** (In)determinism and Contextual Realism // Siberian Philosophical Journal. 2025. No. 4. P. 5–19 (in Russian)
- Quine W.** Ontology and Ideology // Philosophical Studies. 1951. Vol. 2. No. 1. P. 11–15.
- Razeev D. N.** Teleology of Immanuel Kant. Saint-Petersburg: Nauka, 2010. (in Russian)
- Ross W.** Aristotle's Metaphysics. Vol. 1. Oxford: Clarendon Press, 1924.
- Rozov N. S.** Philosophy and Theory of History. Book 1. Prolegomena. Moscow: Logos, 2002. (in Russian)
- Rozov N. S.** Sociological Relationism of S. Fuchs and an Explanation of Working Platonism in Mathematics // Philosophy of Science. 2006. No. 3. P. 39–48. (in Russian)
- Russell B.** The Problems of Philosophy. Oxford University Press, 1951.
- Sainsbury M.** Logical Forms. An Introduction to Philosophical Logic. Blackwell, 2001.
- Shipovalova L. V.** Objectivity as a Scientific Value and Virtue: Conditions of Possibility // Discourses of Ethics. 2014. No. 4. P. 95–110. (in Russian)
- Simon H.** Models of Man. New York: Wiley, 1957.
- Smith J., Ross W.** Works of Aristotle. Vol. VIII. Metaphysica. Oxford: Clarendon Press, 1908.
- Spinoza B.** The Collected Works of Spinoza / Ed. E. Curley. Princeton University Press, 1985.
- Steup M.** An Introduction to Contemporary Epistemology. Upper Saddle River, NJ: Prentice Hall, 1996.
- Syrmich S. Yu.** Metaphysical and Natural Modalities in the Serious Essentialism by J. Lowe // Siberian Journal of Philosophy. 2025. No. 3. P. 5–32. (in Russian)
- Taylor B.** Models, Truth, and Realism. Oxford University Press, 2006.
- Watson R.** Is Geology Different: A Critical Discussion of «The Fabric of Geology» // Philosophy of Science. 1966. Vol. 33. Iss. 2. P. 172–185.
- White H.** Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-century Europe. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 1973.
- Whiting D.** What is the Normativity of Meaning? // Inquiry. 2013. No. 59. P. 219–238.

Witten E. Duality, Spacetime and Quantum Mechanics // Physics Today. 1997. Vol. 50. Iss. 5. P. 28–33.

Woolhouse R. The Empiricists. Oxford University Press, 1988.

Информация об авторе

Головко Никита Владимирович, доктор философских наук, доцент
заведующий кафедрой онтологии, теории познания и методологии науки,
Новосибирский государственный университет;
ведущий научный сотрудник, Институт философии и права СО РАН

Information about the Author

Nikita Golovko, Doctor of Sciences (Philosophy)
Head of the Chair of Ontology, Epistemology and Methodology of Science, Novo-
sibirsk State University;
Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS

*Статья поступила в редколлегию 25.02.2026;
одобрена после рецензирования 2.03.2026; принята к публикации 2.03.2026
The article was submitted 25.02.2026;
approved after reviewing 2.03.2026; accepted for publication 2.03.2026*

Научная статья

УДК 141.319.8:[130.121+165.62]:303.4

DOI 10.25205/2541-7517-2025-23-4-113-140

Антропологический поворот в феноменологии исторической памяти о Великой Отечественной войне

Данила Владимирович Малахов

*Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации
Гомель, Беларусь*

danmalakhov08@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-6713-5119>

Аннотация

Статья посвящена проблеме совершенствования исторической памяти о Великой Отечественной войне. Феноменологический аспект памяти призван заострить императивный, смысловой уровень ее конституирования. Образы человека, восходящего от претерпевания абсолютного зла к подвигу духовного деяния, составляют философско-мировоззренческую сердцевину предлагаемого подхода. Различение смыслов претерпевания страданий и деяния формируется в контексте принципов интенциональной феноменологии и призвано интерпретировать единство этих смыслов в катастрофическом событии истории. Антропологический поворот в конституировании исторической памяти понимается в бинарном контексте, предусматривающем сущностное взаимодействие образа человека прошлого и человека, это прошлое воссоздающего. Предложенный подход может быть востребован современной гуманитарной наукой, а также теорией и практикой воспитательно-образовательного процесса.

Ключевые слова

Великая Отечественная война, нацистские лагеря смерти, Холокост, страдание, феноменология, интенциональность, смысл, деяние

Для цитирования

Малахов Д. В. Антропологический поворот в феноменологии исторической памяти о Великой Отечественной войне // Сибирский философский журнал. 2025. Т. 23, № 4. С. 113–140. DOI 10.25205/2541-7517-2025-23-4-113-140

An anthropological Turn in the Phenomenology of historical Memory of the Great Patriotic War

Danila V. Malakhov

*Belarusian Trade and Economics University of Consumer Cooperatives
Gomel, Republic of Belarus*

danmalakhov08@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-6713-5119>

Abstract

The paper is devoted to the problem of improving the historical memory of the Great Patriotic War. The phenomenological aspect of memory aims to highlight the imperative, semantic level of its constitution. Images of the person, ascending from the suffering of absolute evil to the spiritual feat of resistance, constitute the philosophical and ideological core of the proposed approach. The distinction between the meanings of suffering and deed is formed within the context of the principles of intentional phenomenology and is intended to interpret the unity of these meanings in a catastrophic historical event. The anthropological turn in the constitution of historical memory is understood within a binary context, presupposing the essential interaction between the image of a person of the past and the person recreating that past. The proposed approach can be used in modern humanities, as well as in the theory and practice of the upbringing and educational process.

Keywords

Great Patriotic War, Nazi death camps, Holocaust, suffering, phenomenology, intentionality, meaning, deed

For citation

Malakhov D. V. An anthropological Turn in the Phenomenology of historical Memory of the Great Patriotic War. *Siberian Journal of Philosophy*, 2025, vol. 23, no. 4, p. 113–140 (in Russian) DOI 10.25205/2541-7517-2025-23-4-113-140

Метаморфозы исторической памяти

Статья является своеобразным подведением итогов моего шестнадцатилетнего пребывания в Беларуси. Живя эти годы на буквально залитой кровью и засыпанной пеплом пожарищ земле, я старался понять природу страданий, деяний и памяти о Великой Отечественной войне. Это было важно для меня как для сибирика, ученого, человека. Поэтому душа исторической памяти Беларуси и белорусов занимает в статье особое место. Беларусь – это земля огненных деревень, партизанских отрядов, еврейских гетто, лагерей советских военнопленных и нацистских лагерей смерти, в том числе лагерей детских.

Мне довелось многое узнать об этом, прочесть документы, услышать свидетельства живых очевидцев массовых расстрелов евреев гомельщины и минщины. Среди них были и такие необычные факты. При планировании массовых расстрелов евреев ответственные за это эсэсовцы приказывали набирать команды крестьян из близлежащих к местам казней деревень. Требовалось выкопать большие глубокие ямы, а затем засыпать расстрелянных людей землей. Ямы крестьяне выкапывали, понимая, для чего и для кого они это делают. Многие из них недолюбливали евреев, но, когда казнь завершалась и их звали, чтобы засыпать ямы, происходило нечто странное. Белорусские мужики подходили к ямам, смотрели на сброшенные в них тела людей, а затем, переглянувшись, втыкали лопаты в землю и заводили руки за спину, демонстрируя открытое неповиновение приказу.

И тогда их расстреливали, а затем сбрасывали в ту же яму. Почему они отказывались? Заглянув в яму, они видели, что некоторые люди еще живы. Одно дело укрыть родной землей истерзанных и мертвых, но совсем другое – самому стать палачом, похоронив людей заживо. Эти события повторялись из раза в раз в различных областях, они не носили разовый, случайный характер.

Старожилы подробно рассказывали мне об этих расстрельных ямах с живыми людьми: как не могла успокоиться земля, которой засыпали рвы с еврейскими женщинами, мужчинами, стариками, детьми. Земля ходила ходуном от судорог и дыхания людей, к которым не приходила смерть. Рассказывали они и о том, как слышали доносящиеся из-под земли стоны. Если расстреливали в морозные дни, а потом наступала оттепель, то земля источала кровь; кровь исходила на ее поверхность. Я слышал о целых полях крови. Таких мест в Беларуси неисчислимое множество.

За последние годы в рамках уголовного дела о геноциде белорусского народа Генеральная прокуратура скорректировала данные о количестве уничтоженных, сожженных деревень. Историческая наука советского времени называла цифру в 9200 деревень, сейчас же она выросла более чем на тысячу и составляет не менее 10300. Деревни отличались по количеству жителей. Так, в Борках Минской области нацистами было уничтожено 2027 человек, а в Оле Гомельской области 1758 человек, из которых 950 были детьми. До войны в Оле проживало всего 180 человек, но ее расположение вдали от транспортных узлов и мест дислокации германских войск позволяло надеяться, что здесь можно укрыться; даже командиры партизанских отрядов рекомендовали жителям деревень Гомельской области перебраться в Олу, отстроиться и спокойно переждать оккупацию. И Ола стала центром исхода. Какая жестокая гримаса войны!

Что ж, кажется, все у нас в порядке: мы помним, знаем и чтим. Я вижу это в современной Беларуси, опосредованно наблюдаю в России. Но – думаем ли мы об этом, действительно ли нам *необходима* свободная и ответственная мысль о Великой Отечественной войне, нацистских лагерях смерти, огненных деревнях, еврейских гетто, Холокосте? Я задаю себе этот вопрос постоянно и не только потому, что привык читать, размышлять и писать об этих вещах, что преподаю в университете курс, посвященный Великой Отечественной войне. Я задаю его себе по другой причине: перед моими глазами стоит живое наследие совершенно иных мыслей, иных концептуальных конфигураций. Что имеется в виду? В первую очередь, ложные аналогии, за которыми следует принципиальное непонимание существа этих событий для жизни современного общества, воспитания и образования.

Фактическое «философское» отождествление марксизма-ленинизма, фашизма и нацизма открыто состоялось уже в 1991 г., то есть за несколько месяцев до распада Советского Союза, когда в ведущем философском журнале «Вопросы философии» в статье Г. С. Померанца *через запятую* были перечислены имена Маркса, Ленина, Сталина, Муссолини, Гитлера [1991, с. 59]. Это не просто слова, сказанные в сердцах человеком, испытывавшем на себе «прелести» ГУЛАГа, но фундаментальная установка значительной части советской и постсоветской интеллигенции, последовательно реализующей интенции антитоталитарной/антиав-

торитарной европейской «солидарности». Я допускаю, что этот феномен можно понять и даже принять. Но принять за одним исключением, которое, будучи помыслено со всей ответственностью философского разума перед истиной истории, превратит «солидарность» в фантом, потому что слишком тривиально и неподобающе выглядит проводимое в ее рамках отождествление ГУЛАГа и Освенцима как собирательно-событийного образа всех нацистских лагерей смерти.

Мне доводилось общаться с известными людьми и авторитетными учеными Беларуси и России, которые стояли на позициях подобного тождества. В таких случаях я понимал, что они элементарно не осведомлены о том, что в действительности происходило в нацистских лагерях смерти, что значило *быть* евреем, с одной стороны, в третьем рейхе и в странах Европы, оказавшихся в орбите его господства, и, с другой стороны, в Советском Союзе. Некоторые из этих людей не видели разницу между бытовым антисемитизмом и Холокостом. Они просто воспроизводили штамп.

К слову сказать, вопрос о тоталитарном/авторитарном тождестве Советского Союза и нацистской Германии поднимался по инициативе подсудимого Германа Геринга на Нюрнбергском процессе и получил однозначное разрешение: нацистским лагерям смерти, действиям айнзацгрупп и войск СС и СД на оккупированных восточных землях не подобны *никакие* иные исторические формы национальных трагедий, геноцида, репрессий. На своих лекциях и семинарах по курсу «Великая Отечественная война советского народа» (курс читается во всех высших учебных заведениях Беларуси) я всегда акцентирую внимание студентов на различиях между фашизмом и нацизмом. Антикоммунистический террор Бенито Муссолини, Эрнста Рема, Франсиско Франко, Видкуна Квислинга, Иона Антонеску еще можно осознать в пределах *человеческой* жестокости, не раз имевшей место в истории. Но когда мы переходим к германскому нацизму, к культу расы, крови, фюрера и рейха, все аналогии заканчиваются, поскольку перед нами не просто радикально националистическая, но *человеконенавистническая* идеология. Лидер НСДАП Эрнст Рем, кстати, считал расовые идеи Адольфа Гитлера, как, впрочем, и написанную им в тюрьме книгу, непонятными и малопригодными для фашистского движения.

При всем том адепты европейской «солидарности» зачастую не представляют, что она имеет вполне определенные геополитические истоки, смысловые контуры, цели. Рассмотрение генезиса исторической памяти в культурном пространстве европейского социума показывает, что в 90-х годах XX в. возникает своего рода интеллектуальная дисфункциональность социально-культурной и ценностно-мировоззренческой самоидентификации объединяющейся Европы. Коммеморация генерирует стратегии, обуславливающие весьма далекий от научных представлений об исторических судьбах народов и государств порядок. Нарращивание политических форм конституирования национально-культурных форм памяти получает в научной литературе достаточно веские и в целом единодушные квалификации: истоком переформатирования нарративов, определявших ценностные основы единого европейского сообщества после распада Советского Союза и социалистического блока, признается целенаправленное внедрение новых нарративов странами Восточной Европы.

Согласно Алейде Ассман [2022], нарративы исторической памяти конструируются так, чтобы *европейская мечта*, основанная на консолидации и солидарности единой Европы в противодействии тоталитарным/авторитарным, а по факту любым альтернативным неолиберализму установкам, получила идеологическое, ценностное обоснование. Космополитическая установка понимания нацистских лагерей смерти и Холокоста как задающих ценностные основания развития западноевропейских государственных институтов, институтов гражданского общества и политики единства и солидарности в целом [Бек, 2008, с. 85], дополняется восточноевропейским нарративом памяти, несмотря глубокие расхождения с ним по существу вопроса.

Дело в том, что фундаментальным ценностным нарративом в странах Западной Европы после Второй Мировой войны признавался антифашистский и антинацистский нарратив, в социально-политических контекстах которого осуществлялись кумуляция солидарности и общей ответственности за осуществленный Германией геноцид еврейского народа, а также отказ от рассмотрения коллективной и культурной форм памяти собственных наций в контексте исторических форм претерпевания ими схожих с еврейским народом страданий. Данный нарратив «описывался такими понятиями, как *Vergangenheitsbewältigung* (преодоление прошлого) и *Aufarbeitung der Vergangenheit* (проработка прошлого)» при том, что «"проработка прошлого", устранение "белых пятен" и обсуждение "темных страниц", как предполагалось, были не просто моральным императивом, но и необходимым условием для успеха будущего развития общества» [Миллер, 2020, с. 9]. Нарратив же новых, восточноевропейских, членов Европейского Союза базировался отнюдь не на памяти о нацистских лагерях смерти и Холокосте, но на радикальном переосмыслении периода их вхождения в социалистический блок под патронатом Советского Союза. Это время для большинства восточноевропейских стран стало интерпретироваться как *время советской оккупации*.

Далее последовал логически ложный, но политически дальновидный ход по установлению «сущностных» аналогий, что, как можно убедиться, привело к отказу от понимания единой Европой нацистских лагерей смерти и Холокоста как *единственных* основополагающих для новейшей европейской истории событий и от приоритетного социально-политического и идеологического статуса нарратива совместной ответственности *именно за них*. С легкой руки Ханны Арендт [1996] тоталитаризм и авторитаризм возводятся в ранг парадигмально значимых мировоззренческих абстракций и принципов понимания природы фашизма, нацизма и коммунизма. Вследствие этого носителем абсолютного зла признаются уже не столько нацизм и войска СС, осуществившие акты тотального уничтожения еврейского населения Европы, сколько советское государство, установившее в Восточной Европе якобы аналогичный режим. Характерным примером перекодировки памяти выступают непрекращающиеся попытки националистически ориентированных политических сил Латвии переименовать лагерь смерти Саласпилс в «место, где нацисты всего лишь воспитывали трудом, а не убивали» [Гусев, 2010, с. 482].

На мой взгляд, проблема совершенствования исторической памяти о Великой Отечественной войне осложняется тем, что образы человека, доминирующие

в современных информационных войнах, карикатурно однозначны, конструируются в черно-белом формате смыслов, размывающим сложность человеческой природы. Избыток образных и риторических штампов и банально интерпретируемой истории, властных институтов и общественного устройства порождают утрату человеческой глубины. Человек как понимающее и полагающее смыслы сущее редуцируется к действиям, которые не требуют философской рефлексии, новых идей о природе человека, художественно воплощаемых переживаний и смыслов самой историчности.

К сожалению, жертвами забвения памяти оказываются поколения, жизнь которых во временном интервале весьма далека от исторических событий, память о которых подвергается намеренным социально-политическим трансформациям, тривиальным и нетривиальным подтасовкам и инсинуациям. Результатом опоры исключительно на нормативные формы актуализации исторической памяти редко становится факт действительно осуществляемого субъектом памяти, в особенности молодым человеком, обобщения человеческой составляющей событий прошлого до пределов его гештальт-конститутивных форм человечности как таковой, находящейся в живой и непосредственной связи с современным человеком и обществом. А ведь именно это и образует жизненность исторической памяти, позволяет рассматривать ее совершенствование в ранге необходимого жизнеутверждающего акта.

Предлагаемый в статье подход нацелен в том числе на сознание этих поколений. Внимание к императивным формам актуализации исторической памяти как к порождаемому внутри личности и нацеленному на постижение неявных, сокрытых смыслов исторических событий, оказывается насущно необходимым для современного воспитания и образования. Это затрагивает и поиск герменевтических резервов, содержащихся в поколенческих разрывах. Это также вопрос о преемственности традиционно понимаемой человечности, особенно если речь идет о событиях, истинная память о которых становится критерием истинности суждений о нравственности и человечности как таковых. И этим же в значительной степени определяется избрание феноменологической философии как теоретико-методологического основания исследования. В данном философском направлении организация процесса переживания, полагание и обоснование смысла событий занимает ключевые позиции. Кроме того, феноменология является одним из ключевых направлений в новейшей истории философской мысли, проблема памяти заявлена в ней изначально, разработана всесторонне и глубоко; одно это позволяет беспроblemно опираться на феноменологию при исследовании исторической памяти.

Память о Великой Отечественной войне и эвристика феноменологической философии

Наиболее известными и авторитетными представителями феноменологии исторической памяти являются, на мой взгляд, два автора. В континентальной философии это Поль Рикер [2002; 2004] и Эдвард Кейси [Casey, 1976; 2000] в американской философии. В трудах П. Рикера проблема конституирования исто-

рической памяти рассматривается в основном в ракурсах философии повествовательных дискурсов, препятствующих забвению и актуализирующих в памяти историческое событие как внутреннее требование быть человеком, несущим бремя ответственности и обладающим мощью созидательного действия по отношению к другому человеку. Э. Кейси в значительно большей степени сосредоточивает внимание на созерцательных, эстетических и имажинативных конституентах памяти. Однако в той же степени, что и П. Рикер, Э. Кейси отличает память как простое воскрешение событий прошлого от последовательности актов ее конституирования как сотворения, воссоздания событий прошлого вновь, но уже в качестве их, событий, смысла.

Приступая к рассмотрению перспектив создания альтернативного европейскому ценностно-мировоззренческого дискурса исторической памяти о Второй мировой войне как войне для нас, в первую очередь, Великой Отечественной, сразу оговорю его предполагаемую философскую специфику.

Количество монографий, претендующих на авторское *философское* осмысление нацистских лагерей смерти и Холокоста, исчисляется в русскоязычном сегменте единичным порядком. Из объемных исследований можно назвать работы С. В. Лезова [1999], С. А. Смирнова [2017], В. А. Подороги [2017], Б. Г. Якеменко [2022]. Оценивая факт малочисленности авторских исследований в русскоязычном философском пространстве, полагаем, что одной из важных причин этого является не вполне ясное понимание того, какие именно аспекты и контексты исследований нацистских лагерей смерти и Холокоста имеют значение для формирования философских позиций и конкретизации исследовательских направлений в современной гуманитарной науке и в социуме.

Действительно, перед исследователем стоит серьезнейший вопрос о ценности и актуальности данных проблем для отечественной философской мысли, берущей или же не берущей на себя смелость ответить на вызов мысли европейской, поставившей перед собой и миром очередной «проклятый» вопрос о том, как можно жить, мыслить, творить, любить, заботиться, верить *после* Освенцима? Эта проблема была бескомпромиссно заострена еще Теодором Адорно: «После Освенцима чувство противится такому утверждению позитивности наличного бытия, видит в нем только пустую болтовню, несправедливость к жертвам; чувство не приемлет рассуждений о том, что в судьбе этих жертв еще можно отыскать какие-нибудь крохи так называемого смысла» [2003, с. 322].

Тем не менее, смысл искали и находили в сопротивлении узников лагерной системе, восстаниях в лагерях смерти и гетто, в бескорыстной помощи заключенных друг другу. Иными словами, в подтверждении образа человека в условиях, где *человечность*, казалось бы, становилась невозможной, невыполнимой. В этих поисках смысла узник и жертва не были столь малой величиной, чтобы полностью подчиниться стихии абсолютного зла, апогею бесчеловечности. Говоря словами Евгения Берковича, борьба узника/жертвы за свою человечность опиралась на обычное человеческое и, пожалуй, слишком человеческое понимание Добра. Вероятно, поэтому Евгений Беркович и назвал свою книгу «Банальность добра» [2003] – по аналогии и вместе с тем в противовес «Банальности зла» Ханны Арендт [2008]. Белорусская наука не стоит в этом вопросе в стороне. Особое

значение придается историческим исследованиям о партизанских отрядах, в которых сражались евреи. Можно назвать отряд братьев Бельских, партизанскую бригаду «Народные мстители», в 1942 г. переименованную в отряд «Мститель» под командованием Василия Воронянского и комиссара Ивана Тимчука. В этом отряде плечом к плечу с белорусами и русскими сражались Иосиф Берман, Бронислав Ройтблат, Хаим Александрович, Файвл Соломянский.

Не проходит белорусская историческая наука и мимо феномена «Праведников Народов Мира» – людей, несмотря на грозившую им лично и их семьям колоссальную опасность укрывавших евреев, помогавших им приобрести новые документы и бежать за пределы действия нацистского режима или к партизанам. Всего в мире известно более 25 270 «Праведников», из которых в Беларуси насчитывается почти 800 человек (это официальные данные, в действительности их может быть во много раз больше). В современной Беларуси известно и почитаемо имя одного из бойцов отряда «Мститель» Николая Яковлевича Киселева, возглавившего долгиновский «Марш жизни». Этот марш представлял собой реализацию разработанной командованием отряда операции по выводу уцелевших евреев деревни Долгиново (более двухсот человек) западной части БССР на территорию, неподконтрольную фашистской Германии. Операция предполагала продвижение по занятой нацистами территории БССР от деревни Долгиново через деревни Лепель, Чашники, Бешенковичи, Сиротино, Городок, Сураж и Усвяты с выходом в Невеле на территорию РСФСР и прибытием через Великие Луки в город Торопец.

Весь маршрут составлял более тысячи километров. Движение осуществлялось только по ночам. Жизнь бойцов отряда и спасаемых евреев сопровождалась неимоверными трудностями, связанными как с лечением увечий и болезней и обеспечением продовольствием, так и, в первую очередь, с необходимостью избегать встречи с отрядами вермахта, СС и полицией. По воспоминаниям участников марша жизни (почти все евреи остались в живых и были выведены за линию фронта на территорию РСФСР), Николай Киселев во время всего четырехмесячного пути являл для них образец глубокой, искренней человечности. Как показывает в своих воспоминаниях участник перехода Шимон Хевлин, Николай Киселев стал для евреев не по страху и долгу, а по любви и совести – человеком «самым близким и дорогим» [Герасимова, 2016, с. 207].

Но все это предполагает историческую апелляцию к *действенному* сопротивлению. Меня же интересует иное – страдание и претерпевание зла как таковые – вне реализуемой интенции действия. Хочу сразу заметить, что, в отличие от Европы, ни в Советском обществе, ни в современном белорусском обществе не возникло и не возникает *культы жертвы*. Память белорусов об огненных деревнях строга, собрана и глубока; она ничем не напоминает судорогу европейской «тирании покаяния» за Холокост. Огонь Хатыни как символ всех других уничтоженных вместе с жителями белорусских деревень никогда не воспринимался в Беларуси как огонь, событийно отделенный от горящих танков и самолетов, огня орудий и «Катюш».

У советского и российского писателя и историка Карема Раша (в новосибирском Академгородке он был известен и как тренер фехтовального клуба «Вик-

тория»), немало времени посвятившего исследованиям истории противостояния Сибирских дивизий элитным дивизиям СС «Рейх», «Мертвая голова», «Адольф Гитлер», «Викинг», есть описание подвига морского пехотинца тихоокеанского флота Михаила Пониаха, уроженца Могилевской области БССР, совершенного им 2 октября 1942 г. в районе завода «Красный Октябрь» Сталинграда: «Моряк-сибиряк расстрелял все патроны и израсходовал все гранаты, а танки все ползут на окопы. Михаил Пониаха встал с двумя последними бутылками горючей смеси в руках и замахнулся. В это время пуля разбила бутылку. Смесь залила моряка, и он запылал. Охваченный огнем, Михаил добежал до ближайшего танка, разбил о него вторую бутылку и сгорел вместе с фашистской машиной. Когда матрос кинулся к танку горящим факелом, смесь, против которой бессилён металл, пылала на живом человеческом теле. Смесь была уже теперь не просто горючей жидкостью, а Михаила Пониаху сжигал святой огонь самосожжения. Он был помазан смесью и освятил последним огнем любви обугленные руины Сталинграда» [Раш, 1989, с. 155].

Огонь, которым был охвачен Михаил Пониаха, – суть единый с Хатынью огонь. Иначе белорусское сознание не мыслило, не могло, да и не может мыслить трагедию сгоревших заживо жителей своих деревень. Воинский подвиг солдата Великой Отечественной войны предстает как иной, но, вместе с тем, тот же самый по отношению к страданиям жертв геноцида смысл: нацизм повержен. Смыслы в том и другом случае различаются, но в телеологических аспектах катастрофического события истории они представляют собой несомненное, а, значит, не конститутивное, единство и не могут рассматриваться в контексте феноменологии исторической памяти в качестве ее основных конститутивных сегментов.

Иное происходит при обращении к нацистским лагерям смерти, еврейским гетто, Холокосту. «Ад» этих мест не выходит за пределы себя самого в качестве иного смысла, отличного от действительного и мощно самодающего сознанию смысла апогея абсолютного зла. Можно сказать, что при встрече с фактичностью и образностью актов тотального уничтожения сознанию не удастся *вырвать* узников нацистских лагерей смерти и гетто из ситуации их полного и, за редкими исключениями, «безвольного» поглощения злом. Как утверждают Бруно Беттельхейм [Bettelheim, 1960], Виктор Франкл [Frankl, 1946; 1959], Давид Зильберман [2012], Жан Амери [2015], Василий Гроссман [1989; 1990], Борис Якеменко [2022], Примо Леви [Леви, 2001; Levi, 2001], нацистами осуществлялось не только массовое умерщвление человеческого тела, но и систематическое, рационально организованное и изощренное уничтожение души, духа.

Узник Освенцима и член еврейской «зондеркомандо» Залман Градовский оставил после себя записи, которые назвал «Дорога в ад», «В сердцевине ада», «Письмо из ада» [Полян, 2013, с. 157–310]. Он не выжил. Написанные на идише листки (переводчик и систематизатор Павел Полян назвал их «свитками из пепла») были упакованы З. Градовским в металлическую банку и зарыты в местах смешения земли с пеплом сожженных человеческих тел в расчете на то, что Красная Армия или войска союзников будут искать следы массового уничтожения именно здесь. В первом «свитке» З. Градовский пишет: «Он хотел посмотреть своими глазами на эту страшную картину – как огромная толпа людей превра-

щается в стадо животных. Он хотел наполнить свое разбойничье сердце наслаждением от человеческих страданий и боли. Видишь, как после большого участка пути они встают, как опьяненные, – измученные, разбитые – и по команде поют и танцуют, чтобы повеселить своих конвоиров. Он, этот подлый разбойник, и его помощники уже в начале этой операции принесли души в жертву своему арийскому божеству, теперь они превратили жертв в несчастные живые машины, лишенные своей воли, своих стремлений, готовые делать только то, что им приказывают их мучители. Единственное, чего они еще хотят, единственное чувство, которое у них еще осталось, – это желание, чтобы им оставили надежду, тлеющую глубоко в сердце, надежду на то, что в ближайшем будущем они снова обретут свое “я”, что в них вдохнут новую душу» [Там же, с. 208].

Неужели у «него» – подвижника нацистского культа – царит только иррациональность намерений и действий, только звериная ненависть и брезгливость представителя «чистой» расы к «недочеловекам»? Быть может, прав Жорж Батай, настаивая на том, что истоком нацистской жестокости выступает метафизическая составляющая расовой доктрины о защите чистоты арийской крови именно как мистической субстанции бытия третьего рейха и всей немецкой нации [Батай, 1995, с. 98]? Садистская жестокость, феномен которой Ж. Батай соотносит с сакральным постулатом царской власти о конфликте «чистого» господина и «грязного» раба, «образуется актом исключения из его [господина] природы какой бы то ни было грязи – актом, утверждающим чистоту, но осуществляемых в садистских формах» [Там же, с. 88]. В перспективах такого взгляда природа расовой доктрины и практик массового уничтожения означает отнюдь не инстинктивные, зоологические или классовые формы конструирования идеологии расовой ненависти; здесь замешано безумие, но особого, возвышенного рода. Попробую пояснить эту мысль на конкретных примерах.

На допросах Вторым военным трибуналом США в Нюрнберге (известен как «процесс айнзацгрупп») заместителя начальника РСХА («Главное имперское управление безопасности») и командира айнзацгруппы «Д» бригаденфюрера СС Отто Олендорфа (находившаяся под его руководством и приданная командованию 11-й армии вермахта айнзацгруппа с июня 1941 г. по июнь 1942 г. уничтожила более 90 тысяч человек), последний показал, что главной причиной уничтожения душевнобольных в Германии в соответствии с декретом Гитлера о принудительной эвтаназии от 1 сентября 1939 г., являлись отнюдь не экономическая выгода от их смерти (советская историческая наука интерпретировала программу «Т-4» в целом именно в таком ключе). Согласно О. Олендорфу, это происходило «не потому, что они угрожали рейху, а просто потому, что кто-либо из них мог бы предположить, что он является нацистским вождем» [Ни давности, ни забвения, 1983, с. 134]. Положение О. Олендорфа в структурах СС и СД не позволяют усомниться в его «компетентности» в данном вопросе.

Полагаю, что расовая «возвышенность» арийского духа как его «мужская» безжалостность и беспощадность имела вполне рациональные корни. Безжалостное уничтожение «нечистых» рас и народов связывалось не только с захватом жизненного пространства на Востоке, ликвидацией коммунизма и иудео-христианского Бога, но и с *чистотой* возвышенной идеи фюрера и рейха. О. Олендорф

имеет в виду именно это: идеей о фюрере германского рейха в принципе не должен обладать сумасшедший, больной или просто слабый человек. Эта идея выступает в качестве высшего *достояния* арийского ума, перенесение же ее в любой иной разум, в том числе разум безумца арийского происхождения, не говоря уже о патологической персонификации, равносильно ее осквернению.

Еще один пример. В «Памятке немецкому солдату», текст которой бойцы Красной Армии находили на трупах этих самых солдат, читаем: «Помни и выполняй: ...нет нервов, сердца, жалости – ты сделан из немецкого железа. После войны ты обрешь новую душу, ясное сердце – для детей твоих, для жены, для великой Германии, а сейчас действую решительно, без колебаний. ...У тебя нет сердца и нервов, на войне они не нужны. Уничтожь в себе жалость и сострадание, убивай всякого русского, не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик. Убивай, этим ты спасешь себя от гибели, обеспечишь будущее своей семьи и прославишься навек. ...Ни одна мировая сила не устоит перед германским напором. Мы поставим на колени весь мир. Германец – абсолютный хозяин мира. Ты будешь решать судьбу Англии, России, Америки. Ты – германец: как подобает германцу, уничтожай все живое, сопротивляющееся на твоём пути, думай *всегда о возвышенном – о фюрере* (выделено мной. – Д.М.), и ты победишь» [Там же, с. 47].

Известный германский филолог Виктор Клемперер, бывший непосредственным очевидцем и летописцем параноидальной веры немецкого общества времен третьего рейха в сакральный мессианизм фюрера, в своей книге-дневнике «Язык Третьего рейха» показывает действие тончайших механизмов вербального установления квазирелигиозного культа фюрера и рейха. В. Клемперер тщательно фиксирует детали и нюансы присвоения Гитлеру статуса «мессии», «германского Христа» и «спасителя», объявляющего своих ближайших последователей и соратников по НСДАП «апостолами» [Клемперер, 1998, с. 134–154].

Нетривиальность вышеуказанных мотивов, значимость и сложность человеческого измерения памяти о катастрофических событиях предполагает адекватность философско-методологических оснований ее. Избирая в качестве методологической основы интенциональную феноменологию гуссерлевского толка, мы должны признать существование серьезных трудностей и необходимости их методологического преодоления. Если предметная направленность исторической памяти определена в естественной установке сознания как непосредственное обращение сознания к откровенно чудовищным фактам и образам таких катастрофических событий, как нацистские лагеря смерти, то, следовательно, необходимо сказать о характере присутствия этих фактов и образов в интенциональном сознании, в феноменологической установке. Но интенциональный характер конституирования предполагает необходимость интуирования, полагания и обоснования *иного*, ноэматически конститутивного, смысла по отношению к фактическому и ноэтически схваченному содержанию абсолютного зла.

Откуда в феноменологии возникает идея различности смыслов? Дело в самой структуре интенциональности, в которой акты/переживания схватывания сознанием феномена как его, сознания, *направленности на осознаваемое* оказываются скоррелированы с интенциональными предметами как с создавае-

мым/конституируемым сознанием идеальным комплексом значений (*сущностей, эйдосов*). Поэтому говорится, что интенциональная жизнь сознания с необходимостью предполагает его конституирующую смысл активность. Структура интенциональности образуется ноэзо-ноэматической корреляции переживаний, или актов, и выстраиваемой на их основе идеальной предметности, или смысла/значения. Данная структура актуализируется особыми процедурами, именуемыми воздержанием от суждений, или «эпохе» (*Εποχή, Epoche*), заключением мира в скобки (феноменологическая, или трансцендентальная, редукция) и эйдетической редукцией.

Феноменологическая редукция Эдмунда Гуссерля имеет большое значение для того вида памяти о прошлом, которому посвящена статья. Редукция, бесспорно, предполагает усилие ума и воли как бы отодвинуться от сущего (объективного/реального) мира, она призвана вывести сознание из подчинения неконтролируемой разумом самоданности сущих вещей, событий, интерпретаций [Гуссерль, 2009, с. 90–91]. Только тогда оно может рассматриваться как сознание интенциональное. В приобретаемой сознанием феноменологической установке его переживания, связанные с наделением смыслами данных (но уже не *самоданных*) феноменов редуцируются к *чистым* переживаниям, суть которых можно выразить следующим образом. Сознание формирует собственный и только собственный (имманентный) феноменальный слой вне *непосредственных* отсылок к самой сущей вещи как чувственному объекту. Сюда же, к слову, можно отнести и наличные формам знания, от «авторитета» которых сознание отказывается вне зависимости от того, идет ли речь о науках о природе или науках о духе [Там же, с. 177].

Именно в этой и, подчеркнем, *только в этой* двуединой композиции установок сознания (естественной и феноменологической) возникает интенциональная структура сознания, в которой имманентные сознанию интенциональные акты/переживания отличны от интенциональных предметов, конституируемых чистым сознанием идеальных смыслов/эйдосов феноменов. Данное различие, при котором сознание содержит собственный акт и предмет, не тождественный этому акту, именуется ноэзо-ноэматической структурой интенциональности, или структурой интенциональной различенности мыслительных актов схватывания/переживания феноменов и мыслимого, или конститутивного, содержания актов переживания. Иными словами, «ноэзис» (греч. νόσις – мышление, умозрение) обозначает различные акты сознания, в которых вещи, события схватываются сознанием как его собственные феномены, в то время как «ноэма» (греч. νόημα – мысль) обозначает идеальные предметы, или композиции смыслов, которые конституируются в сознании в качестве сущностных коррелятов ноэтических переживаний, но при этом никоим образом не тождественных им.

Интенциональное сознание образует действительно новые гносеологические и онтологические измерения отношения разума и мира, известное в феноменологии как *имманентная трансцендентность*. (Правомерность применения этого принципа корреляции субъективного и объективного начал при рассмотрении процессов смыслополагания событий прошлого подчеркивалась нами в предыдущих публикациях [Малахов, 2025].) Предельным назначением интенциональной жизни и конститутивной активности сознания выступает то, что в феноменоло-

гии вослед Э. Гуссерлю зачастую именуют «чудом», а именно чистая трансцендентальная субъективность, или трансцендентальное *Ego*. По справедливому замечанию В. Л. Петрушенко, переживание смысла у Э. Гуссерля не тождественно восприятию как категории психологии; переживание «понимается как длящийся во времени опыт сознания, всегда связанного с некоторыми данностями (интенциональность сознания) и всегда соотношенного с Я» [2019, с. 46].

С. А. Смирнов рассматривает феноменологическую редукцию в качестве основополагающего философского акта, выводящего личность в *самобытие* мыслящего Я, бытие других личностей и культуры. Принятое им именование «экзистенциальное Я» не должно вводить в соблазн своего противопоставления «трансцендентальному *Ego*» Э. Гуссерля, поскольку и в том, и в другом случае речь идет об акте выведения личности за пределы эмпирической обусловленности актов познания вне зависимости от дальнейших детализаций форм смыслополагания [Смирнов, 1996, с. 27]. Упор, который делает российский философ на онтологическом аспекте философского *первоакта*, соотносимого им с выполнением процедуры феноменологической редукции, подчеркивает специфику ее понимания у самого Э. Гуссерля. Российский мыслитель предлагает рассматривать феноменологические формы первоначального философского акта как рефлексивного опыта смыслополагания личностью *себя самой*, экзистенциальных форм своего пребывания в человеческой культуре и событийно-смысловую связь с другой личностью, выполняющей тот же философский акт, в качестве *Philosophia Prima*. В этом акте «скрыто мое глубинное... я “хочу”, некое интенциональное целое, которое в пространстве мышления сталкивается с другими интенциями других Я... не в бытовом эмпирическом мире, а в пространстве предельных бытийных миров, там, “где нога не ступала”, где всякий раз человек заново вынужден обустриваться, где он никогда не привыкнет к самому себе» [Там же, с. 26–27]. Это значит, что первоначальный философский акт «сдвига» мышления в имманентную сторону самобытия, понятый как условие самого философского мышления, не может существовать как неоправданный в конкретном человеческом бытии, да и вообще в теории познания.

Позиция С. А. Смирнова в этом вопросе соответствуют постулату самого Э. Гуссерля о том, что способностью к созиданию и преобразованию мира на основе разума обладают лишь свободные мыслящие личности, постоянно преобразующие окружающий мир [Гуссерль, 1997, с. 112]. А по мысли Мартина Хайдеггера вещи и события, которые по своему рангу основополагающих конститутивных феноменов выступают для мышления основополагающими / сущностными, воспроизводятся во многом благодаря личностному, одинокому усилию мышления [Heidegger, 2009, p. 45].

Это таинственное личностное измерение постижения смысла вещей и событий мира как феноменов самого сознания суть сложная и вызывающая многочисленные споры сердцевина интенциональной жизни сознания. Вместе с тем она совершенно необходима, когда речь заходит об абсолютной значимости предмета знания или того же рода значимости личной ответственности за судьбу познанного и осуществляемого в социуме смысла. Говоря привычным для «объективистской» теории познания языком, гуссерлевская эгология предназначена

для формирования императивного типа знания, при котором ценностно-мировоззренческие конститuentы (в нашем случае исторической памяти), выношены и воссозданы изнутри личности *как бы вновь*. Они не могут быть просто усвоены посредством механического восприятия предлагаемой извне информации. Это требует определенного искусства памяти и весьма неординарных подходов к ее совершенствованию.

В соответствии с конститутивным/ноэматическим смыслом, катастрофическое событие истории должно мыслиться уже *не* как абсолютное зло, но как нечто, от него отличное, в пределе вплоть до противоположности по содержанию. Но при всем, даже радикальном, различии, оба типа смысла должны составлять единство. Тогда историческая память актуализируется в единстве имманентно-трансцендентных и трансцендентально-эгологических форм присутствия смысла, а полное осознание смысла события не подвергает деструкции темпоральное единство памяти как памяти *об одном и том же* событии. Феноменологический способ восприятия и осознания катастрофического события имеет существенную специфику: содержания ноэтического акта не должны полагаться в качестве тождественных ноэматическим содержаниям. Это означает, что реальность катастрофических событий, данная в описаниях фактов, свидетельствах очевидцев, документальных фото- и видеоматериалах и схватываемая сознанием как пространство самодовлеющего смысла абсолютного зла и нечеловеческих мук, в сфере конститутивного смыслополагания должна искать свои *иные* смыслы, не совпадающие с реальными фактичностью и образностью, а также с ее первичными смысловыми схватываниями.

Феноменология художественного образа события прошлого

Среди удачных проектов конституирования исторической памяти о Великой Отечественной войне в феноменологическом ключе хотелось бы особо выделить повесть «Каратели» Алеся Адамовича. А. Адамович является, пожалуй, единственным в мировой литературе автором, который смог буквально препарировать, вывернуть наизнанку и описать сознание карателей и нацистов. Наибольшее внимание уделено им фигуре штурмбанфюрера СС Оскара Дирлевангера, ответственного за сожжение многих белорусских деревень, в том числе Хатыни. В главе «По направлению к центральной усадьбе деревни Борки» А. Адамович ведет повествование от лица Дирлевангера, пытается смотреть, слушать, думать и действовать как бы от его имени. Чередую фактическую достоверность и описательную отстраненность с конструированием смыслового «потока сознания» штурмбанфюрера СС, белорусский классик последовательно раскрывает нюансы и зигзаги мыслей нациста. «Внутренний монолог» Дирлевангера направлен отнюдь не на реальный исторический контекст массовых расстрелов и сожжений живо белорусских крестьян, к примеру, из-за связи с партизанами, помощи военнопленным или евреям, на основании чего немецкой администрацией формально принимались решения о проведении карательных операций как акций «возмездия» и «устрашения».

Дирлевангер А. Адамовича не придает подобным фактам определяющего значения. Для него важно кровью и пеплом подтвердить предмет своей веры

в фюрера и идею немецкой расовой исключительности. Конституируемая панорама смыслов, с которыми работает, живет сознание нациста, заключена в стремлении обосновать и действительно утвердить абсолютную власть над жизнью и смертью: «Ужас – вот чем только и можно удерживать, к земле придавить. Пусть царит оцепенение, непонимание, за что и почему. Даже лучше, сильнее действует, если связи между проступком и карой никакой. Вот как в этих Борках. Огонь с неба! А за что, почему – тысячу лет об этом вопрошали у неба, и чем меньше ответа, тем больше веры в высшую мудрость, справедливость богов и собственное ничтожество. Когда партизаны подорвали, сожгли две машины с полицейскими, пожалуйста, Дирлевангер показал – две деревни стер с лица земли! – что германское возмездие неотвратимо. Но Борки тогда пальцем не тронул. Когда увидел огромное это славянское поселение, прямо-таки затрепетала душа: если здесь продешевишь, самому тебе три пфеннига цена! Тут уже не возмездие, тут идея – чистая, высокая! Наступит пора, и армии, освободившись на фронтах, снова пройдут на запад, готовя почву под Великий Германский Засев» [Адамович, 1986, с. 348–349].

От имени Дирлевангера А. Адамович демонстрирует все возможные формы воплощения расовой доктрины – от начищенных до блеска сапог из дорогой кожи, рюмки ароматного коньяка и выкуренной под классическую музыку сигареты до вожделеющего, судорожного ожидания зрелища пылающих деревень, запаха гари, какофонии воплей и стонов. В итоге складывается мрачное откровение о нацистском «духе», его безжалостности, изощренной жестокости, стремлении превратить смерть в магическое театральное действие, в котором жрец расовой доктрины Дирлевангер выступает одновременно и как режиссер, и как заглавный актер, и как восторженный зритель.

Принятая А. Адамовичем форма повествования является сложным и сильным художественным приемом, но не только им. Эта форма суть философская и даже теологическая рефлексия о прошлом, призванная увидеть и прояснить то, что было совершенно скрыто от сознания советских людей. Речь идет о культовом, квазирелигиозном характере нацизма и об исполнении айнзацгруппами и карательными батальонами своеобразного ритуала совершения массовых убийств. Не имея возможности рассмотреть этот существеннейший момент подробнее в этой статье, обозначим его мощное присутствие у А. Адамовича, подчеркнув, что вскрываемые белорусским писателем *трансцендентальные мотивы* действий Дирлевангера, других эсэсовцев и карателей оставались сокрытыми для советской исторической науки. Вернее, она просто не обращала на них внимания.

Но, быть может, А. Адамович попросту придумал эти мотивы, выдал художественное вдохновение за философское прозрение сути вещей – за, говоря языком феноменологии, *сущностную интуицию*, непосредственно предшествующую ноэтическому схватываю самого события и его нозматическому конституированию – во всей сложности его эйдетических конфигураций и композиции ядер? Никакой ошибки здесь нет. Перед нами действительно феноменологический по своей сути акт схватывания смысла событий прошлого в сущностной интуиции, подкрепленной как личной историей автора (в 1943–1944 гг. шестнадцатилетний Саша Адамович был бойцом отряда имени С. М. Кирова 37-й партизанской бригады имени А. Я. Пархоменко минского соединения; начиная же с четырнадцати лет –

связным советского подполья), так и многолетними исследованиями архивных документов о карательных операциях, следственных и судебных стенограмм их допросов, а также беседами с уцелевшими очевидцами массовых расстрелов и сожжений заживо. К примеру, ненависть «высшей расы» к еврейскому народу персонифицируется А. Адамовичем в сознании Дирлевангера нетривиальным образом. Сама персонификация, безусловно, претендует на концептуальный ранг философского осмысления сокрытых квазирелигиозных оснований Холокоста. Уточним этот момент, следуя сюжетной линии «Карателей».

Мысли и действия Дирлевангера разворачиваются вокруг его служанки полячки Стаси, которую тот считает утаившей свое происхождение еврейкой. Нацист затевает игру, цель которой состоит в том, чтобы спровоцировать девушку выступить в роли Юдифи, отсекающей, как известно, голову своего любовника Олоферна – полководца ассирийского царя Навуходоносора, вторгшегося в древнюю Иудею и готовившего там массовую резню. Для этого штурмбанфюрер устраивает в подвале своего дома сапожную мастерскую, где трудятся старый мастер-еврей Лазарь и его, также еврейские, подмастерья. Все слова и намеки Дирлевангера, наподобие решения о скором расстреле Лазаря и всех остальных, направлены на то, чтобы вынудить девушку проявить свою освященную Писанием еврейскую суть. Она должна поднять руку на своего «возлюбленного господина» с тем, чтобы не допустить уничтожения соплеменников.

Игра ведется Дирлевангером всерьез, он буквально упивается своей властью над беспомощностью Стаси и Лазаря, над унижением «древнего» еврейского духа: «Да разве поймут манекены в мундирах бригаденфюреров, что испытываешь, какие чувства немца, господина переполняют тебя, когда еще не труп, а живой стоит перед тобой и ты его заставляешь несмело улыбаться *нашим* золотом! Или когда засыпаешь и просыпаешься рядом с Юдифью. Знаешь, почти точно знаешь, что никакая она не Стася, и какие ножи в ее детском сердечке, как она их точит каждую ночь, смачивает слезами и видит во сне свою историческую сестру, при отблесках вражеских костров уносящую голову на золотом блюде. Засыпаешь и не знаешь, где – на детском плечике или на липком окровавленном подносе откроешь (откроешь ли?) глаза... Прикончить в собственном подвале пятерых сапожников и еврейскую дочку – для этого не надо быть штурмбанфюрером, ветераном движения, партии» [Там же, с. 338].

Представитель исторической науки сочтет подобные пассажи допустимым в художественной литературе приемом, но вряд ли станет рассматривать их на предмет научной достоверности или эвристики. Однако А. Адамович и не претендует на историческую достоверность дирлевангеровской «игры». Его волнует вскрытие «смысловой» природы арийской ненависти и интеллектуальных оснований «театральной» жестокости «высшей расы» – в данном фрагменте к еврейскому народу. Кто именно и почему был предметом ненависти и жестокости? Только ли простые евреи как люди среди людей? Или, быть может, целая культура прошлого или религиозная традиция, к которой неизбежно должно быть причислено европейское христианство? Возможно, сам Христос, который, как известно, был отнюдь не европейцем? Его божественное бытие, ведь апелляция к ницшевской идее «смерти Бога» постоянно встречается в тексте «Карателей»? А. Адамович

дает ответ, который, на наш взгляд, заслуживает быть признанным в качестве философского и теологического обобщения культовых, квазирелигиозных истоков нацизма. Ответ этот порождает целые композиции смыслов для дальнейших философских рассуждений и изысканий: «Они там расценят это как грубое нарушение «расовых законов» – если партайгеноссе Фридрих не преувеличивает и им уже известно. Не поединок расовых волей, а примитивное нарушение закона! Попробуй докажи, что не нарушение это, а как раз утверждение – высшее, через риск и иронию. Сколько в этой ситуации со Стасей-Юдифью именно иронии – над всей историей и традицией иудейской! В те минуты, когда из рук ее тащишь, забираешь еще одну еврейскую жизнь, в эти мгновения не Стася и не жалкая евреечка смотрит на тебя, а *вся иудейско-христианская история ломает руки в бессильной ярости и отчаянье* (выделено мной – Д. М.)!» [Там же, с. 341].

Дирлевангер А. Адамовича, бесспорно, юродствует. Мрачное юродство «фюрера ради» задано белорусским писателем изначально, им, собственно, и начинается исследование сознания эсэсовца: «В небе, в лучах солнца, а ночью в прожекторном луче будет гореть кристалл. Увеличенное огромными линзами лицо великолепно забальзамированного фюрера будет хорошо видно всем снизу, с земли. Чтобы оставленные жить и размножаться помнили ежеминутно, кому обязаны всем. А то ведь, скоты, забудут всех, кто выполнил главную работу – за них, ради них. Плывущий над землей кристалл, цейсовские линзы, огромные, как глаза Космоса, – волнующая идея!» [Там же, с. 337].

Из глубины этой юродствующей, издевающейся и, в то же время, возвышенной мысли вырастает убийство и сожжение заживо. А. Адамович предлагает читателю осмыслить поразительную вещь: как, какими аналогиями, догадками или концептами соединить воедино смех, юродство, беспощадность и чудовищную сосредоточенность Дирлевангера в моменты осуществления актов уничтожения? Ответ, пожалуй, тот же, что и со Стасей-Юдифью: задача, которую ставит перед собой нацист, состоит не в количественном, но качественном уничтожении. Он стремится поразить *душу* народа. Смерти подлежит именно душа, а в пределе – дух любви, добра, верности. Поэтому Дирлевангеру и нужны русские, белорусские и украинские каратели, которых он стремится повенчать с германским нацизмом пролитием детской крови – самой, по его мнению, сильной из существующих клятв верности: «У меня последние отбросы, добытые на ваших лагерных свалках, в дело, в работу пускаются. Вчера еще воображали себя черт знает какими христианами или социалистами, а тут гонят красную стружку, чистят-подчищают этих белорусов, да поляков, да русских, знай только направляй! Главное – окунуть в краску с макушкой, а потом можешь отряхиваться! Занятия этого хватит на всю оставшуюся жизнь. От детской крови еще никому просохнуть не удавалось. А кем только себя не воображали! ... Нынешний Дирлевангер, командир особого батальона, твердо верит в силу национал-социалистских идей и детской крови. А поэтому никакие треугольники и многоугольники – фиолетовые, красные, желтые, черные его не испугают: он брал из лагерей и уголовников, и политических, и взял бы любого, зная, что каждого заставит послужить Германии и фюреру, если даже ненавидят само слово «немец». Как эти поляки ненавидят. Детская кровь смывает любое прошлое намертво!» [Там же, с. 348].

Тогда смертельная игра в Юдифь и Олоферна и сопровождающее ее юродство становятся уже не случайным антуражем действий именно этого палача, но атрибутом казни души, ее сущностной чертой. На заключительных страницах главы «По направлению к центральной усадьбе деревни Борки», в сцене с аистом А. Адамович пишет об этом прямо и недвусмысленно. И если прежде он вел повествование от первого лица Дирлевангера, то теперь в этом нет необходимости – содержания сознания и мотивы воли эсэсовца вскрыты и можно сказать прямо, что самый глубинный, истинный смысл всего происходившего в огненных деревнях – это убийство народной души, духа в каждом отдельном мужчине, женщине, старике, ребенке. А роль Священного Писания в отрывке о Стасе играет в Борках сама белорусская земля, ее история и столетиями проливавшиеся на ней пот, кровь и слезы белорусов. Одухотворенная человеком земля. Такова цель. Но А. Адамович не был столь масштабным писателем и гуманистом, если бы поставил на этом точку. Словно страхнув с крыльев пепел всех сожженных деревень, *аист*, как символ всего, что дорого и свято для белоруса, улетает ввысь. Дирлевангер стреляет и раз за разом промахивается, будучи не в силах воспрепятствовать жизни и вознесению той самой души, небытие которой он положил в основание своих мыслей и действий.

Человек, страдание, деяние: интенциональное конституирование памяти о нацистских лагерях смерти

Вернусь к своему утверждению, что при конституировании исторической памяти о Великой Отечественной войне речь должна идти не только о действенном, боевом подвиге солдата. Нужно попытаться проникнуть в смысл событий, которые никогда не проявлялись, не идентифицировались и не рефлексировались в качестве действенных. Мы имеем в виду действенно-событийный смысл там, где действия не может быть в принципе, *a priori* – в претерпевании ужасов абсолютного зла в нацистских лагерях смерти и в других формах тотального уничтожения. Данный тезис, таким образом, предполагает ответ на вопрос о том, действовали ли те, кто бездействовал в абсолютном смысле, «безропотно» принимая свою смерть, смерть близких и дорогих людей? Чтобы пояснить данную мысль, я приведу фрагменты из произведений Василия Гроссмана и Ефима Гехтмана, ставшими непосредственными очевидцами последствий актов уничтожения и воссоздавшими их в качестве полноценной событийной реконструкции, а также выжившей узницы Биркенау Северины Шмаглевской, свидетельствовавшей на Нюрнбергском трибунале в 1946 г.

Василий Гроссман о лагере смерти Треблинка-2: «Из партии выделяли женщин с детьми и вели их не к газовым камерам, а к местам сожжения трупов. Обезумевших от ужаса матерей заставляли водить своих детей среди раскаленных колосников, на которых в пламени и дыму коржились тысячи мертвых тел, где трупы, словно ожив, метались и корчились, где у беременных покойниц лопались от жара животы, и умерщвленные до рождения дети горели на раскрытом чреве матери. Зрелище это могло помрачить рассудок любого, самого закаленного человека, но немцы правильно рассчитали, что стократ сильнее это будет

действовать на матерей, пытавшихся закрыть ладонями глаза своим детям. Дети кидались к матерям с безумными криками: “Мама, что с нами будет, нас сожгут?”. Данте не видел в своем аду таких картин. Поразвившись этим зрелищем, немцы действительно сжигали детей» [Гроссман, 1989, с. 135–136].

Ефим Гехтман о Рижском гетто: «Среди других ограничений и запрещений, существовавших в гетто, был запрет рожать детей. Когда Краузе узнал, что приехавшая из Германии Клара Кауфман должна скоро родить, он приказал перевести ее в больницу. Через час после родов к больнице было согнано несколько сот человек. На балконе стоял Краузе в полной парадной форме и знаком дал полицейским приказ начать действовать. Вахмистр Кабнелло вынес ребенка и, высоко подняв его над головой, показал его всем собравшимся. Затем, держа ребенка за ножки, он размахнулся и ударил его головой о ступеньку крыльца. Брызнула кровь. Кабнелло вытер лицо и руки чистым платком, а затем вывел роженицу и ее мужа. Они были расстреляны тут же, возле труп своего первенца. Так в гетто было ознaменовано рождение первого ребенка [Черная книга, 1980, с. 282].

Северина Шмаглевская о лагере смерти Биркенау (лагерь-сателлит Освенцима): «Я опускаю то, что малосущественно, хотя тогда я впервые в жизни видела, как человек появляется на свет. Клара, стоя на коленях на печи, давит, жмет на живот женщины, вокруг обритые головы больных, вокруг сыпной тиф, флегмоны, воспаления легких, понос, ангина, на нарах по две, а то и по три узницы с высокой температурой. Они не могут оторвать глаз от происходящего. Только покойницы да умирающие уже ничем не интересуются. Ветер заносит сквозь дыры снег, он падает на одеяла, на лица, на обритую голову роженицы. Ее звериный вой все громче и громче, ее нечленораздельные вопли, ее крик все усиливаются. Под ловкими руками медсестры через минуту зайдет в первом крике человек. Он и его мать в тот же день будут отправлены в газовую камеру, камера рядом, за проволокой, близко, так близко, что не возникает сомнений, что они будут отправлены именно туда. Их задушит газ циклон, используемый великой пещерной личностью для более важных целей, чем уничтожение насекомых. А потом в печи крематория они превратятся в ничто. В пепел» [Шмаглевская, 1988, с. 196].

Характер приведенных фрагментов показывает, что задача конституирования *иного* смысла представляет для нормального человеческого сознания колоссальную трудность. Выполнение этой задачи требует отстранения от того, что своей фактичностью и образностью препятствует подобному шагу, буквально втягивая переживающее катастрофическое событие сознание в *свой собственный* смысл как в смысл события зла и только зла. Более того, зла абсолютного, уникального по меркам истории. Феноменологическое же требование обнаружения конститутивного смысла столь чудовищных событий предполагает своеобразную редукцию тех форм бесчеловечности, которые сознание современного человека попросту не в состоянии редуцировать к чему-либо *иному*. Здесь необходим близкий аналог феноменологической редукции, «заключающей в скобки все фактическое сущего, чтобы яснее усматривались и схватывались сущностные формы» [Апель, 2001, с. 31]. Но как это сделать, в каком направлении двигаться?

Исходя из требования синтетической установки сознания, предполагающей единство естественной и трансцендентальной установок, феноменологический

субъект исторической памяти должен не только различить ноэтически и ноэматически образуемые смыслы, но и сохранить их как в онтологическом (событийном), так и методологическом единстве. Это означает, что фактичность и непосредственная образность события, относящаяся к смыслополаганию в модусе естественной установки сознания, не может быть отменена или игнорирована в ходе редукции к феноменологической установке, в которой и должен *воссоздаться* коррелятивный смысл самого исторического события во всей его фактичности. Но субъект исторической памяти не может опираться на фантомные содержания или придумать себе некий «иной» смысл, который полностью выведет его за пределы чудовищных фактов и образов в режиме невозвращения, полного отстранения сознания от них. Подобное «невозвращение» происходит, например, если осуществляется отождествление Холокоста с иными историческим формам геноцида или национальными трагедиями: распыление предмета в череде многих как бы аналогичных событий нивелирует его уникальность и конкретность.

В этом случае ноэматический коррелят события не будет по существу отличаться ни от его, события, фактического образа, ни от его ноэтического коррелята и, следовательно, не будет сущностно/эйдетически скоррелирован с последним, как того требует интенциональная феноменология. Он будет воспроизводить его и только. Ноэма будет иметь невыраженное, слабое содержание, представляя собой, если воспользоваться метафорой Марка Ришира, *мерцающий отблеск* [2014, с. 214] одной лишь фактичности события, в лучшем случае – его ноэтического коррелята. Выраженная, или сильная, ноэма будет означать, что ноэзо-ноэматический коррелят события выступает как единое, но различенное, вплоть до радикального различия, *целое*. Если в катастрофическом событии все же обнаруживается действительно иной по отношению к его пониманию как апогея зла и смерти смысл, то в телеологическом эйдетическом наращивании своего разнообразия он должен вновь и вновь возвращать сознание к схватыванию события именно как апогея зла и смерти. Но уже под иным, обогащенным новыми содержаниями, углом зрения и понимания.

В каком именно контексте ноэматический коррелят катастрофических событий может быть отличен от фактичности и ноэтического коррелята событий? Иными словами, о чем именно может быть сформирован ноэматический смысл, если не о зле, страдании, смерти? По опыту собственно мышления и на основании изучения попыток ответить на эти вопросы в западной и отечественной философской литературе мы можем ответственно заявить, что, встречаясь со столь объемлющим феноменом зла, сознание коллапсирует в попытках обнаружить его смысл в каком-либо идеальном содержании. Здесь требуются как философская решимость и экстраординарное интеллектуальное усилие, так и глубокое понимание жизненной необходимости совершения акта понимания посредством растождествления эмпирической фактичности события, его первоначально схватываемого сознанием смысла и конститутивно-ноэматического смысла. Одним из примеров подобного растождествления смыслов выступает, на наш взгляд, фрагмент широко известной в Советском Союзе книги Ильи Исааковича Каменковича «Ночь плачущих детей», созданной на основе документальных свидетельств из Архива Министерства обороны СССР.

«Люди молчали. Они уже не могли смеяться смерти в лицо, как им хотелось когда-то.

Их смех постарел в этом лагере, и они не хотели, чтобы, надтреснутый и не-смелый, он радовал смерть.

А смех все же раздался...

У самого края ямы, в которую падали мертвые, женщина держала на руках малыша и тихонько, пряча слезы в уголках запавших глаз, щекотала его. Ребенок смеялся звонко, весело, его высоко-высоко подняли, чтобы перед смертью он увидел только это сияющее синевой, улыбающееся небо, и солнце, и верхушки деревьев. Он смеялся за всех, этот малыш. И весь лагерь сумел перед смертью увидеть и небо, и солнце, и деревья. И запомнить. На всю смерть. Навсегда.

Навсегда – смех ребенка.

Навсегда – руки женщины, высоко и нежно державшей его маленькое тельце, руки женщины, которая больше всех и лучше всех на свете любила жизнь и потому простила ей старость и победила смерть» [Каменкович, 1979, с. 27–28].

Здесь разворачиваются три плана: эмпирический (безжалостный акт уничтожения), ноэтический (сохранение человеком человечности) и нозматический (торжество любви и жизни). Различение осуществлено, но далеко не исчерпано.

Во втором «свитке» Залман Градовский доносит до нас удивительную мысль, значимость которой для совершенствования памяти нынешних поколений о Великой Отечественной войне невозможно переоценить. Он пишет о «последних» причинах Холокоста – о том, что стоит за волей к уничтожению, за обожествлением рейха и фюрера, за бесперебойной работой германского молоха: пока жив хоть один еврей, Германия не победит в войне с русскими. Эта мысль потрясает, открывает прежде неведомые горизонты понимания страдания и смерти *всех* узников нацистских лагерей смерти, *всех* жителей огненных деревень, *всех* солдат Великой Отечественной войны, *всех* тружеников тыла. А в целом события Великой Отечественной войны как события истинного Духа и как сияние его лика на человеческих лицах.

«Вдруг марш голых женщин остановился. Вот красивая девочка лет девяти, две светлые косы падают на плечи, как золотые полосы. За ней шла ее мать – вдруг она остановилась и смело сказала офицерам:

– Убийцы, бандиты, проклятые преступники! Вы убиваете нас, безвинных женщин и детей! Нас, безвинных и безоружных, вы обвиняете в той войне, что вы сами развязали. Как будто мы с ребенком воюем против вас. Нашей кровью вы собираетесь искупить свои поражения на фронте. Уже ясно, что вы проиграете войну. Каждый день вы терпите поражения на Восточном фронте. Сейчас вы можете творить все что угодно – но настанет и для вас день расплаты. Русские отомстят за нас! Они живьем разорвут вас на части. Наши братья по всему миру не простят вам ваших преступлений: они отомстят за нашу безвинно пролитую кровь!

После этого она обратилась к женщине, стоявшей среди эсэсовцев:

– Бестия! И ты тоже пришла любоваться нашим несчастьем? Помни! У тебя тоже есть семья, дети – но недолго осталось тебе наслаждаться таким счастьем. Тебя, живую, будут раздирать на части – и твоему ребенку, как и моему, недолго осталось жить! Помните, изверги! Вы заплатите за все – весь мир отомстит вам!

И она плюнула бандитам в лицо и вбежала в бункер вместе с ребенком.

В оцепенении молчали эсэсовцы, не имея мужества посмотреть в глаза друг другу: они слышали правду – великую, страшную правду, которая разрывала, резала, жгла их звериные души. Они дали ей высказаться, хотя и догадывались, что она будет говорить: они хотели услышать то, о чем думают еврейские женщины, идя на смерть. И вот бандиты застыли, подавленные, глубоко задумавшись. Женщина, стоящая на краю могилы, сорвала с них маску, и они представили себе свое уже не слишком далекое будущее. Они не раз уже думали о нем, не раз мрачные мысли одолевали их – и вот еврейская женщина бесстрашно высказала правду им в лицо!

Долгое время они боялись и подумать об этом: им страшно было, что этот мучительный вопрос – “Зачем и для чего мы живем?” – проникнет слишком глубоко в душу. Фюрер, их божество, учил их совсем не тому! Пропаганда заставляла их поверить, что победа куется не на Восточном и не на Западном фронте, а здесь, в бункере, где уничтожаются враги-исполины, ради борьбы с которыми льется немецкая кровь на всех полях Европы. И вот эти враги идут перед ними. Из-за этих врагов английские самолеты день и ночь бомбят немецкие города, убивая людей от мала до велика.

Это из-за них, голых евреек, все эсэсовцы должны быть сейчас далеко от дома, а их сыновья обречены сложить голову где-то на востоке. Конечно же, великий фюрер прав: этих врагов надо уничтожать, вырывать с корнем! Когда все эти женщины и дети будут мертвы – только тогда немцы одержат победу!» [Полан, 2013, с. 270].

Я далек от мысли, чтобы элементарно воспроизвести на профессиональном языке названную З. Градовским причину неспособности нацистов победить в войне с Советским Союзом. Снятие кальки бессмысленно, это было бы тривиальным следованием методологии постмодернизма, если в отношении него вообще можно говорить о методологии. Но я полностью принимаю эту идею в качестве ясного понимания одной из форм одержимости массовыми убийствами, страха, даже брезгливого ужаса эсэсовцев перед евреями и, как показывают многие другие, не цитируемые в статье источники, перед всяким узником, в особенности перед так называемыми «мусульманами» – живыми мертвецами, полностью утратившими волю к жизни. Эсэсовцы, в отличие от своих пособников-националистов, зачастую испытывали inferнальный ужас осквернения от физического контакта с живыми и мертвыми телами узников. К тому же, признаюсь, я не вполне представляю, в какой мере можно осуществить строгую, научно удобоваримую концептуализацию и логически безупречную аргументацию повествований Ильи Каменковича и Залмана Градовского, как, впрочем, и подобных им свидетельств, явленных в литературных, живописных и монументальных произведениях Эли Визеля, Пауля Целана, Нелли Закс, Давида Олера, Ильи Клейнера, Михаила Савицкого, Кеннета Трейстера, Сергея Селиханова.

Представители исторической или социологической науки, наверное, сочтут меня мистиком или фантазером, попытаюсь я обосновать в научном ключе то, к чему подводят подобные свидетельства. А подводят они к христологии нацистских лагерей смерти, огненных деревень и Холокоста, к глубинным инту-

иям теологии и философии «смерти Бога» и к радикальным сомнениям в фактическом атеизме и духовном бессилии советского общества. Тем не менее, я могу высказаться в отношении того, на что дает мне право философская антропология, – о *Человеке*, смысле его страданий, существе деяния и памяти, без которой всякий человек духовно мертв. На мой взгляд, философская значимость утверждаемой в статье необходимости различения смыслов катастрофического события принципиально меняет суть понимания претерпевания человеком абсолютного зла, обнажает экзистенциальную диалектику страдания и деяния.

Понимание высшего назначения человека как действующего спасительным образом в отношении человечества, мира и, позволю предположить, *Бога* [Малахов, 2024], ставит вопрос о страдании и деянии в новом для исторической памяти ракурсе. Он состоит в том, что знание о смысле катастрофического события или, говоря словами Филиппа Лаку-Лабарта, *откровение* о нем, связано с «глубинным существом человека» [2015, с. 91] (французский мыслитель употребляет слово «откровение», обращаясь к стихотворению Пауля Целана «Tenebrae»). Скажу проще. *Узник* и *Жертва* действительно не могли позволить и не позволили нацизму победить в войне. Не оказавшие сопротивления и покорно следовавшие за собственной смертью узники и жертвы суть *воины* в той же степени, что и солдаты Великой Отечественной войны.

Вынося в заглавие статьи словосочетание «антропологический поворот», я подразумевал не только необходимость обращения к хорошо знакомому всем нам образу человека в период Великой Отечественной войны. Я имел в виду его конститутивный образ, захватывающий собой, своими содержаниями и смыслами творческую активность субъекта исторической памяти. Феноменологическая интуиция, как известно, создает и воссоздает свой предмет, феноменология же в целом, как, надеюсь, мне удалось показать здесь и прежде, предполагает формирование императивных форм знания. Я полностью солидарен с С. А. Смирновым в том, что акт феноменологической редукции и интенциональная феноменология в целом вскрывает и освобождает эгологический пласт сознания преимущественно в онтологическом измерении. Экзистенциальные «последствия» подобной работы ума и воли очевидны: абсолютная ответственность личности за содержание своего мышления и формы его объективации или, по Э. Гуссерлю, *одушевления* в социуме и научной деятельности. Вот почему смысл антропологического поворота в конституировании памяти о Великой Отечественной войне видится мне в перспективе сущностного взаимодействия образа человека прошлого и человека, это прошлое в его образе воссоздающего.

Список литературы

- Адамович А. Каратели // Хатынская повесть. Каратели (повести). Л.: Худож. лит., 1986. С. 189–399.
- Адорно Т. Негативная диалектика. М.: Науч. мир, 2003.
- Амери Ж. По ту сторону преступления и наказания. Попытки одоленного одолеть. М.: Новое изд-во, 2015.
- Апель К.-О. Трансформация философии. М.: Логос, 2001.

- Арендт Х.** Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996.
- Арендт Х.** Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. М.: Европа, 2008.
- Ассман А.** Европейская мечта. Переизобретение нации. М.: Новое лит. обозр., 2022.
- Батай Ж.** Психологическая структура фашизма // Новое лит. обозр. 1995. № 13. С. 80–102.
- Бек У.** Космополитическое мировоззрение. М.: Центр исследований постиндустр. об-ва, 2008.
- Беркович Е.** Банальность добра. Герои, праведники и другие люди в истории Холокоста. Заметки по европейской истории двадцатого века. М.: Янус-К, 2003.
- Герасимова И. П.** Марш жизни. Как спасали долгиновских евреев. М.: АСТ, 2016.
- Гроссман В. С.** Треблинский ад // Годы войны. М.: Правда, 1989. С. 107–145.
- Гроссман В. С.** Убийство евреев в Бердичеве // Знамя. 1990. № 6. С. 144–152.
- Гусев И.** Саласпилс. Отрицание преступлений нацизма как основа национального самосознания // Война на уничтожение: Нацистская политика геноцида на территории Восточной Европы; Материалы международной научной конференции (Москва, 26–28 апреля 2010 года). М.: Фонд «Историческая память», 2010. С. 480–483.
- Гуссерль Э.** Статьи об обновлении // Вопросы философии. 1997. № 4. С. 111–135.
- Гуссерль Э.** Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая. Общее введение в чистую феноменологию. М.: Акад. проект, 2009.
- Зильберман Д.** «И ты это видел». М.: Полимед, 2012.
- Клемперер В.** ЛТЛ. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога. М.: Прогресс-Традиция, 1998.
- Лаку-Лабарт Ф.** Поэзия как опыт. О творчестве Пауля Целана. М.: Три квадрата, 2015. 192 с.
- Леви П.** Человек ли это? М.: Текст, 2001.
- Лезов С. В.** Попытка понимания: Избранные работы. СПб.: Университ. кн., 1999.
- Малахов Д. В.** Онто-теологические измерения свидетельства о Холокосте // Гуманит. альманах «Человек. RU». 2024. Вып. 19. С. 210–235.
- Малахов Д. В.** Память, свобода, смысл: к проблеме достоверности трансцендентального Его феноменологии Э. Гуссерля // Филос. исследования. 2025. Вып. 12. С. 168–180.
- Миллер А. И.** Введение. Большие перемены. Что нового в политике памяти и ее изучении? // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Актеры, институты, нарративы: коллективная монография. СПб: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2020. С. 8–24.
- Ни давности, ни забвения...** По материалам Нюрнбергского процесса / Под ред. Н. И. Смирнова. М.: Юрид. лит., 1983.
- Петрушенко В. Л.** Феноменологическая траектория Г. Г. Шпета: путь от явления к смыслу // Философское сапоопределение Густава Шпета. Киев: Изд. дом Дмитрия Бурого, 2019. С. 42–59.
- Подорога В. А.** Время после. Освенцим и ГУЛАГ: мыслить абсолютное зло. М.: РИПОЛ классик, 2017.

- Полян П. М.** Свитки из пепла: еврейские «зондеркоммандо» в Аушвице-Биркенау и ее летописцы. М.: Феникс, 2013.
- Померанц Г. С.** Опыт философии солидарности // *Вопр. философии*. 1991. № 3. С. 57–66.
- Раш К. Б.** Сибиряки против СС. Воинская повесть. М.: Роман-газета, 1989.
- Рикер П.** История и истина. СПб.: Алетейя, 2002.
- Рикер П.** Память, история, забвение. М.: Изд-во гуманит. лит., 2004.
- Ришир М.** 'Елох, мерцание и редукция в феноменологии // (Пост)феноменология: новая феноменология во Франции и за ее пределами. М.: Акад. проект, 2014. С. 209–226.
- Смирнов С. А.** Опыты по философской антропологии (Человек в пространстве культуры). Новосибирск: АО «Офсет», 1996.
- Смирнов С. А.** Философия человека: Жизнь метода. LAP LAMBERT Academic Publishing RU, 2017.
- Черная книга.** О злодейском повсеместном убийстве евреев немецко-фашистскими захватчиками во временно оккупированных районах Советского Союза и в гитлеровских лагерях уничтожения на территории Польши во времена войны 1941–1945 гг. Иерусалим: Тарбут, 1980.
- Шмаглевская С.** Невинные в Нюрнберге. М.: Радуга, 1988.
- Якеменко Б. Г.** Пепел над пропастью. Феномен концентрационного мира нацистской Германии и его отражение в социокультурном пространстве Европы середины – второй половины XX столетия. М.: ООО «ИРК», 2022.
- Bettelheim B.** The informed Heart – Autonomy in a Mass Age. N. Y.: Free Press, 1960.
- Casey E.** Imagining. A Phenomenological Study. Bloomington, IN: Indiana Univ. Press, 1976.
- Casey E.** Remembering. A Phenomenological Study. Bloomington, IN: Indiana Univ. Press, 2000.
- Frankl V.** Ein Psychologe erlebt das Konzentrationslager. Wien: Verlag Jugend & Volk, 1946. (in German)
- Frankl V.** From Death-Camp to Existentialism. A Psychiatrist's Path to a New Therapy. Boston: Beacon Press, 1959.
- Heidegger M.** Logic as the Question Concerning the Essence of Language / Trans. into English by W. Gregory and Y. Unna. Albany: State University of New York Press, 2009.
- Levi P.** The Voice of Memory. Interviews, 1961–1987. N. Y.: The New Press, 2001.

References

- Adamovich A.** The Punishers // The Khatyn Story. The Punishers (Stories). Leningrad: Khudozhestvennaya Literatura, 1986. P. 189–399. (in Russian)
- Adorno T.** The Negative Dialectics. Moscow: Nauchny Mir, 2003. (in Russian)
- Amery J.** Beyond Crime and Punishment. Attempts of the Defeated to Defeat. Moscow: Novoye Izdatelstvo, 2015. (in Russian)
- Apel K.-O.** The Transformation of Philosophy. Moscow: Logos, 2001. (in Russian)
- Arendt H.** The Origins of Totalitarianism. Moscow: CentrKom, 1996. (in Russian)

- Arendt H.** The Banality of Evil. Eichmann in Jerusalem. Moscow: Europa, 2008. (in Russian)
- Assmann A.** The European Dream. Reinventing the Nation. Moscow: Novoye Literaturnoye Obozreniye, 2022. (in Russian)
- Bataille J.** The Psychological Structure of Fascism // Novoye Literaturnoye Obozreniye. 1995. No. 13. P. 80-102. (in Russian)
- Beck U.** A Cosmopolitan Worldview. Moscow: Center for Post-Industrial Society Studies, 2008. (in Russian)
- Berkovich E.** The Banality of Goodness. Heroes, the Righteous, and Other People in the History of the Holocaust. Notes on Twentieth-Century European History. Moscow: Janus-K, 2003. (in Russian)
- Bettelheim B.** The informed Heart – Autonomy in a Mass Age. New York: Free Press, 1960.
- Casey E.** Imagining. A Phenomenological Study. Bloomington, IN: Indiana University Press, 1976.
- Casey E.** Remembering. A Phenomenological Study. Bloomington, IN: Indiana University Press, 2000.
- Frankl V.** Ein Psychologe erlebt das Konzentrationslager. Wien: Verlag Jugend & Volk, 1946. (in German)
- Frankl V.** From Death-Camp to Existentialism. A Psychiatrist's Path to a New Therapy. Boston: Beacon Press, 1959.
- Gerasimova I. P.** The March of Life. How the Dolginovsky Jews were saved. Moscow: AST, 2016. (in Russian)
- Grossman V. S.** The Hell of Treblinka // Years of War. Moscow: Pravda, 1989. P. 107-145. (in Russian)
- Grossman V. S.** The Murder of Jews in Berdichev // Znamya. 1990. No. 6. P. 144–152. (in Russian)
- Gusev I.** Salaspils. Denial of Nazi Crimes as the Basis of National Self-Consciousness // War of Extermination: Nazi Genocide Policy in Eastern Europe. Proceedings of the International Scientific Conference (Moscow, April 26–28, 2010). Moscow: Historical Memory Foundation, 2010. P. 480–483. (in Russian)
- Heidegger M.** Logic as the Question Concerning the Essence of Language / Trans. into English by W. Gregory and Y. Unna. Albany: State University of New York Press, 2009.
- Husserl E.** Articles on Renewal // Voprosy filosofii. 1997. No. 4, P. 111–135. (in Russian)
- Husserl E.** Ideas for Pure Phenomenology and Phenomenological Philosophy. Book One. General Introduction to Pure Phenomenology. Moscow: Academic Project, 2009. (in Russian)
- Zilberman D.** And You Saw It. Moscow: Polimed, 2012. (in Russian)
- Klemperer V.** The Language of the Third Reich. A Philologist's Notebook. Moscow: Progress-Tradition, 1998. (in Russian)
- Lacou-Labarthe F.** Poetry as Experience. On the Works of Paul Celan. Moscow: Tri Kvadrata, 2015. (in Russian)
- Levi P.** Is This a Human Being? Moscow: Text, 2001. (in Russian)
- Levi P.** The Voice of Memory. Interviews, 1961–1987. New York: The New Press, 2001.

- Lezov S. V.** An Attempt at Understanding: Selected Works. St. Petersburg: University Book, 1999. (in Russian)
- Malakhov D. V.** Onto-Theological Dimensions of the Testimony about the Holocaust // Humanitarian Almanac «Chelovek.RU». 2024. Issue 19. P. 210–235. (in Russian)
- Malakhov D. V.** Memory, Freedom, Meaning: To the Problem of Verification for the Transcendental Ego of E. Husserl's Phenomenology // Philosophical Studies. 2025. Issue 12. P. 168–180. (in Russian)
- Miller A. I.** Introduction. Big Changes. What's New in Memory Politics and Its Study? // Memory Politics in Contemporary Russia and Eastern European Countries. Actors, Institutions, Narratives: Collective Monograph. St. Petersburg: European University at St. Petersburg Press, 2020. pp. 8–24. (in Russian)
- Neither Statute of Limitations nor Oblivion...** Based on the Materials of the Nuremberg Trials / Ed. by N. I. Smirnov. Moscow: Yuridicheskaya Literatura, 1983.
- Petrushenko V. L.** The Phenomenological Trajectory of G. G. Shpet: The Path from Appearance to Meaning // Gustav Shpet's Philosophical Self-Determination. Kyiv: Dmitry Burago Publishing House, 2019. P. 42–59. (in Russian)
- Podoroga V. A.** Time After. Auschwitz and the Gulag: Thinking Absolute Evil. Moscow: RIPOL Classic, 2017. (in Russian)
- Polyan P. M.** Scrolls from the Ashes: Jewish «Sonderkommando» in Auschwitz-Birkenau and Its Chroniclers. Moscow: Feniks, 2013. (in Russian)
- Pomerants G. S.** An Experience of the Philosophy of Solidarity // Voprosy filosofii. 1991. No. 3. P. 57–66. (in Russian)
- Rush K. B.** Siberians against the SS. A Military Tale. Moscow: Roman-Gazeta, 1989. (in Russian)
- Ricoeur P.** History and Truth. St. Petersburg: Aletheia, 2002. (in Russian)
- Ricoeur P.** Memory, History, Oblivion. Moscow: Humanitarian Literature Publishing House, 2004. (in Russian)
- Richir M.** Έποχη, Flickering, and Reduction in Phenomenology // (Post)Phenomenology: New Phenomenology in France and Beyond. Moscow: Academicheskyy Proekt, 2014. P. 209–226. (in Russian)
- Smirnov S. A.** Experiments in Philosophical Anthropology (Man in the Space of Culture). Novosibirsk: Offset, 1996. (in Russian)
- Smirnov S. A.** Philosophy of Human: The Life of Method. LAP LAMBERT Academic Publishing RU, 2017. (in Russian)
- Shmaglevskaya S.** The Innocents at Nuremberg. Moscow: Raduga, 1988. (in Russian)
- The Black Book.** On the Villainous Mass Murder of Jews by the Nazi Invaders in the Temporarily Occupied Regions of the Soviet Union and in Nazi Extermination Camps in Poland During the War of 1941–1945. Jerusalem: Tarbut, 1980. (in Russian)
- Yakemenko B. G.** Ashes over the Abyss. The Phenomenon of the Concentration World of Nazi Germany and Its Reflection in the Sociological-Cultural Space of Europe in the Middle – to Second Half of the Twentieth Century. Moscow: IRK, 2022. (in Russian)

Информация об авторе

Данила Владимирович Малахов, кандидат философских наук
заведующий кафедрой гуманитарного и физического воспитания, Белорус-
ский торгово-экономический университет потребительской кооперации

Information about the Author

Danila V. Malakhov, Candidate of Science (Philosophy)
Chief of the Department of Humanitarian and Physical Upbringing, Belarusian
Trade and Economics University of Consumer Cooperatives

*Статья поступила в редколлегию 17.11.2025;
одобрена после рецензирования 27.11.2025; принята к публикации 22.12.2025.*

*The article was submitted 17.11.2025;
approved after reviewing 27.11.2025; accepted for publication 22.12.2025*

Научная статья

УДК 101 + 304.2

DOI 10.25205/2541-7517-2025-23-4-141-148

Производство научного знания: исторический контекст и социальный фон

Владимир Валерьевич Петров

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

*Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия*

vvpetrov@mail.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0511-857X>

Екатерина Евгеньевна Лях

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

e.lyakh@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0009-0003-5893-1537>

Аннотация

Создание Академии наук СССР 27 июля 1925 г. стало поворотным моментом в истории отечественной науки, определившим подходы, не имевшие аналогов в мировой практике, к развитию научно-образовательного потенциала. Формирование единого всесоюзного научно-образовательного пространства в СССР представляет собой уникальный исторический опыт создания интегрированной системы производства фундаментального знания и трансфера технологий в масштабах огромного многонационального государства. В результате деятельности Академии наук СССР были созданы эффективные институциональные механизмы распространения научных результатов и обеспечено единство научно-образовательного пространства при сохранении разнообразия научных школ. В работе представлен краткий обзор основных научных направлений, обсуждавшихся на XLVI Международной годичной научной конференции «Научное изучение и освоение России и сопредельных территорий (к 100-летию образования Академии наук СССР)», состоявшейся 27–31 октября 2025 г. в Санкт-Петербургском отделении Российского национального комитета по истории и философии науки и техники Российской академии наук.

Ключевые слова

академическая наука, научная политика, междисциплинарное взаимодействие

© Петров В. В., Лях Е. Е., 2025

Для цитирования

Петров В. В., Лях Е. Е. Производство научного знания: исторический контекст и социальный фон // Сибирский философский журнал. 2025. Т. 23, № 4. С. 141–148. DOI 10.25205/2541-7517-2025-23-4-141-148

Scientific Knowledge Production: Historical Context and Social Background

Vladimir V. Petrov

Novosibirsk State University

Novosibirsk, Russian Federation

Institute of Philosophy and Law SB RAS

Novosibirsk, Russian Federation

vvpetrov@mail.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0511-857X>

Ekaterina E. Lyakh

Novosibirsk State University

Novosibirsk, Russian Federation

e.lyakh@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0009-0003-5893-1537>

Abstract

The USSR Academy of Sciences establishment (July 27, 1925) was a turning point in the history of Russian science, defining approaches to the development of scientific and educational potential that were unparalleled in global practice. The unified all-Union scientific and educational space formation in the USSR represents a unique historical experience in creating an integrated system for the production of fundamental knowledge and technology transfer on the scale of a vast multinational state. The USSR Academy of Sciences activities resulted in the creation of effective institutional mechanisms for the dissemination of scientific results and the ensuring the unity of the scientific and educational space while preserving the diversity of scientific schools. This paper presents a brief overview of the main research areas discussed at the XLVI International Annual Scientific Conference «Scientific Exploration and Development of Russia and Adjacent Territories (on the 100th Anniversary of the USSR Academy of Sciences)», held from October 27 to 31, 2025 by St. Petersburg Branch of the Russian National Committee on History and Philosophy of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences.

Keywords

academic science, science policy, interdisciplinary interaction

For citation

Petrov V.V., Lyakh E.E. Scientific Knowledge Production: Historical Context and Social Background. *Siberian Journal of Philosophy*, 2025, vol. 23, no. 4, p. 141–148. (in Russian) DOI 10.25205/2541-7517-2025-23-4-141-148

В последние десятилетия в качестве одного из приоритетных трендов развития современной науки прослеживается четко выраженная нацеленность на коммерциализацию научных исследований. Но наука XXI века характеризуется междисциплинарным взаимодействием, обусловленным переносом пред-

ставлений специальной научной картины мира и методологического инструментария исследования из одной научной области в другую, что приводит к смене исследовательских задач, методов и подходов. Естествознание активно вторгается в область гуманитарного знания, а гуманитарные науки, в свою очередь, участвуют в создании новой парадигмы научного мировоззрения. Если XX век, по мнению исследователей, характеризовался бурным развитием отраслей, основанных на естественных ресурсах, то XXI век становится столетием исследований силы интеллекта человека не только как части социума и части природы, но и как активного, деятельного существа, познающего и преобразующего мир.

27–31 октября 2025 года в Санкт-Петербургском отделении Российского национального комитета по истории и философии науки и техники Российской академии наук состоялась XLVI Международная годичная научная конференция «Научное изучение и освоение России и сопредельных территорий (к 100-летию образования Академии наук СССР)». Предметом внимания и обсуждения на конференции стал широкий круг вопросов данной научной проблематики: история организации и проведения научных экспедиций и исследовательских путешествий на огромных территориях Российского государства и сопредельных территориях в XVIII – начале XX в.; экспедиции Академии наук СССР как важный фактор научного изучения территорий союзных республик; роль филиалов и баз Академии наук СССР в формировании и развитии всесоюзного научно-образовательного пространства; от филиалов Академии наук СССР к академиям наук союзных республик. Проблемы координации исследований внутри страны; вклад отечественных исследователей в развитие международного научного взаимодействия и улучшение межгосударственных отношений России и сопредельных стран, а также ряд других актуальных вопросов [Наука и техника, 2025].

Проблематика научной конференции затронула широкий исследовательский спектр вопросов, связанных с ролью филиалов и баз Академии наук СССР в формировании научного пространства; проблемами координации отечественных исследований; генезисом советской и постсоветской науки; особенностями развития международного открытого научного сотрудничества; ролью научных исследований в улучшении отношений между Россией и сопредельными странами. В рамках работы семнадцати секций и четырех круглых столов конференции принимали участие не только отечественные исследователи, но и ученые из Азербайджана, Франции, Беларуси, Германии, Казахстана, что еще раз подчеркивает актуальность и международный интерес к проблематике, рассматриваемой в рамках научной годичной конференции в Санкт-Петербурге.

На открытии конференции прозвучали приветствия председателя комитета по науке и высшей школе Правительства Санкт-Петербурга А.С. Максимова; председателя Санкт-Петербургского отделения РАН, академика РАН А.И. Рудского; директора ИИЕТ РАН, д-ра ист. наук Р.А. Фандо, директора ИИМК РАН, д-ра ист. наук, проф. РАН А.В. Полякова; директора Центрального музея связи имени А.С. Попова, канд. ист. наук, члена Правления Российского исторического общества С.А. Иванюка; директора СПбФ ИИЕТ РАН, канд. социол. наук Н.А. Ащелуловой. На пленарном заседании с докладами, посвященными 100-летию образования Академии наук СССР, выступили представители научного сообщества

различного профиля. В своих выступлениях они обратились к социокультурным аспектам развития науки и техники в рамках длительного временного интервала, представив результаты подробного историографического анализа архивных документов, посвященных становлению и развитию Академии наук, сфокусировавшись на институциональном аспекте, а также на социокультурном фоне, определявшем направления развития фундаментальной и прикладной науки на различных исторических этапах.

В ходе пленарного заседания особое внимание было уделено совместному выступлению Героя России чл.-корр. РАН д-ра юрид. наук, проф., гл. науч. сотр. Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН Ю.М. Батурина и заместителя начальника по научной работе Научно-исследовательского испытательного центра подготовки космонавтов имени Ю.А. Гагарина д-ра техн. наук Б.И. Крючкова, которые представили доклад «Роль Академии наук в становлении и развитии системы отбора и подготовки космонавтов». В ходе выступления была отмечена существенная роль Академии наук СССР и далее – РАН в создании и развитии отечественной космонавтики, отборе космонавтов, разработке научных космических программ и т.д., поскольку именно «Академия наук играла значительную роль на начальном этапе подготовки пилотируемых полетов в космос и активно участвовала в разработке принципов и базовых положений» [Наука и техника, 2025, с. 29]. Подводя итоги, авторы сделали вывод, что за период с момента первого полета человека в космос 96 отечественных космонавтов посвятили себя космической науке и внесли существенный вклад в развитие отрасли (в том числе академик РАН В.П. Савиных, чл.-корр. РАН В.В. Лебедев, чл.-корр. РАН О.Ю. Атькова и другие). В ходе дискуссии прошло обсуждение вопросов о значимости освоения космоса в современных социальных, экономических и политических реалиях, поднимались философские вопросы, связанные с этической и аксиологической составляющими отечественной и мировой космической деятельности.

Интенсивная работа секций и круглых столов конференции проходила в течение пяти дней не только на базе СПбФ ИИЕТ РАН, но и ряда учреждений образования, науки и культуры г. Санкт-Петербурга. Тематика работы, по большей части была посвящена особенностям генезиса современной науки, актуальным вопросам ее дальнейшего развития, проблемам и задачам взаимодействия технических, естественных и социогуманирных отраслей производства фундаментального и прикладного научного знания («История астрономии», «История Академии наук и научных учреждений», «История биологии», «История электроники, информатики и связи», «История математики и механики» и др.). В рамках работы секции «Социологические проблемы науки» прошло обсуждение ряда докладов, в которых подчеркивалась значимость социально-философского, исторического и экономического аспектов развития научной мысли и рассматривались насущные вопросы воспроизводства научно-интеллектуального потенциала в период геополитических трансформаций. Руководитель секции директор СПбФ ИИЕТ РАН канд. социол. наук Н.А. Ащеулова сделала акцент на значимости непрерывных социологических исследований в современном научном сообществе. А.В. Баева (МГУ им. Ломоносова, Москва) в докладе «К вопросу об “искусствен-

ном интеллекте» как новой формы агентности» представила слушателям современные этические вопросы в области развития искусственного интеллекта (ИИ), базируясь на работах Л. Флориди. Ею были выявлены отличительные особенности агентности ИИ в наше время. По мнению А.В. Баевой, ИИ следует рассматривать «не как воспроизведение интеллекта биологического типа, а, напротив, как то, что способно обойтись без него вовсе, являясь успешным продолжением человеческого интеллекта» [Наука и техника, 2025, с. 191]. Автор доклада проводит сравнительный анализ концепций Л. Флориди и «ТАМЕ» («Технологический подход к вездесущности разума»), акцентируя внимание на том, что «широкая трактовка познания и интеллекта, а также экспериментальные данные приводят авторов концепции к заключению, что значительное число биологических агентов (и не только их, имея в виду проявления искусственного интеллекта) обладает познавательными способностями и той или иной степенью разумности», в итоге формулирует вывод о том, что анализ философских оснований эволюционной эпистемологии являются перспективными для дальнейшего исследования в области современной эпистемологии, в частности проблем ИИ.

Независимый исследователь Е.В. Васильева (Владивосток) представила доклад «Участие ученых ДВФАН АН СССР в освоении региона в 1932–1939 гг.», в котором отметила исторический и субъективный факторы активизации развития института науки в довоенный период, а также обозначила ряд материальных, финансовых, кадровых проблем. В качестве примера обсуждался дефицит научных кадров из-за оттока ученых за пределы Дальневосточного региона, и отмечалось, что «исследовательских сил не хватало... из-за проходивших с 1933 по 1938 г. арестов» [Наука и техника, 2025, с. 192]. Исследователь отметила, что, несмотря на значимые трудности, интенсивность исследований к концу 1930-х привела к реальным результатам в разных областях знания.

Е.А. Иванова и Л.Г. Николаева (Санкт-Петербургский научный центр РАН) презентовали доклад «Гранты Российского научного фонда в области гуманитарных и социальных наук: сравнительный анализ Москвы и Санкт-Петербурга», основой для которого стали данные Российского научного фонда (РНФ) как основного финансового инструмента поддержки российских научных исследований. Представленные данные отображали общий невысокий уровень поддержки социально-гуманитарных проектов. Авторы выявили, что распределение грантов различается в Москве и Санкт-Петербурге в зависимости от профилизации, научно-методического руководства, уровня финансирования научных баз. Исследователи проанализировали распределение грантов по тематическим направлениям и выявили значительное различие в Москве и Санкт-Петербурге: «В Москве доля грантов по экономическим наукам, политологии, социологии, науковедению, психологии превосходит долю этих грантов в Петербурге. В Петербурге выше, чем в Москве, доля грантов по истории, юридическим наукам, филологии, искусствоведению, культурологии. По истории соотношение долей составляет 29,7% в Москве и 32,1% в Петербурге» [Наука и техника, 2025, с. 193], причем в петербургских грантах доминирует СПбГУ (66 грантов), на втором и третьем месте соответственно Институт истории материальной культуры (19 грантов) и Санкт-Петербургский Институт истории РАН (12 грантов).

Уникальная тема, посвященная историко-культурному анализу, была затронута Т.И. Масловой (МГТУ им. Н.Э. Баумана) в докладе «Роль рисунков Федора Решетникова в преодолении трудностей участниками полярных экспедиций на ледокольных пароходах “Сибиряков” и “Челюскин” по Северному морскому пути в 1932–1934 гг.» [Наука и техника, 2025, с. 195]. Первоначально автор представила краткую историческую справку о полярном походе из Архангельска во Владивосток в 1932–1933 гг. во главе с О.Ю. Шмидтом. Одним из участников был молодой художник Федор Решетников, «его сатирические рисунки, остроумные шаржи были проникнуты одним желанием передать товарищам собственный запас жизнерадостности и молодой энергии. Рисунки молодого художника были не только весёлыми, но умными и тактичными». Автор делает вывод о том, что рисунки Ф. Решетникова создавали для участников особую сатирическую, непринужденную атмосферу, благодаря которой у них появлялась возможность переосмысления трудных ситуаций и проблем и через некоторое время вновь вернуться к выполнению задач.

Доклад М.О. Окуневой (РГГУ, Москва) «Трансформация управления наукой на региональном уровне в 1990-е гг.» был посвящен проблемным вопросам научной деятельности в условиях политического и экономического кризиса. Автор подчеркивает, что основной задачей в этот период была необходимость сохранения научно-технического потенциала России. Ключевым новшеством становится создание двухуровневой системы управления – на федеральном и региональном уровнях. Для более успешной реализации «деятельности субъектов федерации между собой были созданы межрегиональные ассоциации экономического взаимодействия, на базе которых согласовывались и вопросы научно-технической и инновационной политики» [Наука и техника, 2025, с. 197], были сформированы координационные региональные органы для взаимодействия с федеральным центром (Отдел развития научно-технического потенциала регионов, Межведомственный совет Миннауки России и РАН по проблемам регионального научно-технического развития, Центр регионального научно-технического сотрудничества при «Ренатехс» и др.). Подводя итоги, докладчик указала на то, что произошли кардинальные трансформации в управлении академической наукой, среди которых возможность республик в составе РФ создавать самостоятельные Академии наук.

Выступление А.Н. Родного (ИИЕТ РАН, Москва) с докладом «Война как фактор инновационной активности химиков» раскрывало проблему изоляцию российских химиков в периоды Первой и Второй мировых войн по уровню инновационной активности и конкурентоспособности. Показав особенности развития науки в военный период, автор обозначил, что активная мобилизация научно-технического потенциала, профессиональная мобильность химиков, формирование новой мобилизационной «элиты» и страты мобилизационных химиков ограничивают территориальные пространства для химиков и влияют на изменения нормативно-правовых баз в области интеллектуальной собственности, в то время как в послевоенный период (1946–1950) интеллектуальная активность химиков была восстановлена на 83 %.

Заключительный доклад секции «80-летие Коми НЦ УрО РАН как проявление современной коммеморативной практики» Л.П. Рощевской (Коми научный центр УрО РАН, Сыктывкар) был посвящен юбилею, который отмечал научный центр в 2024 году. В ходе прошедшего юбилея многие сотрудники были охарактеризованы как значимые деятели науки и просвещения, которые поддерживают давние деловые контакты с Национальным музеем, Национальным архивом, Национальной библиотекой Республики Коми [Наука и техника, 2025, с. 200]. По мнению автора доклада, мероприятия, проводимые в рамках юбилея, можно рассматривать как часть коммеморативной практики, то есть как комплекс мероприятий, направленных на сохранение и солидаризацию памяти о значимых событиях в истории науки [Там же].

В завершение работы было обозначено, что в изменившихся социокультурных условиях проведение подобных широкопрофильных конференций становится показателем уровня развития гуманитарных дисциплин, значимости рассмотрения социологических, философских, этических и исторических аспектов развития современной науки. Конференция выступила своеобразной информационной платформой, на которой были представлены различные точки зрения и оценки результатов научной работы. Вместе с тем, необходимо отметить, что по мере усложнения политических и социальных отношений в обществе все более актуальной становится потребность учитывать исторические корни многих явлений. Понимание истории развития науки и образования во многом помогает не только осмыслить настоящее, но и спрогнозировать будущее, так как прошлое содержит ключ к пониманию текущих событий и позволяет определить возможные направления фундаментальных и прикладных как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе.

Список литературы

Наука и техника: Вопросы истории и теории: Материалы XLVI Международной годичной научной конференции Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники Российской академии наук «Научное изучение и освоение России и сопредельных территорий (к 100-летию образования Академии наук СССР)» (27–31 октября 2025 г.). СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 2025. 358 с.

References

Science and Technology: Questions of History and Theory. Proceedings of the XLV International Annual Scientific Conference of the St. Petersburg Branch of the Russian National Committee on History and Philosophy of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences «Scientific Exploration and Development of Russia and Adjacent Territories (on the 100th anniversary of the USSR Academy of Sciences)». Saint Petersburg: IIET RAS, 2025. (in Russian)

Информация об авторах

Владимир Валерьевич Петров, доктор философских наук, доцент
доцент кафедры социальной философии, Новосибирский государственный
университет;
старший научный сотрудник, Институт философии и права СО РАН.

Екатерина Евгеньевна Лях

ассистент кафедры социальной философии, Новосибирский государствен-
ный университет

Information about Authors

Vladimir V. Petrov, Doctor of Sciences (Philosophy), Docent
Associate Professor, Chair of Social Philosophy, Novosibirsk State University
Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS

Ekaterina E. Lyakh

Assistant Professor, Chair of Social Philosophy, Novosibirsk State University

*Статья поступила в редколлегию 1.12.2025;
одобрена после рецензирования 15.12.2025; принята к публикации 22.12.2025.*

*The article was submitted 1.12.2025;
approved after reviewing 15.12.2025; accepted for publication 22.12.2025*

Правила представления, рецензирования и опубликования научных статей

I. Общая информация

1. «Сибирский философский журнал» (до 2016 г. «Вестник НГУ Серия: Философия», свидетельство ПИ № ФС77-40146 от 04.06.2010, ISSN 1818-796X) публикует научные статьи и критические материалы с широкой философской и научной (социально-гуманитарной) тематикой, отражая интеллектуальное разнообразие позиций сообщества философов Новосибирского государственного университета и регионального отделения Российского философского общества, совмещающих интеллектуальную свободу и требовательность к обоснованности суждений, стремление к ясности и четкости мышления, рациональность аргументации.

2. Журнал зарегистрирован как средство массовой информации (свидетельство ПИ № ФС77-64829 от 02.02.2016). Подписной индекс в каталоге «Пресса России» – 11236. Журнал зарегистрирован в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) – договор № 548-09/2014 от 17.09.2014. Периодичность издания – 4 раза в год.

3. Основные разделы журнала: «Аналитическая философия, эпистемология и философия науки», «Социальная философия», «История философии» и «Научная жизнь, полемика, рецензии, переводы». Рубрики соответствуют Номенклатуре научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени кандидата и доктора наук, по следующим отраслям науки:

5.7 – Философия;

4. Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет редакции следующие неисключительные права на использование произведения на весь срок действия авторского права, предусмотренного действующим законодательством РФ, следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение и перевод произведения; доведение до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, в том числе право на публикацию статьи как в виде твердой копии (в журнале), так и в электронном виде (в том числе на платформе Научной электронной библиотеки eLibrary.ru). Территория использования статьи способами, предусмотренными выше, не ограничивается территорией Российской Федерации.

5. Редакционная коллегия осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов с целью их экспертной оценки. Привлекаемые рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних трех лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в редакции издания в течение пяти лет.

Все статьи проходят обязательное двойное слепое (double-blinded) рецензирование. О принятом решении авторы извещаются по указанному ими адресу электронной почты. Редакция издания направляет авторам представленных

материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также (при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса) направляет копии рецензий в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации.

6. Недопустимо представлять в редакцию ранее опубликованные работы, а также не оригинальные рукописи, скомпилированные из цитат или представляющие собой изложение ранее опубликованных работ, которые могут вызвать подозрение в нарушении научной этики.

Если статья возвращается автору для доработки, исправления или сокращения, то датой представления ее в журнал считается день получения редакцией окончательного текста.

Гонорар за публикуемые статьи, доклады, сообщения и рецензии не выплачивается. Не принятые к публикации материалы авторам не возвращаются.

7. Редакция оставляет за собой право редактировать, сокращать (по согласованию с автором) и адаптировать публикуемые материалы к рубрикам журнала. Обязательным условием публикации материалов является наличие УДК, отвечающего основным разделам журнала. Общий объем статей с главным (первым) индексом УДК, не относящимся к разделу 1 – «Философия», не может превышать четверти объема каждого выпуска.

Публикации, значительно превышающие рекомендованный объем текста статьи (до 40 000 знаков с пробелами), допускаются к рассмотрению только по согласованию с редколлегией.

8. Статьи иностранных авторов, выполненные на иностранных языках, публикуются по согласованию с автором при наличии ключевых слов и аннотации на русском языке объемом до 3 000 знаков с пробелами.

9. Рукописи принимаются только в электронном виде.

10. Примерные сроки подачи рукописей в соответствующий номер: № 1 – до 15 декабря; № 2 – до 15 февраля; № 3 – до 1 июля; № 4 – до 1 сентября.

Адрес редакционной коллегии журнала
Новосибирский государственный университет,
Институт философии и права
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия
Тел.: (383) 363-42-38. E-mail: philos@vestnik.nsu.ru

II. Правила оформления текста рукописи

1. Подаваемая в редколлегию рукопись должна содержать информацию по каждому из обязательных пунктов, приведенных ниже.

Библиографические ссылки, библиографическое описание и списки литературы должны быть оформлены строго в соответствии с приведенными ниже правилами.

Рукописи принимаются только в виде файлов в формате .rtf

2. Обязательные пункты рукописи.

(а) УДК; название статьи на русском языке; ФИО автора (полностью); место работы (без сокращений); город, страна; e-mail; <https://orcid.org/>; аннотация

на русском языке (до 150 слов); ключевые слова на русском языке (до 10 слов); раздел «Для цитирования».

(б) Название статьи на английском языке; ФИО автора на английском языке; место работы (без сокращений), город, страна на английском языке; e-mail; ORCID; аннотация на английском языке (до 150 слов); ключевые слова на английском языке (до 10 слов); раздел «For citation».

(в) Текст статьи (до 40 000 знаков с пробелами).

(г) Раздел «Список литературы» для русскоязычного читателя.

(д) Раздел «References» для иноязычного читателя.

(е) Раздел «Информация об авторе(ах)» (фамилия, имя, отчество, ученая степень, ученое звание, должность по указанному месту работы) на русском и на английском языках (Information about the author(s)).

В случае необходимости также приводится раздел «Благодарности» / «Acknowledgements».

3. Название статьи, содержание аннотации и ключевые слова на английском языке проверяются редколлегией. За перевод на английский язык источников в разделе «References» редколлегия ответственности не несет.

4. Основной текст статьи оформляется следующим образом. Основной шрифт – Times New Roman. Размер шрифта – 14 пт. Междустрочный интервал – 1,5 строки. Масштаб шрифта – 100 %. Интервал шрифта – обычный. Смещение шрифта – нет. Поля стандартного листа А4 – все по 2 см. Абзацный отступ – 1,25 см.

Авторы, оформляющие материалы в формате .docx (с последующей конвертацией в .rtf), должны выставить в настройках (включая настройки оформления номера страницы) стандартные значения для абзацев: отступ слева – 0 см, отступ справа – 0 см. Интервал перед – 0 пт, интервал после – 0 пт.

Все страницы рукописи должны быть пронумерованы.

Если в статье используются нестандартные шрифты (греческий), то к тексту рукописи необходимо приложить файлы используемых шрифтов (.ttf). Передача шрифтов не должна нарушать лицензионную политику правообладателей.

В тексте статьи используется тире *только* одного вида – так называемое «короткое» тире (сочетание клавиш: CTRL + Num-). В качестве пунктуационного знака тире требует пробелов с обеих сторон, при обозначении интервала в цифрах используется тире без пробелов (2–3, 1920–1940 гг.; однако с поясняющими словами тире используется с пробелами: конец 1920 – начало 1921 г.).

Цитаты заключаются в кавычки «елочки». Если внутри цитаты, заключенной в кавычки, встречаются слова, в свою очередь заключенные в кавычки, для них нужно использовать кавычки «лапки» (две «шестёрки» и две «девятки» сверху).

5. Библиографические ссылки внутри текста статьи оформляются в квадратных скобках, через запятую указываются: фамилия автора, год издания, страницы со строчной с. или р. Интервал страниц задает короткое тире.

При прямом цитировании после кавычек указывается: [Horton et al., 2006, p. 427–428] или [Целищев, Бессонов, 1979, с. 92].

При указании на источник ссылка заключается в круглые скобки: (см., например: [Дарвин, 1939]).

При косвенном цитировании (парафраз) указание на страницы источника является обязательным, источник заключается в круглые скобки: (см.: [Пелевин, 2013, с. 215–216]).

Комментарии и замечания к тексту приводятся в подстрочных сносках (текст сноски располагается внизу страницы) и нумеруются по порядку с начала документа, начиная с цифры 1 ¹.

Ссылки на архивные документы и документы из сети Интернет оформляются *только* в виде подстрочной сноски.

Ссылка на документ из сети Интернет имеет вид: автор (если есть), название материала (как указано на странице), дата опубликования материала (если есть), официальное название ресурса, на котором размещен материал, URL ресурса, дата обращения к ресурсу автора статьи.

Не допускается указывать ссылки на документы из сети Интернет, если эти документы имеют стандартные библиографические идентификаторы для печатной продукции (статьи, монографии, grey/green papers и т. д.), которые и включаются в список литературы.

Если сайт, на котором находится документ, запрещен, указывается дата проверки нахождения сайта в соответствующем реестре Роскомнадзора ².

Если текст статьи содержит указание: а) на запрещенную организацию (либо ликвидированную или деятельность которой приостановлена); б) на некоммерческие организации / средства массовой информации / незарегистрированные общественные объединения / физические лица, признанные СМИ / физические лица, признанные «иностранными агентами»; в) на нежелательную организацию, то в подстрочной сноске *в обязательном порядке* указывается статус, – например, «организация, запрещенная на территории РФ», «организация, деятельность которой признана нежелательной на территории РФ», «признан иностранным агентом» и т.д., – а также полное название соответствующего нормативного документа либо указание на раздел сайта соответствующего ведомства, закрепившего статус, и дата его последней редакции ³.

6. Список литературы оформляется в конце статьи в алфавитном порядке (сначала русскоязычные авторы). Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа), фамилии и инициалы редакторов (если речь идет о коллективной монографии или сборнике), полное название работы, а также издания, в котором опубликована (для статей), город, название издательства или издающей организации (для книг), год

¹ Здесь мы согласны с мнением В.Е. Петрова [2002, с. 111]. Подробный анализ самого подхода см. в статье [Rorty, 1979].

² См.: «Гринпис» (14 марта 2017). Русскоязычная энциклопедия фольклора и субкультур «Луркоморье». URL: <https://lurkmore.to/Гринпис> (дата обращения 01.02.2021). Сайт входит в Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети Интернет и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети Интернет, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено (<https://eais.rkn.gov.ru/>) (дата проверки 07.02.2021).

³ Как отмечает комик Данила Поперечный: «Я думал до такого не дойдет». См.: «Меня признали иноагентом», видео, 3:07 [38:17] (8 июля 2024). YouTube, канал «Данила Поперечный». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=3QXwMnKUwSc> (дата обращения 15.08.2024). Поперечный Д.А. включен в Реестр иностранных агентов Министерства юстиции РФ (<https://minjust.gov.ru/ru/activity/directions/998/>) (дата обновления 30.08.2024).

издания, том (для многотомных изданий), номер, выпуск (для периодических изданий). Для статей (глав монографий и сборников) указывается объем публикации (первая и последняя страницы).

NB! В целях унификации оформления русскоязычных и иноязычных источников разделы «Список литературы» и «References» оформляются в одном стиле. Все источники оформляются по адаптированным правилам ГОСТ (см. ниже).

Решением редакционной коллегии с 2023 года *прекращена* практика дублирования англоязычного названия русскоязычного источника транслитерацией этого названия латинскими буквами. В списке «References» обязательная транслитерация сохраняется только для названий издательств. Также в списке «References»: вместо значка номера журнала «№» пишется «No.»; города именуются в соответствии с принятыми конвенциями без сокращений: Moscow, Saint Petersburg, New York; для русскоязычных источников указывается (in Russian).

7. При подготовке иллюстративного материала следует учесть, что рисунки принимаются только в форматах .gif, .jpg, .tif, .cdr. Максимальное поле изображения 120 x 180 мм. Цветовая гамма изображений и таблиц (кроме исключительных случаев) должна отвечать требованиям черно-белой печати (белый фон, черные или серые линии, без цветных элементов и мелких сплошных заливок). Допускается создание таблиц и диаграмм в Word и Excel (обязательно приложить исходный файл в формате .xls).

Рисунки и таблицы в тексте *должны иметь подписи* на русском и на английском языках, размер шрифта подписи – 9 пт.

III. Образец оформления рукописи

УДК 101 + 378

Гуманитарные и социальные исследования в XXI веке

Иван Иванович Иванов

*Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия*

ivanov@mail.ru, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

Аннотация

Ключевые слова

Благодарности

Для цитирования

Humanitarian and Social Research in the 21st Century

Ivan I. Ivanov

*Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation*

ivanov@mail.ru, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

Abstract

*Keywords**Acknowledgements**For citation*

Основной текст статьи

Список литературы

- Аристид.* Апология Св. Аристида // Сочинения древних христианских апологетов: в 25 т. / Под ред. А.Г. Дунаева. СПб.: Алетейя, 1999. Т. 1. Афинские государственные деятели V в. до н. э. С. 290–336.
- Целищев В. В.* Рационалистический оптимизм и философия Курта Геделя // *Вопр. философии*. 2013. № 8. С. 12–23.
- Lee J. Y.* *God Suffers for Us: A Systematic Inquiry into a Concept of Divine Passibility*. L.: Springer Netherlands, 1974. 323 p.
- Sarot M.* *Patripassianism, Theopaschitism and the Suffering of God: Some Historical Considerations* // *Religious Studies*. 1990. Vol. 26. № 2. P. 363–375.

References

- Aristid.* *Apology of St. Aristides* // *Works of Ancient Christian Apologists (25 vols.)* / Ed. A. G. Dunaev. Saint Petersburg: Aleteia, 1999. Vol. 1. Athenian Statesmen of the 5th century BC. P. 290–336. (in Russian)
- Lee J. Y.* *God Suffers for Us: A Systematic Inquiry into a Concept of Divine Passibility*. L.: Springer Netherlands, 1974. 323 p.
- Sarot M.* *Patripassianism, Theopaschitism and the Suffering of God: Some Historical Considerations* // *Religious Studies*. 1990. Vol. 26. No. 2. P. 363–375.
- Tselishchev V. V.* *Rationalistical Optimism and the Philosophy of Kurt Godel* // *Voprosy filosofii*. 2013. No. 8. P. 12–23. (in Russian)

Информация об авторе

Иван Иванович Иванов, кандидат философских наук, доцент
Научный сотрудник, Институт философии и права Сибирского отделения
Российской академии наук

Information about the Author

Ivan I. Ivanov, Candidate of Science (Philosophy), Docent
Researcher, Institute of Philosophy and Law of Siberian Branch of the Russian
Academy of Sciences

Сибирский философский журнал

Научный журнал

2025. Т. 23, № 4

Учредитель
Новосибирский государственный университет

Адрес учредителя и издателя
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия

Главный редактор
доктор философских наук В. С. Диев

Адрес редакции
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

Дата выхода в свет 07.09.2026

Тираж 35 экз.

Подписная цена 480 руб.

Адрес типографии
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия